

ФГАОУ ВО «СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Отделение Российского исторического общества в Севастополе

Севастопольское городское отделение Русского географического общества

Севастопольская региональная научная общественная организация
по сохранению, исследованию и популяризации историко-культурного,
природного наследия и научно-технических достижений «Знание»

ПОТЕМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
IX Всероссийской с международным участием
научной конференции

г. Севастополь

6–7 октября 2025 г.

ПОТЕМКИНСКИЕ
ЧТЕНИЯ

Севастополь – 2025

УДК [902/903+93/94](06)

ББК 63.3/.4я43

П64

ПУБЛИКУЕТСЯ

по решению программного комитета IX Всероссийской научной конференции с международным участием
«Потемкинские чтения».

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Н.Л. Семенова

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой «История России и основы российской государственности»
Севастопольского государственного университета

М.Н. Козлов

доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура»
Севастопольского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д.Б. Татарков

доцент, кандидат исторических наук, директор Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета,
(главный редактор)

Е.Е. Бойцова

доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Всеобщая история и мировая культура»
(заместитель главного редактора)

В.В. Хапаев

доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура», заместитель директора Института
общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета
(заместитель главного редактора)

Ю.В. Шахин

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура»
Севастопольского государственного университета

М.В. Фомин

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура»
Севастопольского государственного университета

Э.Р. Шихаметова

аспирант кафедры «Всеобщая история и мировая культура», Севастопольского государственного университета
(технический редактор)

Е.А. Абаев

специалист по воспитательной работе Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета
(технический редактор)

Т.И. Дранишников

председатель Студенческого научного общества Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета
(технический редактор)

П 64

Потемкинские чтения : сборник материалов IX Всероссийской
научной конференции с международным участием, г. Севастополь, 6–7
октября 2025 года / Севастопольский государственный университет ;
ред. колл.: Д. Б. Татарков, Е. Е. Бойцова, В. В. Хапаев [и др.]. –
Севастополь : СевГУ, 2025. – 158 с. – ISBN 978-5-6054324-8-7

Сборник содержит статьи по материалам докладов участников IX Всерос-
сийской с международным участием научной конференции «Потемкинские чте-
ния» по истории и археологии.

Для ученых, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется новейшими науч-
ными достижениями в области истории и археологии.

ISBN 978-5-6054324-8-7

9 785605 432487 >

УДК [902/903+93/94](06)

ББК 63.3/.4я43

© Севастопольский государственный университет, 2025 г.
© Коллектив авторов, 2025 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ ДИПЛОМИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Проккопенков В.Н.</i> «Кандидат в архиереи». Православное мировоззрение в жизни и деяниях светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического.....	8
<i>Баранов А.В.</i> Историческое самосознание гуманитарной интеллигенции Крыма (по данным экспертного опроса)	13

АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНО- МОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

<i>Бай А.А., Лысенко Е.Г.</i> Спортивные мероприятия поздней Античности	16
<i>Бейдуллазаде Вюсая Ф.</i> Два региона – одна эстетика: сравнительный анализ средневековой керамики (на примере Тахт-е Сулеймана и мавзолея II в Хараба Гилан)	20
<i>Казак Н.А.</i> Историография истории виноградарства и виноделия византийского Египта.....	24
<i>Гулиев Э.А.</i> Источниковедческий вклад З.М. Бунятова в изучение истории средневекового азербайджана.....	28
<i>Исмаилзаде С. Дж.</i> Этнополитическое соперничество между хазарами и арабами за Кавказ	36
<i>Казеннова Л.К.</i> Методика создания трехмерной реконструкции крестово-купольных храмов на примере храма у подножия горы Килиса-Кая близ Судака	39
<i>Мамедов И.А.</i> Влияние сельджуков на Азербайджан: политические, социальные и культурные аспекты	43
<i>Таран В.С.</i> Восточная политика императора Юстиниана I.....	46
<i>Чжан Теригеле.</i> Различные верования древних тюрков	51
<i>Шевцова А.А.</i> «Святые могилы» в окрестностях Херсонеса-Херсона как пример формирования сакрального ландшафта раннехристианского города	55
<i>Скакова И.В.</i> Некоторые знаки и символы на плинфах из Гиеноса	58
<i>Орлов Е.К., Тарсуков Д.И.</i> Дорожная система византийской Фракии	63

НОВАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ, СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

<i>Киселев И.В.</i> Государственное управление высшими учебными заведениями России в начале XIX вв.	67
--	----

<i>Шихаметова Э.Р.</i> Роль беев из рода Ширин в мирном вхождении Крыма в состав России	70
<i>Абаев Е.А.</i> Первые командиры брига «Меркурий» и их роль в его истории (1820–1829)	74
<i>Хапаев В.В.</i> «Поволжский вояж» А.И. Казарского в 1831–1832 годах: цели, ход и итоги.....	79
<i>Николаев Ю.Б., Оношко О.В., Руденко М.В.</i> Крымская война в исторической памяти жителей Приазовья (по итогам круглого стола центра этнополитической реабилитации Донецкого государственного университета, 11 июля 2025 г.).....	83
<i>Князев М.А.</i> Последний посол России в Австро-Венгрии Н.Н. Шебеко: траектории карьерного пути дипломата на рубеже XIX–XX вв.	87
<i>Мустафаев И.З.</i> Экономическое положение Португалии во время мирового кризиса 1900–1903 гг.	93

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ, СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

<i>Попова А.Д.</i> Повседневная жизнь провинции в карикатурах на страницах советских газет ..	97
<i>Попова О.Д.</i> «Помоги, братец Ерш!» (письма граждан в юмористические отделы региональной периодики как отражение проблем советской повседневности)	102
<i>Акимов Е.С.</i> Карлизм в огне: традиционалисты в Гражданской войне в Испании (1936–1939 гг.)	106
<i>Русинова А.С.</i> «Южный вопрос» как историко-структурная проблема в концепции Антонио Грамши.....	111
<i>Асланбекова Э.А., Махадов А.К., Гусейнова А.А., Акаев М.А.</i> Молодежь и комсомольцы Дагестана в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)	114
<i>Арзу Халилзаде.</i> Инвестиции и конкуренция в секторе информационно-коммуникационных технологий Азербайджана в 2016–2020 годах	117

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ, СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Цветкова А.А.</i> Выставка в Ялтинском историко-литературном музее: отражение истории Великой Отечественной войны	126
--	-----

СТАТЬИ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА

АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

<i>Белоусов И.М.</i> Четвертый Вселенский собор. Противостояние элит.....	132
<i>Колтунов А.Н.</i> Город Виминаций как главный опорный пункт на периферии Римской империи в позднеантичное время	135
<i>Нукушов Р.М.</i> Лидия как царство контрастов в «Пире мудрецов» Афиней Навкратийского .	138
<i>Радюк Е.П.</i> Трансформация административной системы позднеантичного Херсонеса при интеграции города в состав Империи ромеев	140
<i>Шляховой О.П.</i> Торговые отношения Руси на Каспии и Черноморье IX–X веках.....	143
<i>Лапицкий А.Ю.</i> Взаимоотношения Иерусалимского Королевства с Византийской империей и Халифатом Фатимидов (1099-1291)	145
<i>Николаенко Е.С.</i> Отображение Германии накануне Реформации в художественной литературе конца XV – начала XVI вв. .	148

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ, СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

<i>Шелякина Е.В.</i> Константинопольский мирный договор 1700 года: дипломатический аспект	151
<i>Горнушкин И.И.</i> Ливадийский дворец в годы Великой Отечественной войны. Ялтинская конференция 1945 года.....	154
<i>Пономаренко Р.Д.</i> «Ласточкино гнездо»: судьба южнобережной усадьбы Крыма в годы Великой Отечественной войны	156

ПОТЕМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СТАТЬИ
ДИПЛОМИРОВАННЫХ
СПЕЦИАЛИСТОВ**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 94(47).07/08:271.2-3

DOI: 10.5281/zenodo.17011078

**«КАНДИДАТ В АРХИЕРЕИ». ПРАВОСЛАВНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В ЖИЗНИ И ДЕЯНИЯХ
СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ Г.А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО**

**“CANDIDATE FOR BISHOP”. THE ORTHODOX WORLDVIEW IN LIFE AND DEEDS OF
HIS SERENE HIGHNESS PRINCE G.A. POTECHKIN-TAURICHESKY**

**Прокопенков В.Н.
Prokopenkov V.N.**

*Севастопольская региональная общественная организация «Исторический клуб
«Севастополь Таврический», г. Севастополь
Sevastopol Regional Public Organization "Sevastopol Taurichesky" Historical Club", Sevastopol*

Аннотация. Исследование представляет собой анализ исторических источников XVIII–XIX веков, направленный на выявление духовных ориентиров, влиявших на формирование православного мировоззрения одной из ключевых фигур екатерининской эпохи – светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического. Несмотря на обширный список исследовательской литературы, посвященный личности князя, его внутренний религиозный мир до сих пор не был объектом тщательного научного изучения. Особое внимание в работе уделяется анализу духовно-нравственных факторов, обусловивших принятие политических, военных и других решений, позволяющих переосмыслить деяния Григория Потемкина.

Abstract. The present study is an analysis of historical sources of the XVIII–XIX centuries, aimed at identification of spiritual guidelines that influenced the formation of the Orthodox worldview of one of the key figures of the Catherine era – His Serene Highness Prince G.A. Potemkin-Taurichesky. Despite the extensive literary list devoted to the personality of the Prince, his inner religious world has not yet been the object of thorough scientific study. Special attention of the article is devoted to the analysis of the spiritual and moral factors that preconditioned the adoption of political, military and other decisions making it possible to rethink the deeds of Grigory Potemkin.

Ключевые слова: Потемкин, Екатерина II, дворянство, монашество, мировоззрение, православие.

Key words. Potemkin, Catherine II, nobility, monasticism, worldview, Orthodoxy.

Изучение личности князя Григория Александровича Потемкина остается перспективным направлением в историографии эпохи позднего русского Просвещения. Как государственный деятель и реформатор он получил высокую оценку в отечественной и части зарубежной литературы. На протяжении столетий историки уделяли большое внимание его достижениям на государственной службе, но религиозное мировоззрение этого человека редко рассматривалось в качестве ключевой составляющей личности. Духовные стремления князя, его контакты с духовенством и соблюдение христианских традиций, значение Священного Писания в его жизни позволяют предполагать, что Потемкин был не только носителем православного менталитета, но и претворял это начало в повседневную жизнь и практику государственного управления.

Сведения о юных годах будущего фаворита Екатерины II практически не сохранились. Родился Г.А. Потемкин в 1739 году в имении Чижово Смоленской губернии в семье отставного майора Александра Васильевича Потемкина – небогатого мелкопоместного дворянина. В 1703 году его дед возвел на месте родового имения деревянную церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что свидетельствует о значимости церковных устоев в быту этой семьи. Женитьба А.В. Потемкина на помещице, принявшей впоследствии монашеский постриг и ушедшей в Егорьевский монастырь, также показывает религиозную направленность семейных традиций.

Культурно-бытовая среда в семье дворян того времени находилась под воздействием западноевропейской моды и рационалистического мировосприятия, свойственных эпохе. Русское дворянство отличалось доминированием материальных ориентиров, что выражалось

в отношении к церковной жизни, особенно это наблюдалось в крупных городах. Усиление эстетизации религиозного пространства, выражавшееся в стремлении к внешнему великолепию храмов, зачастую замещало подлинное благочестие. «Внимание уделяется украшению своих домовых церквей. Невиданные по красоте и отделке не столько во славу Бога, сколько во славу заказчика» [1, с. 17], [18, с. 109].

В семье Потемкиных религиозное воспитание играло значительную роль. В некоторых источниках сообщается, что обучение юного Григория грамоте началось с сельского дьяка Тимофея Краснопевцева, «человека ограниченного, но доброго» [22, с. 321]. По другим сведениям, его наставником стал заштатный дьяк Семен Карцев, с которым князь спустя годы встретился в Таврическом дворце [4, с. 13, 20, 91]. Раннее общение с представителями церкви заложило фундамент для дальнейшего религиозного самоопределения Потемкина в духовных исканиях.

П.Ф. Карабанов, будучи родственником Потемкина, в публикациях 1870-х годов отмечал особую привязанность молодого князя к церковной среде. Согласно приводимым им свидетельствам, он часто уединялся в храме святого Николая Чудотворца села Воробино, где участвовал в богослужениях, исполняя обязанности алтарника: «раздувал кадило, держал свечу перед Евангелием и Святыми Дарами» [12, с. 256]. Служение в храме можно интерпретировать как зарождение глубокой внутренней потребности в приобретении литургического опыта. Племянник Потемкина Л.Н. Энгельгардт вспоминал, что Григорий Александрович в юности говорил: «Собираюсь стать архиереем или министром» [10, с. 7, 163, 168, 184], [23, с. 33]. Хотя вопрос его обучения в духовной семинарии остается предметом дискуссий, наличие столь устойчивого религиозного устремления подтверждается многочисленными мемуарными и биографическими источниками [3, с. 57, 72, 82], [7, с. 212, 380], [23, с. 33].

В 1756 году Григорий Потемкин поступил в Московский университет, где проявил не только академические способности, но и интерес к богословским дисциплинам. Его успехи в изучении «эллино-греческого языка» и частое посещение Заиконоспасского монастыря, находившегося неподалеку, свидетельствуют о стремлении к церковному образованию [4, с. 13, 20, 91]. Со слов Н.И. Надеждина, Потемкин добивался расположения преподавателей Славяно-греко-латинской академии, открыто высказываясь о готовности принять монашество, «произнести вечные обеты» [10, с. 7, 163, 168, 184]. Эти факты указывают на наличие у этого человека подлинного духовного призвания, причем осознанного и обдуманного. По воспоминаниям современников, он предпочитал университетским занятиям беседы с монахами, особенно с иеродьяконом Дорофеем из греческого монастыря, с которым изучал древнегреческий язык [19, с. 481, 488].

Особое значение в духовной биографии Потемкина стала его дружба с московским архиепископом Амвросием (Зертис-Каменским). Просвещенный иерарх, известный своей переводческой деятельностью, оказал на юношу значительное влияние. Несмотря на благожелательное отношение к нему, архиепископ отговорил Потемкина от монашеского пути, сказав, что «ему будет тесно и душно в келье», указал на иное поприще, а именно военное служение [11, с. 12, 17, 173]. Таким образом, отказ от монашеской жизни не был вызван утратой религиозного интереса, став следствием духовного наставничества.

В 1760 году Потемкин был отчислен из университета, в том числе по причине «увлечения религией», что фиксируется в документах того времени [17, с. 35–50]. В 1764 году он получил возможность работать помощником обер-прокурора Святейшего Синода. В этом качестве 25-летний Григорий подготовил аналитическую записку о состоянии монашества в России, в которой критиковал упадок духовной дисциплины и предлагал реформы, назвав значительную часть иноков «тунеядцами» [4, с. 91]. Подобная прямота в оценке церковной жизни может рассматриваться не как проявление антиклерикализма, но как стремление к обновлению и оздоровлению монашеских институтов, личной ответственности за судьбу Церкви. Его рационализм и административная компетентность в сочетании с глубокими религиозными убеждениями позволяли Потемкину некоторое время выступать в роли светского ревнителя церковного порядка.

Привязанность к богословию, философии и древним языкам сохранялась всю его жизнь. В походах его неизменно сопровождал обоз с десятком фургонов книг. Эта подвижная библиотека включала труды отцов Церкви, а также сочинения по литургике и греческой патристике. Особое место в ней занимало «Слово о священстве» святителя Иоанна Златоуста – текст, обнаруженный в родовом доме Сергеем Николаевичем Глинкой, посетившим имение Потемкина [7, с. 212, 380]. В круг чтения князя входили также сочинения архиепископа Евгения (Булгариса), крупнейшего греческого духовного писателя эпохи Просвещения, библиотекаря Екатерины II [12, с. 256]. Это свидетельствует не только об интеллектуальном масштабе личности Потемкина, но и о его попытках интегрировать идеи образования и духовного просвещения в традиционную православную среду.

Христианские убеждения светлейшего нашли отражение и в его личной переписке. В марте 1784 года в письме к А.В. Суворову Потемкин так говорит о победе русского флота: «*Христос посреди нас!*» – призывая офицеров «Христианского флота» уповать «*не на величие судов, но на калибр орудий и храбрость начальников*» [9, с. 19]. Эта фраза подчеркивает непосредственную глубину его веры, охватывавшую многие аспекты государственного и военного служения. Подобная риторика не была формальной: она фиксирует сакральный прообраз власти, преемственность византийской традиции «воинствующего христианства», наполненный личной молитвенной интонацией.

Потемкин активно участвовал и в процессе церковного устроения новых территорий. Согласно сведениям, опубликованным Н.Н. Мурзакевичем, князь обладал значительным собранием церковной утвари, среди которой – архиерейские облачения, кресты, панагии, иконы и ризы [14, с. 460]. Эта коллекция передавалась в храмы новозаселенных земель, что отражает как административную целесообразность, так и его внутреннюю религиозную мотивацию. В 1784 году митрополит Ахайский Парфений посвятил Потемкину торжественное «Лавроприношение», славя его как создателя новой епархии и «*приводителя Крыма и прочих областей под державу православия*» [16]. Отношения князя с представителями церковной иерархии, его благотворительная деятельность и поддержка духовенства подчеркивают, что религия была не только инструментом политической мобилизации государства, но и основанием его представлений о служении Отечеству.

В диалоге с императрицей Екатериной II Потемкин нередко выступал инициатором обсуждений, касающихся устройства церковной жизни в Новороссии. В одном из писем в марте 1784 года он излагает размышления о характере будущей церковной власти в Тавриде, балансе между Московской и создаваемой Таврической епархиями [13, с. 155, 180, 192]. Хотя императрица не всегда выражала прямую заинтересованность в религиозных вопросах, именно Потемкину принадлежала инициатива миссионерской, просветительской и административной работы в области церковного строительства. Этот аспект подчеркивает его сознательное участие в православной миссии как части политики российского государства.

Его письма свидетельствуют о стремлении осмысливать даже некоторые военные действия с учетом религиозных смыслов. В 1787 году, после сражения у Днепро-Бугского лимана, он вновь писал Суворову: «*Христос посреди нас!*» [10, с. 163]. В этих словах чувствуется не только обрядовая фразеология, но и личная убежденность в живом присутствии Христа в историческом действии. Подобная риторика сочетала церковный язык с военной героикой, придавая победам России характер духовных свершений. Впечатляющим является рассказ французского аристократа Шарля де Линя, которому Потемкин говорил о крещении пленных татар, выражая радость по этому поводу: «*Слава Богу, еще умножилось число христиан!*» [10, с. 168]. В этой фразе проявляется органичное следование принципам христианского благочестия и заботы о будущем православной державы.

В своих мемуарах де Линь подчеркивает, как Потемкин часто испытывал «*умиление перед Распятием*», а Священное Писание становилось средством примирения и смирения: «*Я стараюсь помирить Репнина с Потемкиным с помощью Св. Библии, которая имеет большую силу над последним*» [10, с. 184]. Этот факт вносит в портрет светлейшего еще один личностный штрих: религия для него была не абстрактной идеологией, а эмоционально окрашенным источником духовного саморазвития.

Таврида для Потемкина, в частности, Херсонес, была не просто административной единицей или приобретенной территорией, а частью сакрального пространства русской истории. В декабре 1782 года он писал Екатерине II: «*Таврический Херсон! Из тебя истекло к нам благочестие*». Именно на Херсонес князь Потемкин указывал как на источник христианского наследия Руси [13, с. 192]. Это восприятие полуострова как духовного центра соотносилось с церковно-государственной задачей – продолжения миссии крещения святого князя Владимира. Именно в этом контексте Потемкин выступает не как политик, а как выразитель мессианского понимания российской государственности, в которой православие является не просто религией, но метафизическим основанием исторического пути развития.

Культурная политика Потемкина, направленная на религиозное обустройство новых территорий, получила зримое выражение в топонимике и военном именослове: в 1789 году князь дал будущему городу на юге России имя Николаев. Несмотря на отсутствие прямого указания в официальном документе – ордере, исторические источники трактуют это как акт, приуроченный ко дню памяти святителя Николая Чудотворца, совпавшему с успешным взятием турецкой крепости Очаков. В это же время был заложен фрегат «Святой Николай», а также обсуждалась идея основания Спасо-Николаевского монастыря [5, с. 599].

Религиозная мотивация прослеживается и в распоряжении Потемкина контр-адмиралу Ф.Ф. Ушакову от 15 марта 1790 года, где тот поручает назвать новый корабль «*Св. Климент, папа Римский*» [9, с. 19]. Этот выбор подчеркивает приверженность христианскому имен-

словию, отражающему не просто номинальное православие, но осознанную преемственность с апостольской традицией – именно в Херсонесе принял мученическую кончину святой Климент, папа Римский, чье почитание восходит к самым истокам древнерусской церковной традиции. Причастность Потемкина к созданию и развитию Черноморского флота, как оказалось, имела не только стратегический характер, но и сакральную составляющую. Выбор адмирала Ф.Ф. Ушакова – будущего святого – в качестве командующего стал не только военным расчетом, но и выражением доверия к человеку высокой духовной жизни.

Потемкин пользовался большим доверием самого высокого духовенства: указом Святейшего Синода ему передали раку с мощами святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа [20]. Эти святыни предназначались для нескольких храмов Новороссии, оставшиеся реликвии он со временем возвращал в синодальную ризницу. Подобные обстоятельства подтверждают, что князь рассматривал религиозное присутствие на новых территориях не только как необходимое условие государственной консолидации, но и как возможность нравственного просвещения жителей присоединенных земель.

Особое значение для понимания глубокой религиозной природы Потемкина приобретает написание им «Канона Спасителю Господу Иисусу», состоящего из девяти песней и двух молитв, выполненного на церковнославянском языке и изданного в его походной типографии в 1791 году [13, с. 155], [17, с. 35–50]. Это сочинение – не просто литературный опыт, а форма внутреннего исповедания, восходящая к знаниям византийской гимнографической традиции. Лишь в 1881 году он был опубликован в «Русском архиве», а впоследствии проанализирован в статье Н.Н. Перцовой, где автор особо подчеркивает: «*это голос горячей и крепкой веры*» [16]. Подобный текст невозможен без личной молитвенной практики, внутренней аскетики и посвящения в некоторые аспекты церковной гимнографии.

В последние месяцы своей жизни Потемкин часто уединялся для молитвы, стремясь к внутреннему покою. По свидетельству современников, перед смертью он дважды приобщился Святых Тайн – 19 августа и 27 сентября 1791 года [7, с. 212, 380]. Таинства, возможно, были совершены епископом Моисеем (Гумилевским), философом и богословом, назначенным обер-иеромонахом Молдавской армии по личной рекомендации Потемкина. В переписке с митрополитом Платоном (Левшиным) князь пишет: «*Я от младенчества познал Сотворишаго, доведен Всевышнего Промыслом на самый сей пост*» [4, с. 91]. Это признание раскрывает не декларативную религиозность, но христианское самоосознание, включающее идею ответственности перед Богом. В другом письме владыке он утверждает: «*Сие правило началось во мне с младенчества и кончится с жизнью*» [8, с. 41]. Эти строки предстают как подлинное духовное завещание Потемкина – не просто некий литературный памятник, но сокровенное исповедание веры, отражающее глубину его религиозного опыта и осознание сакральной миссии государственного служения.

Племянник и биограф князя А.Н. Самойлов отмечал, что он «*как по собственным чувствованиям, так и по образу мыслей великой государыни, не входил никогда в таинственные общества, славившиеся мистическим; но имел истинное уважение к догматам и обрядам веры*» [21, с. 1510]. Это свидетельство противостоит попыткам приписать Потемкину частое увлечение эзотерикой или исключительно формальный интерес к религии. В переписке с Екатериной II он называет Херсонес «*источником нашего христианства*», а потому и «*людскости*», добавляя: «*Тут есть что-то мистическое*» [13, с. 180]. Здесь мистицизм не отсылает к оккультизму, а скорее представляет собой элемент благоговения перед Божиим Промыслом и небесным попечением о судьбе России.

Постепенная мифологизация фигуры Потемкина в историографии XIX века способствовала смещению акцента с его внутреннего духовного мира к внешним образам: фаворит, баловень судьбы, государственный реформатор, военный стратег, создатель флота. Подобная редукция обострилась в советскую эпоху, когда религиозная сторона его мировоззрения игнорировалась или отвергалась как ненужный «атрибут эпохи». Тем не менее, в ходе исследования проявляется образ государственного деятеля, органично сочетающий личное благочестие с осознанием пути христианского служения Отечеству.

Сохранившиеся письма, биографические данные, инициативы по строительству храмов дают основание утверждать, что православная вера для него была не культурной декорацией, а живым источником внутренней мотивации. Даже в условиях давления, интриг и усталости от бремени государственной службы, Потемкин не теряет связь с христианским обоснованием своего существования: «*заботы превосходят почти все мои силы*», – пишет он в последние годы [19, с. 488], стремясь к уединению, благословению духовных лиц и литургической жизни в исповеди и причастии.

Генезис внутреннего духовного мира таких крупных исторических персонажей представляет собой непростую задачу, а наложение легенд, мифов и компиляций значительно затрудняет ее раскрытие. Результаты ретроспективного исследования, позволяют предста-

вить личность светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического не только как видного человека эпохи Просвещения и архитектора Новороссии, но и как глубокую личность, для которой православие стало внутренним, неизменным стержнем. Его юношеское стремление к монашеству, участие в богослужениях, интерес к литургике, греческой гимнографии, каноническим текстам, а также молитвенная практика в зрелые годы – позволяют говорить о нем как об убежденном христианине, знавшим и сохранявшим суть православной традиции.

Многогранная политическая деятельность, при всей ее масштабности, рассматривалась им не только как сфера приложения властных полномочий, но и как часть христианского служения. Синтез веры и долга, молитвы и управления, евангельской этики и внутренней воли определяет фигуру Потемкина в пантеоне русских исторических деятелей XVIII века как уникальное явление. Его образ требует пересмотра не только в историографическом, но и духовно-культурном измерении.

Источники и литература (References):

1. Арциховский А.В. Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. Духовная культура. М.: МГУ, 1979.
2. Арсеньев Н.С. Потемкин-Таврический // Новый журнал. 1948. Т. 18.
3. Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб.: [б.и.], 1840.
4. Болотова Н.Ю. Потемкин. М.: Молодая гвардия, 2014.
5. Висковатов А.В. Сведения о князе Потемкине // Русский вестник. 1841. Т. 2.
6. Гарновский М.А. Записки // Екатерина и Потемкин. М.: [б. и.], 2017.
7. Глинка С.Н. Записки. СПб.: [б.и.], 1895.
8. Гольц Т.М., Гришунин А.Л. Урания. М.: [б. и.], 1988.
9. Дубровин Н.Ф. Бумаги князя Потемкина-Таврического. СПб.: [б. и.], 1895.
10. Жизнь князя Г.А. Потемкина-Таврического взятая из иностранных и отечественных источников и служащая дополнением к царствованию Екатерины II. С присовокуплением собрания анекдотов и писем, относящихся до жизни и характера князя Потемкина. М. М.: [б.и.], 2017.
11. Журавлева З.Е. Г.А. Потемкин: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: [б. и.], 2002.
12. Карабанов П.Ф. Исторические рассказы и анекдоты. М.: Гос. публичная истор. библиотека, 2012.
13. Лопатин В.С. Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. М.: [б. и.], 1997.
14. Мурзакевич Н.Н. Некоторые подробности... // ЗООИД. 1872. Т. 8.
15. Надеждин Н.И. Светлейший князь Потемкин Таврический, образователь Новороссийского края // Одесский альманах на 1839 год. Одесса, 1839.
16. Парфений, митрополит патрских городов. Лавроприношение... СПб.: [б. и.], 1784.
17. Перцова Н.Н. О литературном опыте Григория Потемкина // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2016. №1.
18. Пудина С.И. Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 1(17).
19. Семевский М.И. Князь Г.А. Потемкин-Таврический // Русская старина. 1875. № 3.
20. Сведения о службе по синодальному управлению князя Г.А. Потемкина // ЗООИД. 1881. Т. 13.
21. Самойлов А.Н. Русский архив. М.: [б. и.], 1867.
22. Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1908.
23. Энгельгардт А.Н. Записки. М.: [б. и.], 1860.

ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КРЫМА (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)

HISTORICAL IDENTITY OF THE CRIMEAN HUMANITARIAN INTELLIGENTSIA (ACCORDING TO AN EXPERT SURVEY)

Баранов А.В.
Baranov A.V.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар
Kuban State University, Krasnodar

Аннотация. Формирование и укрепление российской национальной идентичности во многом зависит от мировоззрения интеллигенции, создающей ценности и образ будущего общества. Цель статьи – определить параметры исторического самосознания гуманитарной интеллигенции Республики Крым и г. Севастополя. Метод исследования – экспертный опрос, проведенный в августе – октябре 2024 г. Установлено, что наиболее распространенными маркерами исторического самосознания являются такие явления, как принятие князем Владимиром христианства, присоединение Крыма к Российскому государству, Крымская война, Великая Отечественная война, воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. Отмечены признаки регионализма в самосознании крымской интеллигенции.

Abstract. The formation and strengthening of the Russian national identity largely depends on the worldview of the intelligentsia, which creates values and the image of the society's future. The purpose of the article is to determine the parameters of the historical identity of the humanitarian intelligentsia of the Republic of Crimea and Sevastopol. The research method is an expert survey conducted in August – October 2024. The author established that the most common markers of historical identity are such phenomena as Duke Vladimir's adoption of Christianity, the incorporation of Crimea into the Russian state (1783), the Crimean War, the Great Patriotic War, and the reunion of Crimea in 2014. There are signs of regionalism in the identity of the Crimean intelligentsia.

Ключевые слова: историческое самосознание, гуманитарная интеллигенция, Крым, экспертный опрос.

Key words: the historical identity, humanitarian intelligentsia, Crimea, an expert survey.

Формирование и укрепление российской национальной идентичности во многом зависит от мировоззрения интеллигенции, создающей ценности и образ будущего общества. С особой актуальностью эти задачи стоят в воссоединенных субъектах Российской Федерации, к которым относятся Республика Крым и г. Севастополь. Актуальность темы также проявляется в том, что эффективные практики и методы формирования российской идентичности, применяемые в Крыму, востребованы и в Донбассе, и в Новороссии. Прочная и осмысленная идентичность может существовать только на основе качественных исторических знаний и положительного отношения к историческому наследию России в целом, Крыма в частности. В этом контексте важно установить, насколько ценности и установки российского патриотизма проявляются в повседневных нарративах представителей гуманитарной интеллигенции Крыма.

Для современного состояния научной проблемы характерны исследования исторической памяти крымчан, в основном – студенческой молодежи. Их авторами являются А.А. Хлезов, Е.В. Латышева и В.А. Чигрин [11, с. 158–169], С.Д. Савин [10, с. 133–140], А.П. Нелина, О.В. Ярмач и А.А. Ирхин [8, с. 116–127], коллектив под руководством Т.А. Сенюшкиной [7]. Другой аспект проблемы раскрывают исследования политики памяти в Крыму, в частности – концепции исторического образования (К.А. Керимов и О.А. Котлярова [3, с. 105–111]), коммеморативных практик (И.А. Аполлонов и О.Р. Тучина [1, с. 136–149]), потенциала историко-культурного туризма (И.Н. Наумов, Н.В. Дулина и Д.Ю. Шарапов [6, с. 50–54]). Но историческое самосознание преподавателей общественных наук, работающих в Крыму, еще не было темой специальных исследований.

Цель статьи – определить параметры исторического самосознания гуманитарной интеллигенции Республики Крым и г. Севастополя.

Метод исследования – экспертный опрос, проведенный в августе – октябре 2024 г. коллективом политологов под руководством автора в онлайн-форме. Выборку составили

30 преподавателей вузов, сотрудников молодежных общественных учреждений и музейных работников, постоянно проживающих на Крымском полуострове. Возраст респондентов – от 30 до 70 лет, 63% – женщины, 37% – мужчины. Все респонденты – горожане, проживают в Симферополе, Севастополе, Ялте и Евпатории.

Участники опроса положительно относятся к советскому прошлому и отмечают, что преподавание истории воспитывало единство советского народа, а русские и украинцы не считались народами с обособленным историческим прошлым. Психолог из г. Ялты (женщина, 37 лет) считает: *«Мы выросли на русских фильмах, на русских книгах, на классике»* [9]. Культуролог из г. Симферополя (женщина, 48 лет) упоминает: *«Я понимала, что в моей стране все правильно»* [9]. При этом термины «русский» и «советский» опрошенными воспринимаются как синонимы.

После распада СССР стала насаждаться украинско-националистическая доктрина истории, что воспринималось в Крыму, как и во всей Новороссии (Донбассе, Харьковской, Одесской, Николаевской, Днепропетровской, Запорожской и Херсонской областях) отрицательно. Респонденты не считали себя гражданами Украины, официально навязываемая версия истории им была чужда. Но крымские дети в 1990–2013 гг. вынужденно изучали в школах «украинизированную» версию истории, а в крымскотатарском сообществе насаждались также пантюркистские мифы. Это закладывало конфликт исторической памяти между поколениями и народами.

Анкетный опрос 1100 студентов в Республике Крым в 2016 г., проведенный Е.В. Бродовской и ее соавторами, доказал, что события советской истории наиболее узнаваемы. Так, события Великой Отечественной войны называли ключевыми для истории 33,6% респондентов в Республике Крым (РК) и 41,3% в Севастополе; образование и распад СССР – 15,5% в РК и 12,6% в городе; революцию 1917 г. – 13,2 и 8,5%. Упоминания более ранних исторических периодов давались реже (не более 8–10% ответов) [2, с. 52–54].

Установлено, что наиболее распространенными маркерами исторического самосознания являются такие явления, как принятие князем Владимиром христианства, присоединение Крыма к Российскому государству, Крымская война, Великая Отечественная война, воссоединение Крыма с Россией в 2014 г.

Отмечены признаки регионализма в самосознании крымской интеллигенции (более глубокое знание местных, а не общероссийских исторических явлений, редкое применение межрегиональных сравнений, недостаточное живое общение с гуманитариями других регионов). Отчасти эти проявления стали последствием истории гуманитарного образования Крыма [4, с. 194–202]. Так, в период украинского контроля над полуостровом история России поверхностно преподавалась как раздел зарубежной истории, что снижало престижность профессии школьного и вузовского педагога. Истории русских, украинцев и крымских татар в регионе излагались как конкурирующие, с противоположными оценками одних и тех же фактов (см. критику в статье Д.В. Маковской, Г.В. Косова и А.Н. Гарас [5, с. 164–174]). С учетом поликультурности Крыма это представляет риск обособленности, который можно преодолеть, развивая межрегиональные программы повышения квалификации педагогов, ученых и музейных работников – крымчан, финансируя информационные ресурсы, формирующие общероссийскую идентичность.

Респонденты проявляют запрос на активную и целенаправленную политику памяти Российской Федерации. Среди предлагаемых мер политики памяти называются неформальные встречи с ветеранами, поездки в города-герои, празднование Дня Победы и памятных дат истории, театральные постановки по мотивам военно-исторических фильмов (политолог из г. Севастополя, женщина, 47 лет). Музейный работник из г. Севастополя (женщина, 32 года) предлагает развивать экскурсии по местам сражений Великой Отечественной войны, распространять по всей России положительный опыт крымских учебников краеведения, воспитывающих патриотизм. По ее мнению, *«другие национальности могут получать образование на своих языках, никто [их в Крыму. – А.Б.] не притесняет. Россия поликонфессиональная и многонациональная, это поддерживается, и это отрадно, что вне зависимости от своей принадлежности все имеют возможность свою идентичность сохранять»* [9].

Подведем итоги исследования. Участники экспертного опроса – преподаватели общественных наук в вузах Крыма, музейные и научные работники положительно относятся к советскому прошлому и отмечают, что в советский период преподавание истории воспитывало единство советского народа, а русские и украинцы не воспринимались как народы с обособленным историческим прошлым.

После распада СССР в Крыму стала насаждаться украинско-националистическая доктрина истории, что, по мнению респондентов, закладывало конфликт исторической памяти между поколениями и народами. Наиболее распространенными маркерами исторического самосознания являются принятие князем Владимиром христианства, присоединение Крыма

к Российскому государству, Крымская война, Великая Отечественная война, воссоединение Крыма в 2014 г. В то же время, есть признаки регионализма в самосознании крымской интеллигенции. Респонденты проявляют запрос на активную и целенаправленную политику памяти Российской Федерации. Среди предлагаемых мер политики памяти респонденты называют неформальные встречи с ветеранами, поездки в города-герои, празднование Дня Победы и памятных дат истории, театральные постановки по мотивам военно-исторических фильмов.

Источники и литература (References)

1. Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Национальная и локальная идентичность и городские коммеморативные практики: кроссрегиональный анализ (Севастополь – Новороссийск) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2022. Т. 8 (74). № 4. С. 136–149.
2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н. Образ исторического прошлого России в представлениях молодежи Крыма и Севастополя: результаты прикладного исследования // Парадигмы и истории общественного развития. Севастополь, 2017. № 6–7. С. 51–61.
3. Керимов К.А., Котлярова О.А. К вопросу о формировании современной концепции исторического образования в Республике Крым // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 9. С. 105–111.
4. Киселев С.Н. Крымская идея: сборник статей. Симферополь: Изд-во ООО «Антиква», 2019. 208 с.
5. Маковская Д.В., Косов Г.В., Гарас Л.Н. Дискурсы проецирования факта депортации 1944 г. на конструирование виктимного восприятия крымскими татарами процесса адаптации: на примере электронных СМИ // Современная наука и инновации. Пятигорск, 2021. Вып. № 3. С. 164–174.
6. Наумов И.Н., Дулина Н.В., Шарапов Д.Ю. Культурно-познавательный потенциал средневековых городов Крыма в сохранении общей исторической памяти ЮФО РФ // Primo Aspectu. 2021. № 2 (46). С. 50–54.
7. Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим / отв. ред. Т.А. Сенюшкина. Симферополь: Н. Орианда, 2022. 320 с.
8. Нелина Л.П., Ярмек О.В., Ирхин А.А. Исторический компонент государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи Республики Крым и Севастополя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Симферополь, 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 116–127.
9. Реестр и материалы грантов 2024 (РНФ и ГЗ). Стенограммы. Глубинное интервью. URL: <https://cloud.mail.ru/public/7Bdq/oNEVVE8VW/Стенограммы/Глубинное%20интервью> (дата обращения: 25.06.2025).
10. Савин С.Д. Национальная идентичность и историческое сознание крымчан (по материалам социологического исследования // Миф. Культура. Этнос. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции «Апрельская Ялта: Миф и культура Тавриды». Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2019. С. 133–140.
11. Хлевов А.А., Латышева Е.В., Чигрин В.А. Российская национально-культурная идентичность: опыт исследования исторической памяти молодежи Республики Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 158–169.

АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

УДК 61.76.01.09

DOI: 10.5281/zenodo.16993639

СПОРТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

SPORTS EVENTS OF LATE ANTIQUITY

Бай А.А., Лысенко Е.Г.

Bai A.A., Lysenko E.G.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University

Аннотация. В статье описаны основные особенности спортивной жизни римлян в позднеантичный период, прослежена связь между физической культурой и военной подготовкой, а также спортивной и религиозной идеологиями в III–V вв. Охарактеризованы наиболее значимые зрелищные мероприятия римлян, среди которых колесничные гонки, гладиаторские бои и травля животных. Передана тенденция снижения популярности игр с распространением христианства.

Abstract. Article describes the sports life main features of the Romans in the late Antique period, traces the connection between physical culture and military training, as well as sports and religious ideologies in the III–V centuries. The most significant spectacular events of the Romans, including chariot races, gladiatorial fights and animal baiting, are characterized, and the trend of decreasing popularity of games with the spread of Christianity is conveyed.

Ключевые слова: поздняя Античность, гладиатор, состязания, физическая культура, спорт, язычество, христианство.

Key words: late Antiquity, gladiator, competitions, physical culture, sports, paganism, Christianity.

Во II веке спортивная деятельность начинает утрачивать сакральное (мифологическое) значение, уступая место развлекательной функции, направленной на обеспечение зрителей острыми впечатлениями. Постепенно усиливается тенденция отрыва спортивных практик от языческих обрядов, однако процесс этот развивался медленно до распространения христианства.

Прежде чем перейти к зрелищным играм необходимо отметить значимость физической подготовки в военных достижениях римлян. В этом контексте спортивные упражнения стали использоваться в целях укрепления боевой готовности. Примером может служить «циканион» – усложненная форма верховой езды, получившая распространение начиная с V века при императоре Феодосии II. Суть игры заключалась в том, что участники должны были, соревнуясь между собой, направлять подброшенный вверх кожаный мяч к назначенной цели, используя для этого палочку. Циканион способствовал развитию ловкости и подвижности: *«Упражняющемуся в ней необходимо постоянно наклоняться и сгибаться, быстро делать круговые повороты на лошади, совершать все рода бега и производить столько различных движений, сколько случится сделать их шару»* [8].

Охота также считалась важной для военного дела, хотя доступна она была преимущественно представителям знатных сословий, а не простолюдинам. Дополнительную сложность при этом создавали горные и лесистые ландшафты. Уже в IV веке в Антиохии было известно следующее изречение: *«Кто ловок в охоте, тот пригоден и на войне. Охота хороший учитель войны»* [11].

Работы античных авторов свидетельствуют о популярности среди городского населения разнообразных форм единоборств. Особую опасность представлял кулачный бой, лишенный каких-либо ограничений: участники подвергались риску тяжелых увечий, таких как переломы черепа, кровотечения, потеря сознания, а порой и обезглавливание. Иоанн Златоуст писал: *«кто ведет кулачный бой, боится будущего»* [цит. по 13, с. 81].

Особое место среди праздников в поздней Античности занимали публичные игры ludī, имеющие религиозное значение и посвященные Юпитеру. Такие празднества могли длиться

как один день, так и несколько, включая в себя культовые обряды, общественные пиршества, скачки на лошадях и колесницах, легкоатлетические состязания, театральные представления, сцены с участием животных и гладиаторские поединки. Последнее значимое упоминание в источниках связано с шоу, устроенным в III веке императором Пробом: на арене была создана сцена, имитирующая лес для охоты. С приходом христианства *ludi* начали терять популярность, и уже в VI веке были прекращены [2].

На протяжении всего существования Рима ежегодно отмечались праздники *Consulia* (21 августа и 15 декабря) и *Equirria* (27 февраля и 13 марта), обязательной частью которых были скачки. Организация этих мероприятий находилась в ведении главной коллегии жрецов [9]. Вероятно, они имели ритуальный характер.

К моменту заката империи продолжительность зрелищных мероприятий достигала 175 дней в году, причем преобладали гладиаторские сражения [10]. Из этого числа 18 дней приходились на дни рождения императоров, остальные же посвящались победам над врагами: готами, сарматами, персами и другими.

Одним из наиболее любимых массовых развлечений у римлян были гонки колесниц. Длина беговой дорожки составляла примерно 700 метров. Пространство делилось на две половины с помощью «спицы», вокруг которой и проходили заезды. Победители покидали арену через Триумфальные ворота, тогда как тела раненых или погибших выносили через так называемые Ворота смерти и печали. Опасность травм была крайне высока: стремление максимально приблизиться к мете при завершении круга часто заканчивалось катастрофой, если 2 колесницы цеплялись колесами. Возницы, которые обвязывались вожжами для устойчивости, нередко оказывались выброшенными из колесницы и неслись лошадьми по песку арены. Большинство участников не доживало до 30 лет; многие умирали еще в возрасте 20 лет или даже раньше. Возницы почти всегда были рабами, а не свободными гражданами. Сами гонки продолжались целый день – до 48 заездов, каждый продолжительностью около 20 минут [14].

Другим зрелищем, не менее популярным среди римлян, были гладиаторские поединки. Изначально они носили погребальный характер, представляя собой своего рода жертву в память об умерших и в честь богов. Со временем смысл изменился – гладиаторские бои стали способом развлечь публику. В первые века гладиаторами становились по принуждению: это были военнопленные, преступники или рабы, но уже в позднеантичную эпоху гладиаторство стало добровольным: согласно закону, принятому Адрианом во II веке, нельзя было продать раба для выступления на арене без его согласия.

О предстоящих боях знали заранее: они активно обсуждались, развешивались афиши, а начиная с I века стали составляться специальные программы [14].

Гладиаторы подразделялись на разные категории – «фракийцы», «ретиарии», секуторы и другие, каждая со своими боевыми приемами, вооружением и традициями. Бои могли проходить как один на один, так и в составе групп.

Статус гладиатора подразумевал утрату гражданских прав и чести, даже если до этого человек был свободным. После смерти их хоронили отдельно от остальных. Обычно решались на такую участь по причине бедности, стремясь заработать – награда за победу могла быть весьма значительной. Иногда и знатные молодые люди сознательно подвергались смертельному риску ради острых ощущений [14].

Будущий гладиатор должен был пройти обучение в специализированной школе с жестким, однообразным режимом, в котором тренировки прерывались только едой и сном. Их обучали владению оружием, защитным приемам и маневренности. Затем посредством жеребьевки определялся противник, так что новичок мог оказаться в паре с опытным бойцом и погибнуть уже в первом поединке [14]. Обычно поединки длились не дольше 10–15 минут – тяжелое обмундирование, весившее около 20 кг, быстро вызывало усталость.

Мнение публики имело решающее значение в исходе боя. Если боец продемонстрировал храбрость и сноровку, зрители единогласно поднимали вверх большие пальцы, бросали платки и выкрикивали: «*Отпустить!*» В случае, если гладиатор проявил трусость или слабость, толпа опускала пальцы, восклицая: «*Добей его!*» Тогда победитель переворачивал поверженного лицом вниз и наносил смертельный удар в спину или затылок. Иногда гладиатор в отчаянии обращался к императору или консулу, находившимся в числе зрителей, и его судьба оказывалась в их руках. Но даже представители правящих кругов зачастую следовали настроению толпы, чтобы избежать недовольства.

Победителю вручались пальмовая ветвь и дорогой поднос с денежной наградой. Иногда, в редких случаях, гладиатор удостоивался «опоясания мечом» – получения деревянного меча, который символизировал освобождение и возможность в дальнейшем работать инструктором или судьей на арене [14].

Изредка случались благополучные исходы – гладиаторов «отпускали стоя», живыми. Это было возможно, если оба бойца показывали равный уровень мастерства. Такие сражения отличались зрелищностью, но оканчивались вничью.

Если гладиатор постоянно побеждал и демонстрировал доблесть, публика могла настоять на его освобождении. Под давлением зрителей хозяева отпускали их домой. Однако в большинстве случаев исход поединка был фатален. Наиболее долгоживущим из известных гладиаторов стал мурмиллон Ульпий Феликс, умерший в 45 лет [14].

Во времена поздней Античности зрелищные мероприятия нередко устраивались спонтанно, чаще всего с целью отпраздновать положительное событие, преимущественно политического характера [3]. Так, состязания проводились по случаю победы над узурпатором Атталом в Западной Римской империи в 409–410 и в 414–415 годах – именно он стал виновником народного голода. Также поводом для организации массовых мероприятий могло послужить вступление на трон нового правителя, как это произошло в 457 году при восшествии на престол Льва I [13].

Период поздней античности ознаменовался быстрым распространением христианства, которое воспринимало зрелища крайне негативно. Христианские авторы предостерегали, что участие в соревнованиях и боях отдаляет человека от спасения и вечной жизни. Тем не менее, такие предостережения нередко игнорировались не только язычниками, но и умеренными христианами.

Иоанн Златоуст резко осуждал поклонников зрелищных представлений, отмечая, что во время состязаний зрители *«впали в такое неистовство, что наполнили весь город непристойными шумом и криком, возбуждающим смех, лучше же сказать плач»*. За подобное поведение он угрожал лишить их права принимать Таинства: *«... не впускаю внутрь этой ограды, не сделаю причастником таинств, не позволю ему прикоснуться к священной трапезе»* [6].

В 313 году император Константин Великий издал Миланский эдикт, которым уравнивал в правах различные религиозные конфессии, тем самым предоставив христианству официальный статус. Позднее началось притеснение язычества, выразившееся в запретах на обряды и жертвоприношения, закрытии храмов и прекращении спортивных празднеств [3]. Однако эти запреты касались главным образом кровавых форм развлечений [7].

В ходе борьбы с язычеством были ужесточены правила организации зрелищ. Так, в Кодексе Феодосия указано: *«Мы также предупреждаем, чтобы никто не нарушал наш закон, запрещающий устраивать зрелища в воскресенье и смешивать священное почитание с завершенными торжествами»* [1]. Более того, предпринимаются меры к утверждению христианских ценностей: в том же правовом документе сказано следующее: *«В воскресенье, на Рождество и Богоявление Христово, Пасху и в день Пятидесятницы, пока одежда святого крещения свидетельствует о новом свете, никакие театральные или цирковые развлечения не должны проводиться в городах, чтобы все христиане могли посвятить себя богослужению»* [1]. Спортивные и зрелищные мероприятия, некогда являвшиеся важной частью досуга римлян, постепенно вытеснялись христианскими праздниками.

Феодосий I, издавший в 393 году указ о запрете языческих культов, существенно снизил значение игр, хотя они все еще продолжали существовать. Даже в конце IV столетия практиковались выступления олимпийцев и гладиаторов. Гладиаторские школы были закрыты по распоряжению императора Гонория в 399 году после того, как разъяренная толпа убила монаха, пытавшегося остановить бой. В 404 году гладиаторские бои были официально запрещены, но фактически этот запрет строго соблюдался лишь в пределах самого Рима [3].

По наблюдению Д.Г. Кайла, зрелища с участием животных вызывали у верующих меньшее отторжение, благодаря чему сохранялись дольше, чем иные формы публичных развлечений. Однако по мере сокращения территории Римской империи, особенно в части африканских провинций, возникали трудности с доставкой зверей. Так, в конце IV – начале V века сенатор Симмах, организуя игры для своего сына, сталкивался с проблемами в поиске медведей, львов, антилоп и крокодилов, о чем он сам писал в своих письмах. Подобные зрелища продолжались вплоть до середины VI века. Крупные мероприятия включали в себя уничтожение до сотни животных за один день. Иногда на арену выходили специально обученные охотники в «профессиональном» снаряжении, чтобы обеспечить безопасность происходящего. Арену оформлялись таким образом, чтобы имитировать природные условия охоты: создавались лесные декорации, проводились погони (в том числе с использованием собак), животные сопротивлялись – все это делало действо похожим скорее на реальную охоту, чем на ритуал. Зачастую «добычу» делили между зрителями [3].

Завершение VI века совпало с окончательным крахом рабовладельческой системы, вследствие чего всякие зрелища, требовавшие крупных финансовых вложений, стали отменяться и запрещаться. Финансовый упадок затронул и спортивные мероприятия, которые христиане стремились полностью искоренить.

Панэллинские соревнования – Олимпийские, Истмийские, Пифийские и Немейские – еще несколько столетий назад пользовались широкой популярностью, но со временем стали переживать упадок. Последние годы Пифийских игр сопровождались чередой бедствий: нашествия варваров, македонян и римлян, разрушительные землетрясения и нарастающая бедность препятствовали их проведению.

В III веке, вместе с языческим пониманием спорта начало уменьшаться и значение Олимпийских игр. По мнению исследователей, уже в 267 году была прекращена регистрация победителей. Почти угасшие игры были официально отменены в 394 году Феодосием I, активно выступавшим против языческих традиций [5].

Общее разложение римского общества отразилось и на состоянии Истмийских игр. Усиление стремления к личной выгоде, любовь к легким удовольствиям, социальное неравенство и междоусобицы достигли такого уровня, что даже жреческое сословие оказалось не в силах контролировать ситуацию. Обесценивание ремесел, запущенность городских улиц и превращение активных участников игр в равнодушных наблюдателей стали признаками общего упадка. Окончательное прекращение Истмийских игр произошло в IV веке, после захвата Коринфа готами и вследствие усиленной христианизации, уничтожившей прежние языческие традиции. Последние упоминания об этих соревнованиях относятся ко времени правления Юлиана Отступника [4].

Немейские игры, согласно преданию основанные Гераклом, существовали с VI века до н.э. и, будучи тесно связаны с язычеством, также были упразднены в IV веке с утверждением христианской религии [12].

При этом нельзя утверждать, что физическая культура полностью исчезла. К примеру, императоры строили обширные термы – общественные бани, где обеспеченные римляне могли проводить длительное время. Там создавались условия не только для купания, но и для таких видов активности, как танцы, бег, борьба, для участия в подвижных и настольных играх [10].

Подводя итоги рассмотрению спортивной культуры Римской империи в Императорский период, совпадающий по времени с поздней античностью, можно заключить, что начиная с III века значимость спорта снижалась. На первый план вышла зрелищность, а сами мероприятия приобретали нередко кровавый характер: в Колизее, Великом Цирке и других массовых площадках регулярно проводились бои гладиаторов, охота на животных и гонки колесниц. Помимо моральной критики, подобные мероприятия осуждались и за их языческое происхождение, особенно на фоне усиления христианства. Именно поэтому при императорах Феодосии и Константине в V–VI веках большая часть таких представлений была официально запрещена и со временем исчезла – по крайней мере, в крупнейших центрах.

Источники и литература (References):

1. Codex Theodosianus. URL: <https://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber15.htm#5> (дата обращения: 14.12.2024).
2. Humphrey J. Roman Circuses. Arenas for Chariot Racing. London: Batsford, 1986. 703 p.
3. Kyle Donald G. Sport and spectacle in the ancient world. John Wiley & Sons, 2014. 384 p.
4. Базунов Б.А. Кумиры стадионов Эллады. М.: Советский спорт, 2004. 372 с.
5. Бубка С.Н. Римский период в истории древнереческих олимпийских игр // Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-period-v-istorii-drevnegrecheskikh-olimpiyskikh-igr> (дата обращения: 03.04.2025).
6. Иоанн Златоуст. Слово против зрелищ. URL: http://www.orthlib.ru/John_Chrysostom/zrel.html (дата обращения: 14.12.2024).
7. История Древнего Рима: учеб. для вузов по спец. «История» / под ред. В.И. Кузищина. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 2000. 383 с: ил.
8. Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/kratkoe-obozenie-tsarstvovaniya-ioanna-i-manuila-komninov/ (дата обращения: 13.03.2025).
9. Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. I: 395–518 годы. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Yulian_Kulakovskij/istoriya-vizantii-tom-i-395-518-gody/1_1 (дата обращения: 21.03.2025).
10. Кун А. Всеобщая история физической культуры и спорта: перевод с венгерского; под общ. ред. В. В. Столбова. М.: Радуга, 1982. 399 с. URL: <https://djvu.online/file/tRBml5PAJoWwh> (дата обращения: 06.04.2025).
11. Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. URL: https://royallib.com/read/litavrin_gennadiy/kak_gili_vizantiytsi.html#0 (дата обращения: 22.03.2025).
12. Советская историческая энциклопедия. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1967. 534 с.
13. Хапаев, В.В., Глушич А.М. Физическая культура и спорт в Византийской империи. СПб.: Алетея, 2022. 280 с.
14. Шанин Ю.В. От эллинов до наших дней. М.: Физкультура и спорт, 1975. 143 с.

ДВА РЕГИОНА – ОДНА ЭСТЕТИКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ (НА ПРИМЕРЕ ТАХТ-Е СУЛЕЙМАНА И МАВЗОЛЕЯ II В ХАРАБА ГИЛАН)

TWO REGIONS – ONE AESTHETIC: A COMPARATIVE ANALYSIS OF MEDIEVAL CERAMICS (ON THE EXAMPLE OF TAKHT-E SULEIMAN AND MAUSOLEUM II IN KHARABA GILAN)

Бейдуллазаде Вюсала Ф.
Beydullazade Vusala F.

*Институт археологии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан*

*Institute of Archeology and Anthropology of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Baku, Azerbaijan*

Аннотация. Исследование посвящено сравнительному анализу декоративной архитектурной керамики двух средневековых объектов – комплекса Тахт-е Сулейман и мавзолея II в Хараба Гилан. Проблематика исследования связана с необходимостью типологизации и анализа визуальных, технологических и семиотических характеристик керамических изразцов эпохи Ильханидов. Методологически работа опирается на морфологическое, орнаментальное и стилистическое сопоставление образцов из обоих регионов. В результате выделены различия в подходах к сакральной архитектуре: от минималистичного символизма Хараба Гилана до визуально насыщенной и концептуальной эстетики Тахт-е Сулеймана. Работа вносит вклад в изучение региональных особенностей исламского прикладного искусства XIII–XIV вв.

Absytract. This study presents a comparative analysis of the architectural ceramics of two medieval sites–Takht-e Soleyman and Mausoleum II in Kharaba Gilan. The research addresses the problem of typology and analysis of visual, technological, and semiotic features of Ilkhanid-era glazed tiles. The methodology includes morphological, ornamental, and stylistic comparison of selected samples from both regions. The results highlight differing aesthetic approaches to sacred architecture, from Kharaba Gilan’s minimalist symbolism to Takht-e Soleyman’s elaborate and conceptual compositions. The study contributes to understanding regional specifics of Islamic applied art in the 13th–14th centuries.

Ключевые слова: архитектурная керамика, Тахт-е Сулейман, Хараба Гилан, Ильханиды, люстр, исламское искусство.

Keywords: architectural ceramics, Takht-e Soleyman, Kharaba Gilan, Ilkhanids, lustreware, Islamic art.

Исторический комплекс Тахт-е Сулейман, расположенный в провинции Западный Азербайджан, представляет собой один из важнейших памятников исламского искусства периода Ильханидов. Особую ценность среди археологических находок комплекса составляют изделия керамики с люстрой (заррин-фам, *فام زرین*) – высокохудожественные поливные изразцы, использовавшиеся преимущественно для облицовки дворца и, по всей вероятности, имевшие не только декоративное, но и символично-политическое значение. Эти изразцы украшали дворец ильханидского правителя Абакхана (Abāqā Khān), чей дворцовый ансамбль стал местом проведения крупных художественных экспериментов с участием придворных мастеров и ведущих керамистов региона [4, с.17]. Комплекс был частично раскопан в ходе археологических экспедиций 1960-х годов, в основном немецкими и шведскими специалистами, в результате чего было обнаружено большое количество керамических фрагментов. Более 1000 фрагментов изразцов с люстрой были переданы в Национальный музей Ирана, где в течение десятилетий хранились без должной каталогизации. В частности, они находились в рассеянном и неструктурированном виде в витринах и хранилищах, не включались в выставки и не изучались в рамках специализированных проектов.

Систематическое изучение этой коллекции началось сравнительно недавно. Проведенная работа направлена на всестороннюю классификацию, типологизацию и эстетический анализ этих изделий. Ставилась цель определить стилистические особенности, выявить закономерности в орнаментации и композиционной организации визуальных элементов, а также проанализировать соотношение между декоративными функциями и содержательными аспектами изображений. Для исследования была выбрана репрезентативная выборка из 822 плит, зарегистрированных под музейными номерами от 9853316 до 9854138. Из этого массива, с целью глубокого художественного анализа, было отобрано 284 относительно

хорошо сохранившихся экземпляра, отличающихся четкостью орнамента, наличием надписей и сохраненной структурой композиции [4, с. 120]. Их анализ позволил выстроить не только классификацию по форме (восьмиконечная, крестовидная, прямоугольная), но и систематизировать данные по типам орнаментов (растительные, животные, мифологические), художественным стилям (абстрактный, реалистический), принципам композиции (симметрия, радиальность, модульность), а также по типам надписей (наسخ, сульс, талиг, квази-куфи). Существенное внимание уделено поэтическому компоненту – среди надписей встречаются персидские стихи и молитвы, содержащие датировки (670–674 гг. хиджры), что также подтверждается исследованием А. Гучани [8].

Кроме чисто декоративной функции, исследователи подчеркивают политико-идеологический потенциал этих изображений: сцены охоты, изображения вельмож и легендарных существ рассматривались как визуальные метафоры власти и легитимности ильханидской династии [7].

Эти изделия, благодаря изысканности исполнения, обилию символических и декоративных элементов, представляют собой вершину придворного искусства периода Ильханидов и могут служить основой для сравнительного анализа с другими региональными центрами керамического производства, включая, и Хараба-Гилан.

Результаты археологических раскопок, проведенных в мавзолее II мемориального комплекса Хараба-Гилан, свидетельствуют о богатой декоративной программе этого средневекового памятника, относящегося к XIII–XIV векам. Территория городища Хараба-Гилан, расположенного в междуречье рек Гиланчай и Дюйлюнчай, отличается уникальными геологическими и гидрологическими условиями, обусловленными мощной вулканической активностью Зенгезурского хребта, покрывшего Араксинскую долину застывшими потоками лавы [3, с. 10]. Благодаря природной укрепленности, обилию воды и удобному расположению, здесь уже в античную эпоху сформировалось устойчивое поселение. Это подтверждается находками зооморфных сосудов, а также монет – от аршакидских дирхемов и римского золота до монет Саманидов, Византии и Ильдегазидо [3, с. 11–12].

Археологическое изучение Хараба-Гилана началось еще в 1913 году. Несмотря на ограниченность работ, были составлены планы городища и собраны ценные артефакты, включая мраморные плиты с арабскими надписями и резные керамические сосуды. В дальнейшем, особенно в 1976–1980 гг., под руководством В.Г. Алиева и Г.М. Асланова были проведены масштабные исследования, позволившие выявить стратиграфию и планировку комплекса: караван-сарай, мавзолей, жилые кварталы и некрополь Мунджугутепе. В погребениях были найдены предметы IX–IV вв. до н.э., включая хурритскую печать и бронзовые кинжалы, а также монеты и архитектурные элементы периода XII–XIV вв., что свидетельствует о преемственности городской традиции. Такие данные соотносятся с выводами О.А. Абибуллаева и И.М. Джафарзаде о многослойности культурных горизонтов Нахичевани [1], [2].

В ходе исследований были обнаружены три ключевых типа глазурованной архитектурной керамики, каждая из которых обладает характерными технологическими и художественными признаками.

Первый тип представлен изразцом с зеленой свинцовой глазурью. Ее размер составляет 12,5×7,5×2 см. Поверхность отличается неоднородным покрытием, с частично утончающейся глазурью по краям, что указывает на неравномерность нанесения или температурные колебания при обжиге. В теле изразца зафиксировано углубление, возможно, оставшееся от монтажного гвоздя или иного крепежа. Они, вероятно, использовались в нижней части стен, пояса или арок мавзолея, что подтверждает их утилитарно-декоративную функцию.

Второй образец относится к изразцу с бирюзовой глазурью, насыщенно-медного оттенка, типичного для исламской архитектурной традиции. Размер – 8,1×8×1,5 см. Глазурь нанесена ровно, с эффектом стекловидного блеска, без явных дефектов. Лишь небольшие трещинки (кракелюр) указывают на естественное старение материала. Бирюзовая глазурь символизировала в исламском искусстве райскую чистоту и духовное начало, а потому чаще всего использовалась в декоративных надписях и медальонах с куфическим шрифтом, а также в рамочных элементах. Этот фрагмент, предположительно, входил в состав внутреннего убранства мавзолея.

Третий и наиболее редкий тип – это фрагмент керамики с подглазурной кобальтово-синей росписью, выполненный на светлой обожженной глине. Его размеры – 3,1×2,5×1,3 см. По центру изразца заметны две параллельные линии, нанесенные с использованием оксида кобальта – характерного пигмента для техники росписи под глазурью «*sıraltı boya*». Поверх росписи нанесен ровный прозрачный глазурный слой, демонстрирующий высокую температуру обжига и хорошую контролируемость производственного процесса. Подобные керамические технологии широко использовались в регионах Тебриза, Султание и Мараге и ассоциируются с высоким уровнем керамического ремесла Ильханидской эпохи. Примечательно,

что все три типа керамики использовались в пределах одного архитектурного объекта, что указывает на осознанный выбор декоративных решений в зависимости от функционального назначения изразца. Такое сочетание различных глазурных техник – от свинцовой зеленой до кобальтовой подглазурной росписи – позволяет говорить о высоком уровне организации мастерских, работавших в Хараба Гилан, и их ориентации на передовые технологии своего времени [10].

Дополнительные архитектурные исследования указывают на то, что мавзолей II в Хараба Гилане имел сложную структуру, включающую октагональный зал с массивной центральной колонной, плавно расширяющейся кверху, и внешне оформленный в виде прямоугольного куба. Наружная поверхность была украшена геометрическим орнаментом из кирпича и глазурованными элементами, аналогичными технологиям Тебриза и Нахчывана. В ходе раскопок 2015 года были также найдены надписи арамейским шрифтом, керамика бронзового века и оборонительная стена, что свидетельствует о длительной культурной преемственности места. Хронологически постройка мавзолея датируется концом XIII – началом XIV века, что подтверждается архитектурным стилем и составом керамики.

Сравнительный анализ архитектурной керамики мавзолея II в Хараба Гилане и комплекса Тахт-е Сулейман выявляет два различных подхода к оформлению сакрального пространства в эпоху Ильханидов.

Если Тахт-е Сулейман отражает эстетику централизованной придворной архитектуры с ярко выраженной визуальной программой, насыщенной орнаментом, надписями и фигуративными образами, то Хараба Гилан демонстрирует локальный, более сдержанный, но не менее концептуальный стиль, в основе которого лежит философия цветового символизма и функциональной дифференциации материалов.

Хараба Гилан характеризуется упорядоченностью цветовой структуры, где каждый тип глазури имеет свое четкое функциональное и символическое значение. Зеленый изразец ассоциируется с земным началом, используется в нижних поясах стен и арках; бирюзовый – с небесной сферой и чистотой, представлена в декоративных надписях и панелях; кобальтовая роспись под прозрачной глазурью, воплощающая высшую степень ремесленного искусства, возможно, связана с сакральными текстами или декоративными акцентами. Такое распределение указывает на существование стройной концепции оформления, при которой каждая деталь подчинена общей идее сакральной иерархии и эстетического баланса. В отличие от этого, Тахт-е Сулейман использует более пышный визуальный язык. Форма изразцов, в первую очередь звездчатая, создает сложные композиционные блоки, насыщенные орнаментом и символикой. Здесь преобладают элементы абстрактного декора, богатая палитра, в том числе люстр, а также изображения людей, животных и мифологических существ, что подчеркивает репрезентативную функцию ансамбля как части имперской культуры [6, с.124–127].

Сравнение показывает, что Хараба Гилан, несмотря на провинциальный характер, демонстрирует глубокую продуманность декоративной системы, сопоставимую с придворными центрами. Его эстетика основана на синтезе традиции, ремесленной точности и духовной символики, тогда как Тахт-е Сулейман ориентирован на демонстрацию мощи и идеологической легитимности. Оба подхода, хоть и различны по выразительным средствам, свидетельствуют о богатстве и многогранности исламского искусства указанного периода. Таким образом, ключевым отличием между двумя объектами является акцент либо на символике цвета и сакральной иерархии (Гилан), либо на композиционной системе и эстетике геометрии (Тахт-е Сулейман). В то время, как первый сосредоточен на передаче духовного содержания через сдержанную цветовую гамму и лаконичные формы, второй стремится к богатому визуальному воздействию, используя сложные композиционные приемы, насыщенные декоративные элементы и каллиграфию как текстуальное и художественное средство.

Источники и литература (References)

1. Абибуллаев О.А. Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку, 1959.
2. Джафарзаде И.М. Следы древнейшей культуры человека на территории Азербайджана // Известия Азерб. фил. АН СССР. 1944. № 9.
3. Ибрагимов Б.И. Средневековый город Киран. Баку–Москва: Изд-во НАН Азербайджана, 2000. 176 с.
4. Watson O. Persian Lustre Ware. Tehran: Islamic Republic of Iran Cultural Heritage Organization, 2003. 250 p.
5. Pope, Arthur Upham. A Survey of Persian Art: From Prehistoric Times to the Present. London New York: Oxford University Press, 1938. 1112 p.
6. 45–58. ص. 4. شماره – ش.هـ 1387 – فرهنگی میراث مجله // سلیمان تخت در آباخان کاخ های کاشی نقش درباره ای مقاله. احمد پور، طالب (Talebpour, Ahmad. Статья о мотивах на каши из дворца Абахана в Тахт-е Сулеймане).
7. 3. شماره – ش.هـ 1392. // سلیمان تخت فامزرین های کاشی دیداری و کلامی های نظام. دیگران و. ف. شکرپور، ص. 51–68. (Shakarpoor et al. Семиотический анализ каишей Тахт-е Сулейман).

8. عبدالله قوچانی، سلیمان تخت هایکاشی فارسی اشعار. تهران – مرکز، نشر: 1371 ش.ه. ص. 168. (Gučānī, ‘Abdollāh. Персидская поэзия на каши Тахт-е Сулеймана).
9. Pourmahmoudi, S., Amirhajloo, S., Moradi, H. Typology and Analysis of the Visual Elements of Luster Tiles of Takht-e Soleyman with an Aesthetic Approach; A Case Study of the Luster Tiles of National Museum of Iran // Negarine-ye Honar-e Eslami. 2025. Vol. 11, No. 28. P. 117–136.
10. Beydullazade, V. F. Construction Ceramics and Background Ornaments of the Mausoleums of the Ancient Settlement of Kharaba Gilan // Consensus. 2025. № 1. С. 32–46. DOI: 10.31110/consensus/2025-01/032-046.

**ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО
ЕГИПТА****HISTORIOGRAPHY OF VITICULTURE AND WINEMAKING IN BYZANTINE EGYPT****Казак Н.А.
Kazak N.A.***Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University*

Аннотация. Статья посвящена анализу уровня изученности истории виноградарства и виноделия византийского Египта в отечественной и зарубежной историографии. Эта тема не привлекала большого внимания в отечественной историографической традиции, тогда как западные ученые активно занимались изучением аграрных и хозяйственных сторон жизнедеятельности населения региона. Подчеркнута нехватка систематизированных исследований в отечественной историографии по этой теме, несмотря на ряд отдельных упоминаний и фрагментарных наблюдений. Основные усилия отечественных ученых концентрировались вокруг иных отраслей экономики и культуры Византии, упоминая виноградарство как часть сельского хозяйства.

Abstract. This article is devoted to analyzing the level of study of viticulture and winemaking in Byzantine Egypt in domestic and foreign historiography. It is noted that this topic did not attract much attention in the domestic historiographical tradition, while Western scholars were actively engaged in the study of agrarian and economic aspects of life of the population of the region. The lack of systematized studies in the domestic historiography is emphasized, despite a number of individual references and fragmentary observations. The main efforts of domestic scholars concentrated around other branches of Byzantine economy and culture, mentioning viticulture as part of agriculture.

Ключевые слова: историография, виноградарство, виноделие, виноград, вино, византийский Египет.

Key words: historiography, viticulture, winemaking, grape, wine, byzantine Egypt.

Египет имел огромное экономическое значение для Византийской империи. Его часто называли «житницей империи», поскольку именно этот регион был одним из главных поставщиков хлеба. Египет также славился производством папируса, тканей, плетеных изделий, стекла, инструментов, ювелирных украшений, благовоний и т. д. Примечательно, что для производства большинства этих товаров использовалось местное сырье, а импорт составлял лишь незначительную часть. Особое место в этом богатом перечне занимало выращивание винограда и производство вина. Хотя эти отрасли были известны еще с древнейших времен, вплоть до греко-римской эпохи вино оставалось привилегией древнеегипетской знати и жрецов, символом высокого статуса и религиозных обрядов. Археологи до сих пор находят сосуды с остатками вина в гробницах фараонов, что свидетельствует о сакральном значении этого напитка. Начиная с эпохи Древнего Египта, повседневным напитком большинства населения было пиво. В греко-римский период вино постепенно вытеснило пиво из массового потребления [15, р. 4]. Этот сдвиг связан с развитием виноградарства и виноделия. Производство стало более организованным и масштабным, благодаря чему вино стало доступно не только элите, но и остальной части населения. При этом вино занимало далеко не только место повседневного употребления. Оно широко применялось в медицине и кулинарии, его использовали как средство обмена, им мог выплачиваться натуральный налог. С распространением христианства значение вина возросло многократно, став неотъемлемым элементом Таинства Евхаристии. В данной статье мы рассмотрим историографию исследуемого вопроса, включая как отечественные, так и зарубежные исследования.

В отечественной историографии тема виноградарства и виноделия византийского Египта оказалась практически в стороне и не получила должного освещения. Обобщающие работы и специальные исследования по данной теме не создавались, поскольку большинство отечественных авторов сосредоточивались на других аспектах. Дореволюционные авторы обошли нашу тему вниманием. Большинство либо упоминали преимущественно текстильное производство, либо вовсе не затрагивали византийский период в своих работах. В советский

период ситуация существенно не изменилась; лишь начали появляться отдельные комплексные исследования по истории византийского Египта с уклоном в социально-экономическую проблематику. Вопросы виноградарства и виноделия в целом представляются фрагментарно и в общем контексте.

Первым из советских историков, затрагивавших нашу тему, является М.В. Левченко. В своих исследованиях он уделял внимание винограду и винограду прессам, их аренде и другим экономическим отношениям, связанным с ними [3]. Кроме того, в работе, посвященной церковным имуществам [4], М.В. Левченко отмечал монастырскую собственность, частью которой всегда были виноградники, а также монастыри как производители вина.

Необходимо упомянуть И.Ф. Фихмана – крупнейшего советского специалиста по истории византийского Египта. В своих исследованиях он, однако, основное внимание уделял вопросам рабовладения, ремесленному производству, крупному землевладению в византийском Египте [7], [8], [9], [10], [11]. Вместе с тем И.Ф. Фихман также отмечал аренду виноградников и различные экономические отношения, связанные с ними. А.И. Павловская, исследуя социально-экономическое развитие сельских поселений византийского Египта, упоминала о виноградарстве [5].

Отдельно отметим исследования, посвященные быту и нравам византийцев [2], [6], в которых А.А. Чекалова и М.А. Поляковская отмечали, что египтяне производили вино под названием «мареотик», отличавшееся низким качеством, характеризующееся как плохое, дешевое и невкусное.

Если в целом отметить советскую историографию виноградарства и виноделия византийского Египта, можно констатировать, что авторы в основном сосредотачивались на внешних аспектах этой темы, чаще просто писали о винограду как о составляющей сельского хозяйства, игнорируя внутренние процессы и особенности технологического производства. Таким образом, их исследования ограничены внешними вопросами, что не позволяет полноценно раскрыть и реконструировать виноградарство и виноделие византийского Египта.

После краха СССР и отказа от марксистско-ленинского подхода к изучению истории экономики Византии и ее отрасли привлекают внимание лишь узкого круга специалистов. В постсоветской историографии отсутствуют специализированные исследования, посвященные теме нашей работы.

Современные исследования виноградарства и виноделия в Византии имеются, однако они не охватывают византийский Египет, что свидетельствует о необходимости дальнейших научных изысканий. В качестве исключения можно отметить работу Н.И. Винокурова [1], посвященную древним винодельням Египта, Финикии, Сиро-Палестинского региона и Причерноморья. Хотя он не занимался непосредственно виноделием византийского Египта, но упоминал о винодельнях, многие из которых продолжали использоваться в византийский период. Это расширяет представление о развитии виноградарства и виноделия в регионе и может служить ценным материалом для сравнительного анализа. В зарубежной историографии ситуация с изучением виноградарства и виноделия византийского Египта значительно отличается от отечественной.

Зарубежные исследователи располагают более широким доступом к разнообразным источникам, включая письменные документы (папирусы) и археологические материалы. Активные археологические раскопки, проводившиеся с прошлого века и продолжающиеся по настоящее время, позволили обнаружить и изучить целые винодельческие комплексы в Египте. Папирусы, обнаруживаемые в новых раскопках, существенно расширяют знания в области нашей темы. Постоянное пополнение папирусных коллекций предоставляет исследователям более полные и разнообразные сведения о хозяйственной жизни региона, включая детали аренды виноградников, технологии производства вина, торговые связи и экономические отношения. Благодаря более доступной и расширенной источниковой базе зарубежным исследователям удастся глубже и подробнее изучать виноградарство и виноделие, что поддерживается устойчивым интересом к истории данной отрасли, который никогда не угасал за рубежом.

Перед тем, как говорить о специальных работах по нашей теме, стоит упомянуть исследования общего характера по экономике Египта византийского периода. Необходимо отметить работу двух крупных историков: Джонсона А.Ч. и Уэста Л.К. [22], которые затрагивали тему виноградарства и виноделия византийского Египта, но описывали ее в общем контексте экономики региона. В 2007 году вышла обобщающая работа по Египту в византийский период под редакцией Р.С. Багналла [19], где нашу тему также отмечали в общем контексте. В 2024 году вышла книга под редакцией К. Блуин [24], посвященная истории Дельты Нила. В ней особое внимание уделялось историческому значению этого региона и той

важной роли, которую он сыграл в формировании прошлого, настоящего и будущего афро-евразийского мира. Отдельно в работе имеется описание византийских винодельческих комплексов в дельте Нила, открытых зарубежными археологами относительно недавно.

Отдельно отметим специализированные словари, связанные с Египтом, где в разделах, касающихся экономики, тоже содержатся нужные нам статьи [25]. Особенно полезно заглянуть в Коптскую энциклопедию [23]. Виноградарство и виноделие упоминались как важные элементы местной экономики.

Ряд исследований составляют работы, основанные на археологических находках и научном анализе керамических изделий, включая амфоры и другие сосуды, используемые для изготовления, хранения и транспортировки вина. Особое значение в этом контексте имеют исследования П. Балета, Ф. Махмуда, М. Виши, М. Пикона [12] и С. Галлимора [20], сосредоточенные на амфорном производстве. Их работы раскрывают ключевую роль амфор в технологической цепочке виноделия византийского Египта.

Обратившись к предшествующим публикациям, имеющим отношение к рассматриваемой проблематике, мы приступаем к изучению фундаментальных исследований.

Т.М. Хики в своем исследовании, раскрывающем экономику Египта VI века, детально изучил процесс производства вина на примере поместья сенаторской семьи Апионов [21].

Значительный вклад в изучение виноградарства и виноделия Византийского Египта внес обширный цикл работ Д. Дзербицкой [14], [15], [16], [17], [18]. Исследовательница посвятила значительную часть своего творчества вопросам производства, транспортировки и торговли вином, акцентируя особое внимание на участниках процесса производства вина. Ее публикации охватывают широкий исторический диапазон: начиная с греко-римской эпохи и заканчивая периодом арабского завоевания Египта, создавая, таким образом, четкую временную ретроспективу.

Отдельное направление ее исследований касается вопросов организации виноградарства и винодельческого дела в рамках монастырей, играющих важную роль в качестве крупных производителей вина к концу византийской эпохи и в последующий период арабского господства [14], [16]. Следует отметить, что отечественная историография фактически ограничивается единственным упоминанием проблемы монастырского виноделия в работах М.В. Левченко. А. Бланк [13] и Е. Випшицка [26] в своих работах исследовали виноградарство и виноделие, но в общем контексте экономики египетских монастырей.

Проведенное исследование позволило выявить значительные пробелы в освещении темы виноградарства и виноделия византийского Египта в отечественной историографии. Несмотря на наличие отдельных упоминаний и фрагментов, общая картина остается недостаточно полной и структурированной. В дореволюционной историографии наша тема не затрагивалась. Советские историки зачастую ограничивались поверхностным рассмотрением вопроса, оставляя вне внимания важнейшие аспекты: технологические особенности и внутренние механизмы функционирования отрасли. Зарубежные ученые обладают преимуществом благодаря доступности широкого спектра источников, включающих письменные свидетельства и археологические артефакты. Регулярные открытия новых материалов позволяют постоянно обновлять и дополнять имеющиеся знания. Тем не менее, даже зарубежные исследования остаются ограниченными, часто сосредотачиваясь на общих чертах экономики региона и редко выделяя виноградарство и виноделие в отдельную сферу анализа.

Таким образом, представляется необходимым дальнейшее углубленное изучение указанной темы, особенно в свете имеющихся разрывов в отечественной научной литературе. Важно привлекать как традиционные исторические методы, так и междисциплинарные подходы, интегрируя археологию, экономическую историю и т. д. Это позволит создать более полное и точное понимание состояния и динамики виноградарства и виноделия в византийском Египте.

Источники и литература (References):

1. Винокуров Н.И. Древние винодельни Египта, Финикии, Сиро-Палестинского региона и Причерноморья: общее и особенное // Египет и сопредельные страны. 2020. № 4. С. 21–45.
2. Культура Византии. IV – первая половина VII в. / отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1984. 726 с.
3. Левченко М.В. К истории аграрных отношений в Византии VI–VII вв. (по документам византийского Египта) // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 1–2. 1935. С. 75–110.
4. Левченко М.В. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // Византийский временник. Т. 2. 1949. С. 11–59.
5. Павловская А.И. Египетская хора в IV в. М.: Наука, 1979. 254 с.
6. Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та,

1989. 304 с.
7. Фихман И.Ф. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV – середине VII в. М.: Наука, 1965. 308 с.
8. Фихман И.Ф. Египетский архив середины IV в. н. э. // Византийский временник. Т. 27. 1967. С. 295–305.
9. Фихман И. Ф. Ремесло и крупное имение в византийском Египте (по данным греческих папирусов) // Палестинский сборник. Вып. 7. 1962. С. 51–88.
10. Фихман И. Ф. Оксирих – город папирусов. М.: Наука, 1976. 341 с.
11. Фихман И. Ф. У истоков крупного землевладения в Оксирихе // Византийский временник. Т. 38. 1977. С. 12–18.
12. Ballet P., Mahmoud F., Vichy M., Picon M. Artisanat de la céramique dans l'Egypte romaine tardive et byzantine: prospections d'ateliers de potiers de Minia à Assouan // Cahiers de la céramique égyptienne. Vol. 1. 1991. P. 129–143.
13. Blanke L. Pricing Salvation: Visitation, Donation and the Monastic Economies in Late Antique and Early Islamic Egypt. / A. Collar and T.M. Kristensen (eds.). Pilgrimage and Economy in the Ancient Mediterranean. Leiden: Brill, P. 228–253.
14. Dzierzbicka D. Monastic Vintages: The Economic Role of Wine in Egyptian Monasteries in the Sixth to Eighth Centuries // Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 129–151.
15. Dzierzbicka D. OINOS. Production and Import of Wine in Graeco-Roman Egypt. Warsaw: University of Warsaw; Raphael Taubenschlag Foundation, 2018. 548 p.
16. Dzierzbicka D. Wine consumption and usage in Egypt's monastic communities (6th–8th century) // Aegyptus et Nubia Christiana. The Włodzimierz Godlewski Jubilee Volume on the Occasion of his 70th Birthday. Warsaw, 2016, P. 99–112.
17. Dzierzbicka D. Wineries and their Elements in Graeco-Roman Egypt // Journal of Juristic Papyrology. Vol. 35. 2005. P. 9–92.
18. Dzierzbicka D. Wineries of the Mareotic Region // Lake Mareotis: Reconstructing the Past Proceedings of the International Conference on the Archaeology of the Mareotic Region Held at Alexandria University, Egypt 5th–6th April 2008, Oxford 2010, Archeopress BAR. P. 127–133.
19. Egypt in the Byzantine World, 300–700 / Roger S. Bagnall (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 482 p.
20. Gallimore S. Amphora production in the Roman world a view from the papyri // Bulletin of the American Society of Papyrologists. Vol. 47. 2010. P. 155–184.
21. Hickey T. M. Wine, Wealth, and the State in Late Antique Egypt: The House of Apion at Oxyrhynchus. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2012. 248 p.
22. Johnson A. Ch., West L. C. Byzantine Egypt: economic studies. Princeton: Princeton University Press, 1949. 344 p.
23. The Coptic Encyclopedia. URL: <https://archive.org/details/copticencyclopedia0002unse>.
24. The Nile Delta: Histories from Antiquity to the Modern Period / K. Blouin (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 676 p.
25. The Oxford Handbook of Roman Egypt / C. Riggs (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2012. 814 p.
26. Wipszycka E. Economics of Egyptian Monasticism // Jur. Papyrology. Vol. XLI. 2011. P. 159–263.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ВКЛАД З.М. БУНИЯТОВА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО АЗЕРБАЙДЖАНА¹

Z.M. BUNYADOV'S CONTRIBUTION TO THE SOURCE-BASED STUDY OF MEDIEVAL AZERBAIJANI HISTORY

Гулиев Э.А.
Guliyev E.A.

*Институт истории и этнологии им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана,
Гуманитарная школа-лицей г. Баку,*

*Institute of History and Ethnology im. A.A. Bakihanova.
National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Humanities-oriented school lyceum, Baku, Azerbaijan*

Аннотация. Деятельность З.М. Буниятова в области источниковедения характеризуется глубокими исследованиями и переводами, посвященными истории средних веков. Он включил в научный оборот источники на арабском, персидском и других языках, освещая важные сведения, относящиеся к истории Азербайджана. Переводы и исследования Буниятова особенно ценны в контексте арабо-кавказских войн, движения хурремидов, государства Сельджукидов и эпохи Ильдегизидов. Его работы также внесли значительный вклад в изучение османских и восточноевропейских источников. Его деятельность в данной области остается ценным вкладом в историческую науку.

Abstract. Z. M. Bunyadov's work in the field of source studies is characterized by profound research and translations devoted to the history of the Middle Ages. He included sources in Arabic, Persian and other languages into scientific circulation, highlighting important information related to the history of Azerbaijan. Bunyadov's translations and research are especially valuable in the context of the Arab-Caucasian wars, the Khurramid movement, the Seljuk state and the Ildegizid era. His works also made a significant contribution to the study of Ottoman and Eastern European sources. His work in this area remains a valuable contribution to historical science.

Ключевые слова: источниковедение, переводчик, историк, Албания, христианство, Сельджуки, Бабек, произведение.

Keywords: Source studies, translator, historian, Albania, Christianity, Seljuks, Babek, work.

Текст статьи на русском языке

Источниковедческая деятельность З.М. Буниятова была весьма плодотворной. Великолепное знание ряда восточных и европейских языков позволило ему провести глубокие исследования и ввести в научный оборот письменные источники по средневековой истории. Несмотря на значительный срок, прошедший со дня смерти ученого (1997 г.), и сегодня некоторые сайты и «научные» труды предвзято подвергают сомнению его источниковедческую деятельность [31]. Интересно, что сам З.М. Буниятов однажды дал этим «экспертам» обоснованный ответ [11].

Именно исследования З. Буниятова, посвященные изучению нашей истории, а также переведенные и интерпретированные им источники, позволили дать реальное и объективное объяснение произошедшим событиям. Первичные письменные источники подтверждают, что Албания² имела свою собственную письменность еще до распространения христианской литературы на этой территории. В период правления династии Сасанидов официальное делопроизводство велось на среднеперсидском (пехлевийском), а торговые сделки – на сирийском языке. Христианство начало проникать в Албанию из Сирии и Палестины. Поэтому все христианские религиозные церемонии и обряды совершались на сирийском и греческом языках [13, с. 10–11]. Известно, что основные сведения об истории Албании

¹ Зия Мусаевич Буниятов (24 декабря 1923 — 21 февраля 1997) – советский и азербайджанский учёный, востоковед, академик Академии наук Азербайджана, ветеран Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. Почётный гражданин района Панков города Берлина (Германия), почётный гражданин города Ургенча (Узбекистан) – прим. ред.

² Имеется в виду древнее название территории современного Азербайджана – прим. ред.

отражены в труде Мусы Каланкатуклу «История албанцев». Большинство источников, написанных на албанском языке, подверглись искажениям, добавлениям, фальсификациям, а оригиналы этих произведений были уничтожены и дошли до наших дней на так называемом «древнеармянском» языке.

Переводы арабоязычных источников также занимают важное место в творчестве З. Буниятова. Сведения об Азербайджане имеются не только в исторической литературе, но и в трудах средневековых арабоязычных географов [1, 7 с. 21–26, 50]. Значение этих источников для изучения истории азербайджанского народа нашло отражение в монографии З.М. Буниятова «Азербайджан в VII–IX веках» [17, с. 16–26]. В целях ознакомления читателей с анализируемым материалом З. Буниятов перевел отрывки из трудов ат-Табари, ан-Надима, аль-Багдади, аль-Ибри, аль-Масуди, аль-Макдиси, Динавари и включил их в свою монографию. Благодаря этим переводам мы получаем подробную информацию об этнической принадлежности Бабека, целях хуррамитов и участниках движения [17, с. 300–317].

Следует отметить перевод «Китаб аль-Футух» З. Буниятовым. «Книга завоеваний» Ахмада ибн Асама аль-Куфи (ум. 926) [14, с. 23], которая считается ценным источником по истории народов Восточной Европы, арабо-хазарским войнам и хуррамидскому движению. В отличие от «Китаб футух аль-булдан»/«Книги о завоевании стран» аль-Белазури, книга аль-Куфи была малоизвестна в мусульманском мире. Это связано с тем, что работа долгое время не была известна специалистам, а ее единственный экземпляр хранился в музее дворца Топкапы в Стамбуле [29]. В настоящее время работы, переведенные на персидский язык, хранятся в различных библиотеках Европы и Востока [15, с. 612–614]. Аз Валиди Тоган опубликовал оттуда сведения об арабо-хазарских войнах [33]. Позже эти сведения были опубликованы ан Куратом [26, с. 385–425]. После издания сочинения аль-Куфи в Индии [30, с. 1–8] З. Буниятов перевел на русский язык отдельные части этого труда, связанные с Южным Кавказом [3].

По мнению специалистов, сочинение Ибн аль-Асама аль-Куфи «Китаб аль-футух» является для нас новым историческим источником, значение которого до сих пор не в полной мере оценено. В этом сочинении содержатся весьма важные сведения о средневековой истории азербайджанского народа, которых нет в трудах арабских историков IX века (Белазури, Якуб, Табари и др.) [20, с. 10]. Перевод произведения Ибн Асама аль-Куфи важен для средневековой истории азербайджанского народа, поскольку содержит отличные от сведений других письменных источников сведения о первых арабских походах в Азербайджан, о деятельности арабских наместников в азербайджанских городах и селах, о набегах хазарских войск на страну, об арабо-хазарских войнах. В произведении отражен период истории Арабского халифата от правления первого халифа Абу Бакра до конца правления аль-Мустаи [3, с. 3]. В отличие от других арабоязычных источников, в произведении аль-Куфи содержатся важные сведения об азербайджанских городах и крепости Дербент. У аль-Куфи есть интересные сведения о карательных мерах арабов в Бейлагане, Газахе, Барде, Юнани, Барзанде и других городах [3, с. 78]. Два разных повествования Аль-Куфи о пленении, последних днях и казни Бабека представляют большую ценность для исследования [20, с. 9–10].

Новый приток тюрков в XI веке существенно изменил политическую обстановку на Ближнем Востоке. Это связано с возникновением государства Сельджуков, созданного султаном Тогрулом в 1038 году, и победой сельджуков над армией Газневидов в битве при Данданакане 24 мая 1040 года. После этой победы сельджукские войска, не встречая сопротивления, двинулись на запад и заняли территории, подвластные Бувайхидам. Взятие Тогрулом Багдада в 1055 году изменило политическую обстановку в халифате, и халиф был вынужден признать политическую власть султана [5, с. 3–8], [18, с. 29], [25, с. 32–55]. Подробную информацию о событиях этого периода мы можем получить из различных источников. В этом отношении особую ценность представляет труд аль-Хусайни «Ахбар ад-давлат ас-Салджукийя» («Известия о Сельджукском государстве»), переведенный Буниятовым в 1981 году [5, с. 8–12]. Многие историки признают авторством этого труда Садраддина аль-Хусайни, и он известен под названием «Зубдет» [5, с. 12–13]. Садраддин аль-Хусайни был одним из чиновников хорезмшаха Алаэддина Текеша [9]. Из предисловия к переводу становится ясно, что составитель не ограничился сбором исторических фактов, но также отобрал и отредактировал их. Описание событий в «Зубдете» ведется до 1194 года, поэтому он мог быть написан в эпоху наибольшего могущества хорезмшахов [5, с. 14–15]. Последнее событие, зафиксированное в произведении, – смерть азербайджанского атабека Узбея и падение династии Ильденизов в 1225 году. Из комментария З. Буниятова следует, что эта и предшествующие ей главы являются дополнениями переписчика произведения.

Одним из основных источников, отражающих историю Азербайджана, является труд Шихабеддина Мухаммада ан-Насави «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурни» [6]. Автора

этого произведения называли «мунши», так как он был личным секретарем хорезмшаха Джалал ад-Дина [6, с. 5]. З. Бунятов отмечает, что мемуарное произведение «Сират» состоит из 108 глав [6, с. 24]. Как видно из перевода З. Бунятова, в отличие от Ибн аль-Асира, ан-Насави, который был очевидцем событий, более подробно осветил последний этап существования государства Ильденизов, земельную и налоговую политику Джалал ад-Дина, восстания против хорезмшаха и видных деятелей того периода [6, с. 30–35].

Одним из источников, переведенных З. Бунятовым, является труд «Муджам аль-булдан» арабоязычного географа и путешественника Якута ар-Руми аль-Хамави [12, с. 15]. Его 6-томный труд больше напоминает энциклопедию. З. Бунятов считал, что этому автору следует доверять, так как он *«везде указывает, каким источником он пользовался, и дополняет материал, взятый из других трудов, сведениями, собранными им во время путешествий»* [17, с. 25]. Следует отметить, что Якут аль-Хамави посещал Азербайджан в 1213 и 1220 годах. Во время этих путешествий он посетил города Тебриз, Марагу, Урмию, Уджан, Ахар, Маранд, Варави, Хой, Сараб, Ардебиль, Ушну и Мийану. Отдельные части произведения Якута ал-Хамави были переведены на русский язык П.К. Жузе в 1942 году. Этот перевод в настоящее время хранится в архиве Института истории и этнологии им. А.А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана. З. Бунятов отмечал, что некоторые исследователи, хотя и широко использовали этот перевод, часто не указывали адрес цитаты. Исследования З. Бунятова доказывают, что в этом переводе были упущены названия 25 городов, крепостей и сел Азербайджана. З.М. Бунятов перевел произведение по каирскому изданию 1906 года [12, с. 4].

З. Бунятов перевел часть географического труда автора XIV века Хамдуллы Казвини «Нузхат ал-гулуб» («Услада сердец»), посвященную Азербайджану [12, с. 4]. В нем содержатся подробные сведения о социально-экономической жизни Азербайджана в эпоху Ильханидов, о городах и поселениях, о сельском хозяйстве после монголо-татарских походов. В 1942 году отдельные части труда Хамдуллы Казвини были переведены Д.П. Петрушевским. З.М. Бунятов использовал английский перевод этого труда, сделанный Ле Стренком, просмотрел перевод Д.П. Петрушевского и внес исправления [12, с. 4].

Другим источником, представленным в переводе З. Бунятова, является труд автора XIV–XV вв. Абдуррашида аль-Бакуви «Талхис аль-Асар ва аджаиб аль-малик аль-каххар» («Краткое изложение памятников и чудес могущественных правителей») [16]. Абдуррашид аль-Бакуви родился в Баку. По некоторым гипотезам, он умер в Каире. Подробные сведения автора о Баку позволяют предположить, что он жил там [16, с. 3]. По мнению З. Бунятова, этот труд был написан не позднее 816 г. хиджры (1413/1414 гг.) [16, с. 3]. Единственный рукописный экземпляр этого труда хранится в Национальной библиотеке Парижа. В предисловии к труду З. Бунятов отметил: *«Труд Абдуррашида аль-Бакуви является сокращенной версией труда Закарии аль-Казвини. Он добавляет много оригинальных сведений при описании каспийских путей и Азербайджана. В 1789 году труд Бакуви был издан в кратком виде на французском языке Ж. Де Гуином»* [16, с. 4–5]. З.М. Бунятов перевел труд на русский язык и издал его в 1971 году [1]. Труд Абдуррашида аль-Бакуви был переведен на азербайджанский язык в 1992 году [16, с. 5–6].

З. Бунятов также ввел в обращение «Зафар-наме» Низамеддина Шами (или Шанб-и Казани), который относится к периоду Тимуридов [23]. Низамеддин Шами родился в Тебризе и в год взятия Багдада Амиром Тимуром жил там, а затем был взят в плен и стал служить ему. В 1401/1402 году Амир Тимур поручил ему написать историческое сочинение, основанное на официальных документах [23, с. 33]. Низамеддин Шами сопровождал Амира Тимура в военных походах в течение десяти лет и представил его Амиру, когда тот вернулся в Самарканд. По некоторым данным, Низамеддин Шами умер до 1409 года. З. Бунятов перевел и проанализировал «Тарих-наме» ас-Салмани и ввел его в научный оборот [7]. Это произведение было написано по указанию Шахруха Мирзы, младшего сына Амира Теймура [7, с. 3–4]. Существует три рукописных списка произведения.

З. Бунятов перевел произведение Мухаммада аль-Халаби «Поход Амира Яшбея». В этом произведении содержатся интересные сведения об истории Азербайджана XV века [4]. Ценность произведения заключается в том, что в «Походе» отражены две темы. Первая посвящена сражениям египетского мамлюкского войска под предводительством аль-Халаби Яшбея с Зулькадаром Шахсуваром. Вторая тема по объему короче первой. Здесь автор рассказывает о своем посещении дворца Узун Хасана из Ак-Коюнлу [4, с. 3–7].

Одним из источников, освещающих вторую половину XVI века, является труд Мустафы Эфенди Селаники «Тарих-э Селаники» [21]. М.Э. Селаники был свидетелем многих событий османского периода, занимая важные государственные должности. Поэтому он обладал информацией о сефевидско-османских отношениях.

З. Бунятов ввел в научный оборот «Историю» Мехмеда Солак-заде [22]. Оценивая

работу, во введении к переводу он сравнил политику кызылбашей и османов. «История» Мехмеда Солак-заде, в которой представлено подробное изложение истории Османской империи с момента бегства султана Ахмеда Джалаири и Кара Юсифа из Кара-Коюнлу в Египет в 1398 году до 1657 года (т. е. за год до его смерти), была хорошо принята читателями [22, с. 4–9]. Эта работа состоит из двух частей. Первая охватывает период от создания Османского государства до 1622 года. Вторая посвящена периоду, в котором он жил, и является оригинальной и достоверной. Работа была переведена на азербайджано-турецкий язык на основе работы «История Солак-заде», подготовленной Вахидом Чубуком в 1989 году [22, с. 4–5]. Важным аспектом таких источников является то, что в них упоминаются авторы, писавшие о полевых работах, проделанных в составе османских армий. Поэтому, в отличие от персоязычных источников периода Сефевидов, труды османских авторов имеют большое значение для изучения этого периода [22, с. 4].

Одним из источников, переведенных З. Буниятовым, является труд «История» Ибрагима Эфенди Печеви [27], [14]. В произведении отражены события 1520–1640-х годов. Ибрагим Эфенди трактовал события прошлого с точки зрения участников и государственных деятелей. Начиная с правления Мурада III (1574–1595), Ибрагим Эфенди сам рассказывал о событиях как очевидец. Круг интересов автора был широк. Он первым среди османских историков упомянул Иоганна Гутенберга, императоров Траяна и Аттилу, а также правила использования пороха у османов. З. Буниятов заранее предупреждал читателя, что Ибрагим Эфенди «как националистический суннитский историк не принимает шиизм и называет их „заблудшими в своих путях“» [14, с. 5]. Произведение переведено на русский язык по изданию Бекира Ситки Эфенди.

Документы, связанные с социально-экономической историей Азербайджана под османским владычеством в начале XVIII века, хранятся в архивах многих зарубежных стран. В 1984 году З. Буниятов обнаружил микрофильмы «Подробной тетради Гянджинско-Карабахской провинции» и «Подробной тетради Нахчыванского санджака» 1727 года из Архива канцелярии премьер-министра в Стамбуле. Османское правительство подготовило «Подробную тетрадь Нахчыванского санджака» с целью регулярного сбора налогов с населения [19, с. 5]. «Подробная тетрадь», состоявшая из двух экземпляров, хранилась в центральном правительстве в Стамбуле, а другой – в территориально-административном подразделении, к которому она принадлежала. Нахичевань была включена в состав Османской империи в 1724 году [19, с. 12]. Одним из важных аспектов документа является информация об административном устройстве Нахичевани. Как видно из документа, в то время Нахичевань состояла из 14 районов [19, с. 7]. «Подробная тетрадь Нахчыванского санджака» была издана в 1997 году под редакцией З.М. Буниятова.

Как видим, источниковедческая деятельность З.М. Буниятова не ограничивалась изучением средневековых источников.

Таким образом, изучая многогранное научное творчество З.М. Буниятова, мы вновь убеждаемся в том, что он был выдающимся переводчиком, востоковедом, историком и источниковедом. Именно его переводы позволяют по-новому взглянуть на историю азербайджанского народа, других соседних народов, этнокультурную эволюцию обширного региона, многие проблемы религиозно-идеологической жизни, исторической географии, пограничных вопросов, социально-экономических и политических отношений.

Text of the article in English

Z.M. Bunyadov's activity in source-study was very productive. His excellent knowledge of several Eastern and European languages allowed him to conduct thorough research and introduce written sources on medieval history into scientific circulation. Despite the considerable time that has passed since the scientist's death (1997), even today, some websites and "scientific" works have biasedly question his activity in the field of source study [31]. It is interesting that Z. Bunyadov himself once gave a reasonable answer to these "experts" [11].

It was precisely Z. Bunyadov's research work devoted to the study of our history, as well as the sources he translated and interpreted, that were able to provide a real and objective explanation of the events. The primary written sources confirm that Albania had its own script before the spread of Christian literature in this area (BC). During the reign of the Sasanid dynasty, official clerical work was conducted in Middle Persian (Pehlevi), and trade transactions were conducted in Syriac. Christianity began to penetrate to Albania from Syria and Palestine. Therefore, all Christian religious ceremonies and rites were performed in Syriac and Greek [13, p. 10–11]. It is known that the main information about local Albanian history is reflected in the work of Musa Kalankatuklu "The history of the Albanians". Most of the sources written in the Albanian language were subjected to distortions, additions, falsifications, and the original copies of these

works were destroyed, and they have survived to our time in the fictional “ancient Armenian language”.

Translations from Arabic-language sources also occupy an important place in Z. Bunyadov's work. Information about Azerbaijan is available not only in historical literature, but also in the works of medieval Arabic-language geographers [1, 7p. 21–26, 50]. The importance of these sources for the study of the history of the Azerbaijani people was reflected in Z.M. Bunyadov's famous monograph “Azerbaijan in the 7th–9th centuries” [17, p. 16–26]. In order to familiarize readers with the material he analyzed, Z. Bunyadov translated excerpts from the works of al-Tabari, al-Nadim, al-Baghdadi, al-Ibri, al-Masudi, al-Maqdisi, and Dinavari and added them to his monograph. Through these translations, we obtain detailed information about Babek's ethnicity, the goals of the Khurramid, and the participants of the movement [17, p. 300–317].

We should mention Z. Bunyadov's translation of the “Kitab al-Futuh (Book of Conquests)” by Ahmad ibn Asam al-Kufi (died 926) [14, p. 23], which is considered a valuable source on the peoples of Eastern Europe, the Arab-Khazar wars and the Khurramid movement. Unlike al-Belazuri's “Kitab futuh al-buldan”/“Book on the conquest of countries”, al-Kufi's book was little known in the Muslim world. This is because the work was not known to specialists for a long time and its only copy was kept in the Topkapi Palace Museum in Istanbul [29]. Currently, copies of the work translated into Persian are kept in various libraries in Europe and the East [15, pp. 612–614]. A.Z. Validi Togan published information about the Arab-Khazar wars from there [33]. Later, this information was published by A.N. Kurat [26, pp. 385–425]. After the publication of Al-Kufi's work in India [30, pp. 1–8] Z. Bunyadov translated certain parts of this work related to the South Caucasus into Russian [3]. According to experts, Ibn al-Asam al-Kufi's work “Kitab al-futuh” is a new historical source for us, the significance of which has not yet been fully determined. This work contains very important information about the medieval history of the Azerbaijani people that is not found in the works of 9th-century Arab historians (Belazuri, Yaqub, Tabari, etc.) [20, p. 10]. The translation of Ibn Asam al-Kufi's work is important for the medieval history of the Azerbaijani people because it contains information about the first Arab campaigns to Azerbaijan, the activities of Arab viceroys in Azerbaijani towns and villages, and the raids of the Khazar troops on the country, and the Arab-Khazar wars that differ from the information in other written sources. The work reflects a period in the history of the Arab Caliphate from the reign of the first caliph Abu Bakr to the end of the reign of al-Musta'i [3, p. 3]. Unlike other Arabic-language sources, al-Kufi's work contains important information about Azerbaijani towns, the Northern fortress of Derbent. Al-Kufi has interesting information about the punitive measures of the Arabs in Beylagan, Gazakh, Barda, Yunan, Barzand and other towns [3, p. 78]. Two different narrations by Al-Kufi about the capture, last days and execution of Babek are very valuable for research [20, p. 9–10].

The new influx of Turks in the 11th century, significantly changed the political situation in the Middle East. This is due to the emergence of the Seljuk state, created by Sultan Togrul in 1038, and the Seljuk victory over the Gaznavid army in the Battle of Dandanakan on May 24, 1040. After that victory, the Seljuk troops, not encountering any resistance, moved westward and occupied the territories subjected to the Buwayhids. Togrul's capture of the city of Baghdad in 1055 changed the political situation in the Caliphate, and the caliph had to recognize the political authority of the sultan [5, pp. 3–8], [18, pp. 29], [25, pp. 32–55]. We can obtain detailed information about the events of this period from various sources. In this respect, the work “Akhbar ad-dawlat as-Saljuqiyya” (“News about the Seljuk State”) by Al-Husayni, translated by Bunyadov in 1981, is particularly valuable [5, pp. 8–12]. Many historians accept that Sadraddin al-Husayni is the author of this work, and that the work is known by the title “Zubdet” [5, pp. 12–13]. Sadraddin al-Husayni was one of the officials of the Khorezmshah Alaeddin Tekesh [9]. The introduction to the translation makes it clear that the compiler did not limit himself to collecting historical facts, but also selected and edited them. The description of events in “Zubdet” is carried out up to 1194, therefore it could have been written during the most powerful era of the Khorezmshahs” [5, pp. 14–15]. The last event recorded in the work is the death of the Azerbaijani atabey Uzbey and the fall of the Ildeniz dynasty in 1225. It appears from Z. Bunyadov's commentary that this and the chapters preceding it are additions by the person who copied the work.

One of the main sources reflecting the history of Azerbaijan is Shihabeddin Muhammad al-Nasavi's work “Sirat as-sultan Jalal al-Din Mankburni” [6]. The author of this work was called “munshi” because he was the personal secretary of the Khorezmshah Jalal al-Din [6, p. 5]. Z. Bunyadov notes that the memoir-like work “Sirat” consists of 108 chapters [6, p. 24]. As can be seen from Z. Bunyadov's translation, unlike Ibn al-Athir, al-Nasavi, who was an eyewitness to the events, covered the last stage of the Ildeniz state, Jalal al-Din's land and tax policy, the rebellions against the Khorezmshah, and prominent figures of that period in more detail [6, p. 30–35].

One of the sources translated by Z. Bunyadov is the work “Mujām al-buldan” by the Arabic-speaking geographer and traveler Yaqut al-Rumi al-Hamawi [12, p. 15]. His 6-volume work is more reminiscent of an encyclopedia. Z. Bunyadov believed that this author should be trusted, because he “shows everywhere which source he used and supplements the material he took from other works with information he collected during his travels” [17, p. 25]. It should be noted that Yaqut al-Hamawi visited Azerbaijan in 1213 and 1220. During these travels, he visited the cities of Tabriz, Maragha, Urmia, Ujan, Ahar, Marand, Varavi, Khoy, Sarab, Ardabil, Ushna, and Miyana. Separate parts of Yaqut al-Hamawi’s work were translated into Russian by P.K. Zhuze in 1942. This translation is currently preserved in the archives of A.A. Bakikhanov Institute of History and Ethnology of the Azerbaijan National Academy of Sciences. Z. Bunyadov noted that some researchers, although they widely used this translation, often did not indicate the address of the quotation. Z. Bunyadov’s research proves that the names of 25 towns, fortresses and villages of Azerbaijan were overlooked in that translation. Z.M. Bunyadov translated the work based on the Cairo edition published in 1906 [12, p. 4].

Z. Bunyadov translated the part of the geographical work of the 14th century author Hamdullah Qazvini entitled “Nuzhat al-gulub” (“The Delight of the Hearts”) related to Azerbaijan [12, p. 4]. This work contains detailed information about the socio-economic life of Azerbaijan during the Ilkhanid period, cities and settlements, and agriculture after the Mongol-Tatar campaigns. In 1942, J.P. Petrushevsky translated separate parts of Hamdullah Qazvini’s work. Z.M. Bunyadov used the English translation of that work by Le Strenc, reviewed J.P. Petrushevsky’s translation, and made corrections [12, p. 4].

Another source presented in Z. Bunyadov’s translation is the work of the 14th-15th century author Abdurrashid al-Bakuvi, “Talkhis al-Asar wa ajaib al-malik al-qahhar” (“Summary of Monuments and Wonders of Powerful Rulers”) [16]. Abdurrashid al-Bakuvi was born in Baku. According to some hypotheses, he died in Cairo. The author’s detailed information about Baku suggests that he lived there [16, p. 3]. According to Z. Bunyadov, this work was written no later than Hejira 816 (1413/1414) [16, p. 3]. The only manuscript copy of this work is preserved in the National Library of Paris. In the introduction to the work, Z. Bunyadov noted: “Abdurrashid al-Bakuvi’s work is an abridged version of Zakariyya al-Qazvini’s work. He adds a lot of original information when describing the Caspian routes and Azerbaijan. In 1789, Bakuvi’s work was published in a brief form in French by J. De Guin” [16, pp. 4–5]. Z.M. Bunyadov translated the work into Russian and published it in 1971 [1]. Abdurrashid al-Bakuvi’s work was translated into Azerbaijani in 1992 [16, pp. 5–6].

Z. Bunyadov also brought into circulation Nizameddin Shami’s (or Shanb-i Qazani’s) “Zafar-nameh”, which dates back to the Timurid period [23]. Nizameddin Shami was born in Tabriz and in the year Amir Timur captured Baghdad lived there, and then was taken prisoner and began to serve him. In 1401/1402, Amir Timur commissioned him to write a historical work based on official documents [23, p. 33]. Nizameddin Shami accompanied Amir Timur on military campaigns for ten years, and presented it to the Amir when he returned to Samarkand. According to some information, Nizameddin Shami died before 1409. Z. Bunyadov translated and analyzed as-Salmani’s “Tarikh-nameh” and introduced it into scientific circulation [7]. This work was written under the instructions of Shahrukh Mirza, the younger son of Amir Teymur [7, pp. 3–4]. There are three manuscript copies of the work.

Z. Bunyadov translated the work of Muhammad al-Halabi “The March of Amir Yashbey”. This work contains interesting information about the 15th century history of Azerbaijan [4]. The value of the work is that two topics are reflected in “The March”. The first topic deals with the battles of the Egyptian Mamluk army led by al-Halabi Yashbey with Zulqadar Shahsuvar. The second topic is shorter in terms of its volume than the first. Here the author talks about his visit to the palace of Uzun Hassan of Aghgoyunlu [4, pp. 3–7].

One of the sources that illuminates the second half of the 16th century is Mustafa Efendi Selaniki’s work “Tarikh-e Selaniki” [21]. M.E. Selaniki witnessed many events during the Ottoman period, as he held important state positions. Therefore, he had information about Safavid-Ottoman relations.

Z. Bunyadov introduced Mehmed Solak-zadeh’s “History” into scientific circulation [22]. The scholar who evaluated the work warned readers in the introduction to the translation and compared the policies of the Qizilbash and Ottomans. Mehmed Solak-zadeh’s “History”, which presented a detailed summary of Ottoman history from the escape of Sultan Ahmed Jalairi and Qara Yusif of Qaragoyunlu to Egypt in 1398 to 1657 (i.e. one year before his death), was well received by the readership [22, pp. 4–9]. This work consists of two parts. The first part covers the period from the establishment of the Ottoman state to 1622. The second part of the work covers the period in which he lived, and is original and reliable. The work was translated into Azerbaijani Turkish based on the work “History of Solak-zadeh” prepared by Vahid Çubuk in 1989 [22, pp. 4–5]. An important aspect of

such sources is that there were those who wrote about the work done in the fields within the Ottoman armies. Therefore, unlike the Persian-language sources of the Safavid period, the works of Ottoman authors are very important for the study of that period" [22, p. 4].

One of the sources translated by Z. Bunyadov is the work "History" by Ibrahim Efendi Pechevi [27], [14]. The work reflects the events of the 1520s-1640s. Ibrahim Efendi interpreted past events from the perspective of participants and statesmen. Starting from the reign of Murad III (1574–1595), Ibrahim Efendi himself spoke about the events as an eyewitness. The author's interests were wide. He was the first among Ottoman historians to mention Johann Gutenberg, Emperors Trajan and Attila, and the rules for using gunpowder among the Ottomans. Z. Bunyadov warned the reader in advance that Ibrahim Efendi "as a nationalist Sunni historian does not accept Shiism and calls them "lost in their ways" [14, p. 5]. The work was translated into Russian based on the publication by Bekir Sitki Efendi.

Documents related to the socio-economic history of Azerbaijan under Ottoman rule at the beginning of the 18th century are kept in the archives of many foreign countries. In 1984, Z. Bunyadov discovered microfilms of the "Detailed notebook of the Ganja-Karabakh province" and the "Detailed notebook of the Nakhchivan sanjak" dated 1727 from the Prime Minister's Office Archive in Istanbul. The Ottoman government prepared the "Detailed notebook of the Nakhchivan sanjak" for the purpose of regular collection of taxes from the population [19, p. 5]. The "Detailed notebook", which consisted of two copies, was kept in the central office in Istanbul, and the other in the territorial-administrative division to which it belonged. Nakhchivan was included in the Ottoman Empire in 1724 [19, p. 12]. One of the important aspects of the document is information about the administrative structure of Nakhchivan. As can be seen from the document, at that time Nakhchivan consisted of 14 districts [19, p. 7]. "Detailed notebook of the Nakhchivan sanjak" was published in 1997, edited by Z.M. Bunyadov.

Z.M. Bunyadov's activity in the field of source studies was not limited to the study of medieval sources.

Thus, when we study Z.M. Bunyadov's multifaceted scientific work, we once again see that he was an outstanding translator, orientalist, historian, and scholar on source studies. It is precisely these translations of his that allow us to approach the history of the Azerbaijani people, other neighboring peoples, the ethnocultural evolution of a large region, many problems related to religious and ideological life, historical geography, border issues, socio-economic, and political relations in a new style.

Источники и литература (References):

1. Абд аль-Рашид. Китаб талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-Каххар / Абд аль-Рашид ; изд., пер., предисл. З.М. Буниятова. М.: Наука, 1971. 192 с.
2. Аз-Захрави Абу-л-Касим Халаф ибн Аббас. Трактат о хирургии и инструментах: предисловие. З.М. Буниятов. В: Буниятов З.М. Избранные сочинения: в 3 т. Баку: ЭЛМ, 1999. Т. 1. 206 с.
3. Алекперов, А.Ф. Один из древнейших тюркских этносов Передней Азии – кадусии. А.Ф. Алекперов. Tarix və gerçəklik. Azərbaycan Tarixi Qurumu. Баку, 2010. С. 12–37.
4. Ал-Халаби М. Поход эмира Йашбека. М. Ал-Халаби. Баку: ЭЛМ, 1985. 98 с.
5. ал-Хусайни С.А. Ахбар ад-даулат ас-сельджукийя. С.А. ал-Хусайни; пер. З.М. Буниятова. М.: Восточная литература, 1980. 272 с.
6. Ан-Насави, Ш.М. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Ш.М. Ан-Насави; пер. с араб., предисл., коммент. и указ. З.М. Буниятова. Баку: ЭЛМ, 1973. 494 с.
7. Ас-Салмани Т.А. Тарих-наме. Т.А. Ас-Салмани. Баку: ЭЛМ, 1997. 142 с.
8. Босворт К.Э. Мусульманские династии. К.Э. Босворт. М.: Наука, 1971. 324 с.
9. Буниятов З.М. Некоторые сведения Садр ад-Дина ал-Хусайни о Грузии. URL: <https://yadi.sk/i/FBqg4gCfTRpV> (дата обращения: 20.06.2025)
10. Буниятов З.М. О 30-м трактате Абу-л-Касима Халафа ибн Аббаса аз-Захрави / З.М. Буниятов // Вестник АМН СССР. 1980. Т. 9. С. 75–78.
11. Буниятов З.М. Ответ моим критикам и оппонентам. URL: <https://www.ziyabunyadov.com/blank-sliqa> (дата обращения: 18.03.2023)
12. Йакут ал-Х. Муджам ал-Булдан (Сведения об Азербайджане). ал-Х. Йакут. Баку: ЭЛМ, 1983. 65 с.
13. Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья А.П.Новосельцев. Москва: Наука, 1980. 288 с.
14. Печеви И.Э. История (Извлечения по истории Азербайджана...). Пер. и ком. З.М. Буниятова. И.Э.Печеви. Баку: ЭЛМ, 1988. 98 с.
15. Стори Ч.А. Персидская литература: био-библиографический обзор. Т. 1. Ч.А. Стори; пер. с англ. Ю.Э. Брегеля. М.: Наука, 1972. 694 с.
16. Bakuvî Ə. Təlxis əl-Əsar və əcaib əl-məlik əl-qəhhar. Ə. Bakuvî. Bakı: Şur, 1992. 176 s.
17. Bünyadov Z.M. Azərbaycan VII–IX əsrlərdə. Z.M. Bünyadov. Bakı: Azərnaşr, 1989. 336 s.
18. Mustafayev Ş.M. Səlcuqlərdən osmanlılara: XI–XV yüzilliklərdə Anadolunun türk mühitində etnosiyasi proseslər. Bakı : Elm, 2010. 332 s.

19. Naxçıvan sancağının müfəssəl dəftəri. 9 məhərrəm 1140 (27 avqust 1727). giriş və tərcümə: Ziya Bünyadov, Hüsəməddin Məmmədov (Qaramanlı). Bakı : Sabah, 1997. 336 s.
20. Orta əsr ərəb mənbələrində Azərbaycan tarixinə aid materiallar. Bakı: Nurlan, 2005. 336 s.
21. Selaniki Mustafa Əfəndi. Tarix-e Selaniki. 1563–1600-cü illər: Azərbaycan və qonşu ölkələrin tarixinə dair iqtibaslar. Osmanlı dilindən tərc. Z.M. Bünyadov. Bakı: Elm, 1992. 76 s.
22. Solak-zadə Mehmed. Tarix (Azərbaycan tarixinə aid iqtibaslar). M. Solak-zadə. Bakı: Elm, 1992. 84 s.
23. Şami Nizaməddin. Zəfər-namə (Azərbaycanın və qonşu ölkələrin tarixinə dair iqtibaslar) türk dilinə tərc. akademik Z.M. Bünyadov. Bakı: Elm, 1992. 33 s.
24. Əl-Əndəlusî Əsirəddin Əbu Həyyan. Kitab əl-idrak li-lisan əl-ətrak. Ə.Ə.H. Əl-Əndəlusî. Bakı: Azərnəşr, 1992. 104 s.
25. Köymen M.A. Büyük Səlcuqlu imparatorluğu tarihi. Cilt: I. Kuruluş dövrü. M.A. Köymen. Ankara: Türk Tarih Kurumu basımevi, 1989. 391 s.
26. Kurat A.N. Əbu Muhammad bin Asam al-Kufinin Kitab al-Futuhu. VI c. A.N. Kurat. Ankara Dil ve Tarih-Coğrafiya Fakültesi Dergisi. 1948. S. 385–425.
27. Peçevi İbrahim Efendi. Peçevi tarixi. II. İ.E. Peçevi; hazırlan.: Dr. Bekir Sıtkı Baykal. Ankara, 1992. 455 s.
28. Sumer F. Pehlivan. F. Sumer // İslam Ansiklopedisi. C. IX. S. 545–598.
29. Topqapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi. Arapça yazmalar kataloqu hazırlan: F.Y. Karatay. İstanbul, 1966. S. 341–342. №A 2956 (1–2).
30. Al-Kufi. Kitab al-Futuh. V. 1–8. Al-Kufi. Haydarabad, 1968–1975. 476 p.
31. Bournoutian G.A. A brief history of the Aghuank region G.A. Bournoutian. Californiya: Mazda Publishers, 2009. 124 p.
32. Montgomery W.W. The Influence of Islam on Medieval Europe: W.W. Montgomery. Edinburgh: Edinburgh University Press, v. 9, 1972. 376 p.
33. Togan A.Z.V. İbn Fadlans Reisebericht. A.Z.V. Togan. Leipzig, 1939. 337 s.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ ХАЗАРАМИ И АРАБАМИ ЗА КАВКАЗ**ETHNO-POLITICAL RIVALRY BETWEEN KHAZARS AND ARABS FOR THE CAUCASUS****Исмаилзаде С. Дж.****Ismailzade Saida Jafar***Гянджинский государственный университет, г. Гянджа, Азербайджан
Ganja State University, Ganja, Azerbaijan*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления этнической борьбы между хазарами и арабами в Кавказском регионе в VII–X веках. Анализируется сопротивление Хазарского каганата экспансии арабов-мусульман, а вместе с ним и этапы дипломатических, торговых и культурных связей. На основе источников определяется политическая картина того времени и закономерности взаимодействия двух народов.

Abstract. The article analyzes the main directions of the ethno-political struggle between the Khazars and Arabs in the Caucasus region between the 7th and 10th centuries. It examines the Khazar Khaganate's resistance to the Arab-Muslim expansion and the stages of diplomatic, trade, and cultural relations. Based on historical sources, the political landscape of the period and examples of mutual influence are identified.

Keywords: Khazars, Arabs, Caucasus, political relations, ethno-political conflict.

Ключевые слова: хазары, арабы, Кавказ, политические отношения, этнополитический конфликт.

Между VII и X веками регион Кавказа стал ареной конфликтов, имеющих глобальное значение не только географически, но и политически и культурно. В этот период завоевательные движения, осуществляемые Арабским халифатом под знаменем ислама, продвинулись на Кавказ, возникла необходимость столкновения с тюркоязычными государствами и племенами региона. Важнейшим и долгоживущим примером этих столкновений является череда войн и политических отношений между Хазарским каганатом и Арабским халифатом. Хазарский каганат был одним из самых прочных тюркских государств, сформировавшихся в регионе в тот период. Политическая стабильность государства, сильная система дипломатических отношений и возможности контроля над торговыми центрами сделали его одним из немногих государств, способных противостоять исламской экспансии. Сопротивление Хазар во время арабского наступления на Южном Кавказе также было усилено союзническими отношениями, установленными с Византийской империей.

В современной историографии эти отношения изучаются комплексно. Ученые, особенно такие исследователи, как Артамонов, Брук, Данлоп и Гумилев, проанализировали причины, ход и последствия хазаро-арабского конфликта, как с военной, так и с культурной точки зрения. Но в этом направлении еще мало исследований, которые дают обобщающий и глубокий анализ. В частности, такие вопросы, как взаимное культурное влияние, трансформация торговых отношений и влияние религиозных отношений на распространение среди народов региона, все еще требуют исследований.

Хазаро-арабские отношения также можно оценить в контексте столкновения и диалога цивилизаций. Эти отношения включали не только войны, но и такие аспекты, как распространение ислама в регионе, организация научного и экономического обмена, сосуществование различных религиозных конфессий [2]. Таким образом, рассматриваемый период является важным этапом, который необходимо изучать не только с точки зрения конфликта, но и с точки зрения культурной интеграции.

Завоевательные движения, начатые арабами с середины VII века за распространение ислама, оставили глубокий след и на Южном Кавказе. К тому времени, когда эта экспансия достигла точки столкновения с Хазарским каганатом, в регионе уже были объединены стратегические и религиозные интересы. Арабы стремились завоевать не только территориальное, но и идеологическое влияние, продвигаясь под знаменем ислама. Однако традиция государственности хазар, их организованная военная система и установленные политические связи с Византией сформировали серьезное сопротивление этим планам. Основные

конфликты усилились во времена Омейядов и сопровождались длительными войнами в различных районах Кавказа, в то время как военная стратегия арабов заключалась в быстрых атаках и мощной пропаганде, хазарские тюрки создали против них очаги локального сопротивления, постепенно начав влиять на политическую карту региона [9, р. 156]. Хотя в походах под предводительством Абдумалика были организованы серьезные набеги на каспийские земли, эти походы не принесли долгосрочной политической стабильности. Исторические источники показывают, что в этот период хазары были более ловкими в тактическом отношении и умело оценивали слабости противника [1, с. 205]. Эта борьба проявлялась не только в военной сфере, но и в культурном взаимодействии. Несмотря на то, что Хазарский каганат официально не принял ислам, процесс распространения ислама в регионе ускорился. С X века мусульманские купцы и ученые начали играть активную роль в регионе, что привело к переформированию торговой и религиозной жизни. Записи известного арабского путешественника Ибн Фазлана показывают, что в городах на берегу Волги уже сформировались мусульманские общины, где существовали мечети и управление в соответствии с законами шариата. Это – яркий пример постепенной культурной интеграции между хазарами и арабами [5, с. 88].

Эпоха Аббасидов: дипломатическая ориентация и культурная трансформация. С приходом к власти Аббасидов произошли серьезные изменения во внешней политике арабов. Агрессивная и ориентированная на завоевания военная стратегия во времена Омейядов уступила место более умеренным и сбалансированным отношениям. При новом Халифе Аль-Мансуре сохранение мира с Хазарским каганатом, укрепление взаимной торговли и дипломатических отношений были одними из главных политических целей [8, р. 266]. На данном этапе на Кавказе конфронтация постепенно уступила место экономическим интересам и межрелигиозной толерантности. В источниках отмечается, что аббасидское руководство в отношениях с Хазарским каганатом, особенно в районе Армении и Тбилиси, предпочитало избегать насилия и чаще прибегало к дипломатическим мерам – направлению посольств и заключению династических браков. Подобная политика нашла свое символическое выражение в брачном союзе, предложенном халифом хазарскому кагану, что было призвано укрепить двусторонние отношения [10, р. 242].

Однако тот факт, что эти дипломатические инициативы завершились неудачей, также зафиксирован в исторических источниках. Согласно хроникам, отправленная в качестве невесты мусульманка скончалась во время родов, что вызвало подозрения и слухи о намеренном характере происшествия. Это, в свою очередь, привело к вспышке напряженности и стало причиной хазарских нападений на Тбилиси и прилегающие территории [3, р. 131]. Это событие еще раз показало, что отношения между двумя государствами быстро менялись и строились на хрупком балансе. А при Харуне Ар-Рашиде отношения арабов с хазарами приобрели более стабильный и регламентированный характер. В этот период взаимные нападения на Кавказе уменьшились, а торговые связи Хазарского каганата с мусульманским миром усилились. Арабские источники отмечают, что теперь мусульманские купцы могли свободно действовать в Поволжье, и к их религиозным убеждениям относились с уважением [7, р. 301]. Путешественник Ибн Фазлан, побывавший на берегу Волги, отмечает, что в городе существовали мечети, принадлежащие мусульманам, и эти общины имели свои собственные системы правового управления. Это уже доказывает, что влияние ислама на хазарские Земли достигло определенного уровня. Именно эти взаимоотношения способствовали формированию мультикультурализма в регионе [6, р. 189].

Последствия и историческое наследие хазаро-арабских отношений. Череда конфликтов между хазарами и арабами между VII и X веками сыграла важную роль в формировании политической и культурной карты Кавказа и Восточной Европы. Продолжающиеся в этот период военные действия, дипломатические инициативы и экономические связи определили многоступенчатую траекторию развития региона. Сопротивление Хазарского каганата арабской экспансии вошло в историю не только как защита государства, но и как фактор предотвращения исламского влияния в Восточной Европе [4, р. 156]. Согласно распространенному среди современных исследователей мнению, если бы хазары не препятствовали продвижению арабских армий через Кавказ и в северном направлении, исламская цивилизация поселилась бы в Восточной Европе в более ранний период, и религиозный и культурный состав этих территорий сформировался бы совершенно иначе.

В связи с этим сопротивление хазар имело не только военное, но и культурно-стратегическое значение. Постоянное сопротивление хазар дало им возможность не только сохранить самостоятельную государственность, но и заключить более тесный союз с Византийской империей. Это сотрудничество привело к длительному поддержанию баланса сил в регионе и сорвало планы арабов по полному доминированию [9, р. 223]. В результате этой политической тактики Хазарский каганат долгое время был экономически процветающим и начал действовать как посредник между Европой и исламским миром. В то же время этот

конфликт также продемонстрировал возможность диалога между цивилизациями. Хотя хазары не приняли ислам в качестве государственной религии, но присутствие мусульманских общин внутри государства сформировало атмосферу религиозной терпимости и взаимоуважения. Это заложило основу многоконфессиональной и мультикультурной среды для последующих периодов в регионе. В конце концов, этот исторический процесс повлиял на политическое и культурное формирование не только Кавказа, но и Евразийского пространства в целом. Модели взаимодействия между арабами и хазарами до сих пор служат ключевым источником для объяснения этнического, религиозного и культурного разнообразия [10, p. 250].

Таким образом, хазаро-арабские отношения сыграли определяющую роль в геополитическом и культурном развитии Кавказского региона на протяжении VII–X веков. Благодаря военному и политическому сопротивлению, оказываемому Хазарским каганатом экспансии Арабского халифата, скорость распространения ислама на Кавказе замедлилась, и на религиозной карте региона сохранился баланс. Эта борьба также стала историческим примером взаимодействия и диалога между цивилизациями. Помимо сохранения независимости хазар, стратегический союз с Византией сыграл важную роль в ограничении арабского влияния в регионе. Благодаря этому союзу каспийское государство укрепило свои позиции не только в военном, но и в экономическом и дипломатическом плане. При Аббасидах эти отношения перешли в новую фазу, прямые конфликты уменьшились, их место заняли торговля, культура и научное сотрудничество. Хотя ислам официально не был принят, существование мусульманских общин на хазарских землях и их правовой статус свидетельствуют о культурной интеграции. Сложившиеся в этот период взаимоотношения заложили основу долгосрочного этнического и религиозного разнообразия в Кавказском регионе. Современные исследователи отмечают, что эта модель исторического взаимодействия остается прецедентом, демонстрирующим возможность межкультурного диалога даже в последующие века. В целом, этнополитическое соперничество между хазарами и арабами имеет фундаментальное значение не только для прошлого региона, но и для понимания его современной этнической, религиозной и политической структуры. Этот исторический процесс был одной из основных причин формирования многогранных и многоконфессиональных обществ современного Кавказа.

Источники и литература (References):

1. Артамонов М. И. История хазар. М.: Восточная литература, 1962.
2. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Издательство ЛАНХ, 2002.
3. Brook, K. A. The Jews of Khazaria. 2nd ed. Rowman & Littlefield, 2006.
4. Dunlop, D. M. The History of the Jewish Khazars. Princeton University Press, 1954.
5. Ibn Fadlan. Risala. Ed. R. Sheshin. İstanbul: Enderun, 1975.
6. Koestler, A. The Thirteenth Tribe: The Khazar Empire and its Heritage. London: Hutchinson, 1976.
7. Noonan, T. S. The Khazar Economy. Archivum Eurasiae Medii Aevi, vol. 11, 1999, pp. 253–318.
8. Pritsak, O. The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism. Harvard Ukrainian Studies, vol. 2, no. 3, 1978, pp. 261–281.
9. Whittow, M. The Making of Byzantium, 600–1025. University of California Press, 1996.
10. Zuckerman, C. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism. Revue des Études Byzantines, vol. 65, 2007, pp. 237–270.

МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ ТРЕХМЕРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КРЕСТОВО-КУПОЛЬНЫХ ХРАМОВ НА ПРИМЕРЕ ХРАМА У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ КИЛИСА-КАЯ БЛИЗ СУДАКА¹**METHODOLOGY FOR CREATING A THREE-DIMENSIONAL RECONSTRUCTION OF CROSS-DOMED CHURCHES USING THE EXAMPLE OF A TEMPLE AT THE FOOT OF MOUNT KILISA-KAYA NEAR SUDAK****Казеннова А.К.****Kazenova L.K.***Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University*

Аннотация. В статье описывается трехапсидный крестово-купольный храм, найденный в 2016 году у подножия горы Килиса-Кая в Крыму. Храм имеет уникальную сохранность и типичную для позднесредневековой архитектуры конструкцию. Он характеризуется массивными стенами, крестово-купольной конструкцией и наличием притвора. Входы и окна имеют арочные формы, а стены сложены из местного песчаника и ракушечника. В статье также описывается процесс создания 3D-модели храма, начиная с импорта чертежей и заканчивая визуализацией. Используются современные технологии для воссоздания архитектурных деталей и текстур. Полученные материалы могут использоваться для иллюстраций в статьях, учебных пособиях и виртуальных экспозициях, посвященных храмовой архитектуре и литургическим устройствам.

Abstract. The article describes a three-apse cross-domed church discovered in 2016 at the foot of Mount Kilisa-Kaya in Crimea. The church is uniquely well-preserved and features typical late medieval architecture. It is characterized by massive walls, a cross-domed structure, and the presence of a narthex. The entrances and windows have arched shapes, and the walls are made of local sandstone and shell rock. The article also details the process of creating a 3D model of the church, from importing drawings to visualization. Modern technologies are used to recreate architectural details and textures. The resulting materials can be used for illustrations in articles, textbooks, and virtual exhibitions dedicated to church architecture and liturgical devices.

Ключевые слова: Крестово-купольный храм, Археологические исследования, Средневековая архитектура, Реконструкция, 3D-визуализация, Крым, Судак.

Key words: Cross-domed church, Archaeological research, Medieval architecture, Reconstruction, 3D visualization, Crimea, Sudak.

В 2016 г. у подножия горы Килиса-Кая в Судакском регионе полуострова Крым Вадимом Владиславовичем Майко был открыт и исследован трехапсидный крестово-купольный храм. По предположению В.В. Майко храм является трехапсидным, почти квадратным в плане. Согласно сделанным замерам, длина храма составляет 19,5 м, ширина – 12,5 м. Поскольку сохранность объекта можно расценивать как высокую, имеется возможность выполнить замеры толщины и высоты наиболее сохранившихся стен. Толщина стен колеблется в пределах от 0,9 до 1,1 м, тогда как высота наиболее сохранившегося фрагмента стены – 4,6 м. В центре здания были обнаружены основания четырех опорных столбов размером 1,0 на 1,0 м, что свидетельствует о его крестово-купольной конструкции храма [2, с. 163].

Прямоугольную форму храмовому комплексу придает нетипичный крупный притвор шириной 2,5 м и высотой максимально сохранившейся стены 0,7 м. На стенах притвора обнаружены основания подпружных арок, которые делили притвор на три неравные части. В храм вели три входа. Основной он же центральный имел ширину 1,3 м и располагался по центру западной стены притвора. Второй вход находился на северной стене и имел ширину

¹ Работа над статьей была выполнена в рамках Государственного задания Севастопольского государственного университета «Формирование и функционирование поселенческих структур и населения Крыма от Средних веков к Новому времени по данным археологии и междисциплинарным исследованиям (FEFM-2024-0014)».

0,72 м, а высоту 1,6 м, был смещен относительно центра стены ближе к подпорному столбу. Третий и последний вход находился по центру южной стены и имел ширину 0,97 м.

Апсида находилась с восточной стороны храма и имела три неравные секции. Центральная секция по размерам превышает две других ровно в два раза и снаружи имеет пятигранную форму. Боковые малые апсиды имели трехгранную форму и внутреннюю высоту 3,20 м. В трех из пяти граней центральной апсиды обнаружены окна, которые были симметрично расположены.

Подавляющая часть опорных конструкций храма сложена из блоков ракушечника среднего размера, что является типичным решением в средневековой архитектуре Крыма. Стены притвора характеризуются однопанцирной кладкой, сложенной из камней песчаника на глине. О напольном покрытии В.В. Майко пишет: «Пол храма был вымощен крупными известняковыми плитами, тщательно подогнанными друг к другу на известковом растворе. Лучшее всего вымостка сохранилась в северной части храма, возле алтарной преграды, центрального и южного входов» [3, с. 291].

Благодаря проведенным исследованиям создается четкая картина об архитектуре и сохранности храма. Однако традиционное представление материалов исследования в виде чертежей и фотографий ограничивает возможность составить полный визуальный образ в момент его бытования. В решении этой задачи приходят на помощь технологии 3D-визуализации. Любой объект в реальном мире является объемным, поэтому он может быть представлен как посредством фотограмметрии, так и полигональной модели. Поскольку 3D-модель реконструкции храма уже была представлена широкой публике, далее пойдет речь о методике создания таких реконструкций [4, с. 109].

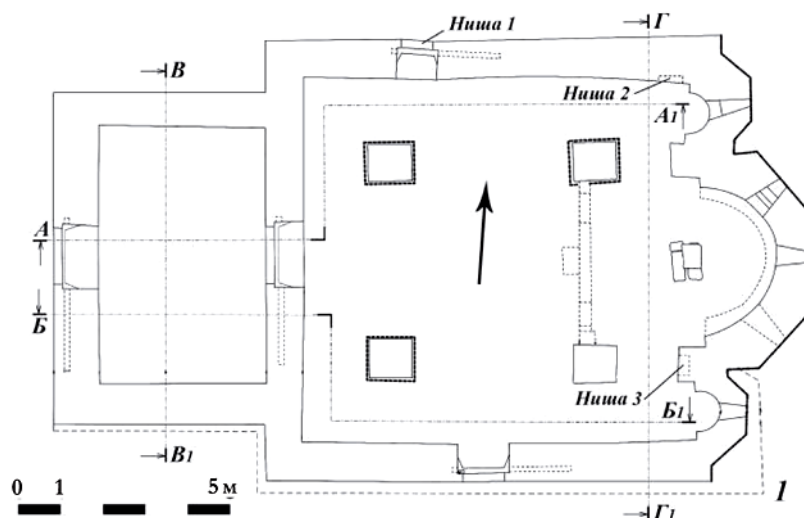

Рис. 1. План стен храма у подножия горы Килиса-Кая (илл. В.В. Майко)

Работа над реконструкцией начинается с импорта чертежей здания в трехмерный редактор. Поскольку чертежи являются двумерными изображениями, их как правило располагают вдоль двух осей, соответствующих направлению разреза. В большинстве 3D-редакторов существует режим ортометрической проекции, который позволяет исключить ошибки перспективы при черчении на основе археологических планов. Процесс воссоздания стен здания в трехмерном пространстве требует формирования их контуров на основе ранее импортированных чертежей [1, с. 45–49].

Одним из вариантов методик 3D-моделирования является создание трехмерной модели от примитива к сложной многокомпонентной группе объектов. Чаще всего стартовым примитивом является куб, поскольку большая часть зданий имеют прямоугольную форму, их план легко вписать в данный примитив. После того, как примитив масштабирован и деформирован согласно пропорциям здания, необходимо приступить к уточнению деталей, например, формированию контура апсиды. Основываясь на имеющихся данных, формируются толщины стен здания, а также его перекрытий. Боковые и фронтально-тыловые разрезы позволяют разметить плоскости стен для дальнейшей работы с оконными и дверными проемами.

Поскольку окна и двери в средневековых храмах, как правило, имели арочную форму, целесообразным решением является создание временного инструмента, изготовленного по форме этих проемов. Сложные формы рациональнее всего создавать, используя двумерные фигуры, включающие в себя, в том числе, кривые Безье. Подобным инструментом можно создать необходимое количество проемов с высокой точностью, так как его работа основана на принципе прорезки по проекции.

Завершающим этапом в построении модели будет являться формирование верхней части стен для последующего размещения крыши. Храмы крестово-купольного типа, как правило, имеют дополнительный цилиндрический ярус над центральной частью с собственной отдельной конструкцией крыши. После того, как основание всех кровельных элементов

подготовлено, начинается работа над созданием массива черепиц. Поскольку элементами крыши является типовой элемент черепичного модуля, на данном этапе применяется модификатор, относящийся к типу «генерация массива». Результатом проделанной работы будут являться сформированные поверхности крыши боковых приделов, апсиды и купола [6, с. 289, 311–312].

Для придания реалистичного внешнего вида зданию применяются материалы, содержащие текстурные изображения. Изображения, используемые в материалах, могут формироваться на основе фотографий, рисунков, чертежей и схем. Однако они должны иметь квадратное соотношение сторон, относительно небольшое разрешение и иметь свойства бесшовной текстуры, т.е. зацикленный паттерн.

Для удобства демонстрации полученной трехмерной модели подготавливается серия двухмерных изображений или видео, полученных путем рендеринга. Для его выполнения требуется расстановка предварительно подготовленных камер и размещение сценического освещения различных типов. Комбинация различного типа освещения придаст большую фотореалистичность полученным изображениям и видео [5, с. 168–173].

Немаловажным элементом работы над трехмерной визуализацией является создание фотограмметрической модели реального состояния объекта. Фотограмметрия – это технология фото и видео съемки реальных предметов и объектов таким образом, чтобы машинное зрение могло опознать объемную форму целевого пространства. Фотограмметрия также может быть основана на лазерной или акустической съемке, но поскольку данные технологии дают лишь точную форму поверхности, их всегда стоит дополнять фото и видео съемкой для создания реалистичных поверхностей.

При создании фотограмметрической съемки зданий следует придерживаться нескольких важных правил. Первое – съемку следует выполнять только в ясную, желательно облачную погоду, так как такие условия позволяют изготовить материал, не искаженный движением теней. Второе – при съемке интерьеров и внутренних помещений объектив фотоаппарата должен быть направлен на противоположную стену относительно камеры, а оператору необходимо двигаться спиной вдоль ближайшей стены. Третье – при съемке экстерьера следует снимать стены от основания крыши до фундамента. В случае, когда невозможно выполнить захват всей высоты стены одним кадром, допускается использование нескольких перекрывающих друг друга снимков.

Процесс создания фотограмметрической трехмерной модели начинается с загрузки подготовленных фото, видео или других материалов в специализированное программное обеспечение. Как правило, в программах подобного рода имеется своеобразный «Мастер», который помогает пользователю пройти необходимые этапы в оптимальном порядке. Соблюдение этого порядка не во всех случаях является обязательным для получения качественного результата, однако может помочь новым пользователям избежать наиболее распространенных ошибок.

Первый этап, который, как правило, используется при создании фотограмметрии – это «выравнивание фотографий». На данном этапе пользователь должен задать, сколько общих точек программа должна обнаруживать на каждой паре снимков. Чем заданное количество выше, тем больше времени займет обработка и потребуются больше вычислительных ресурсов, и тем выше шанс установить связи между фотографиями. В случае, если съемка достаточно четкая и имеет высокое разрешение, можно использовать минимальное количество общих точек, тем самым сэкономив время на обработку. Результатом выполнения первого этапа является формирование трехмерного разреженного облака точек, а также позиционирование фотографий или кадров видео в трехмерном пространстве.

На этом этапе можно выделить неудачные снимки и исключить их из дальнейшей обработки. Помимо этого, можно нанести или распознать маркеры, если они были представлены на сцене во время съемки, а также задать их координаты и расстояние между ними. На основе полученных данных программа задает масштаб потенциальной трехмерной модели и генеративного чертежа. На этом моменте можно выполнить опциональное действие – выполнить выравнивание лазерных или акустических сканеров, если таковые имеются в проекте.

Вторым этапом служит формирование высокоточной трехмерной полигональной модели. При ее создании можно определить ряд параметров, таких как: разрешение модели, тип модели, качество модели, источник формирования модели и встраивание цветов вершин. Разрешение модели – это параметр, задающий количество полигонов, из которых будет состоять модель. Чем полигонов больше, тем выше точность воссоздаваемой поверхности. Тип модели позволяет определить, в скольких измерениях отснят объект. В случае отсутствия одной из сторон на съемке, можно сэкономить время обработки. Параметр «качество модели» позволяет задать степень допустимой ошибки при формировании поверхности тех участков,

которые были сняты с недостаточной видимостью. Источник формирования модели определяет набор входных данных, на основе которых формируется полигональная модель. Ими могут быть плотное облако точек, полученное с акустического или лазерного сканера, разряженное облако точек, полученное на первом этапе и карты глубины, вычисляемые программой на втором этапе непосредственно перед построением модели. Завершающий параметр – встраивание цветов вершин – позволяет выполнить предварительную маркировку поверхности условными цветами.

Третьим обязательным этапом является построение текстуры для полученной на втором этапе высокоточной трехмерной полигональной модели. При создании текстур можно задать ряд важных параметров, таких как: тип текстуры, источник, метод развертки, тип смешивания, разрешение текстуры и их количество. Тип текстуры позволяет задать выходной формат полученной текстуры, такой как: полноцветный альbedo, трех-битная карта нормалей, монохромная карта шероховатости и засвеченности. Параметр «источник» определяет, на основе каких входных данных будут формироваться текстуры, например, фотографии или видео, цвета вершин или цвета точек лазерного скана. С помощью параметра «метод развертки» можно оптимизировать использование текстурного пространства для получения четких текстур при меньшем разрешении, а также уменьшить их деформацию. Параметр «тип смешивания» позволяет уточнить швы в местах соединения текстур. Разрешение текстур контролирует четкость текстуры через ее размер в пикселях, а их количество влияет на качество.

На основе полученной высокоточной полигональной трехмерной модели можно получить ряд двумерных данных высокого разрешения, таких как ортофотоплан и цифровую модель местности. Данные планы, а также трехмерную фотограмметрическую модель можно использовать в качестве дополнительных или альтернативных источников при создании трехмерной реконструкции храма.

Материалы, полученные в ходе выполнения данной работы, могут быть использованы в нескольких направлениях: в качестве иллюстративного материала к статьям, посвященным данному археологическому объекту; в качестве наглядного материала при изучении храмовой архитектуры и литургических устройств; в качестве материалов виртуальной экспозиции посвященной этой тематике; в качестве учебно-образовательного пособия.

Источники и литература (References):

1. Кузьменко А.А., А.Д. Гладченков, А.Б. Филиппова, Е.В. Рак, Е.А. Леонов, М.В. Терехов, А.С. Сазонова. Технология трехмерного моделирования в Blender 3d: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2018. 79 с.
2. Майко В.В., Христианские храмы юго-восточного Крыма XIII–XIV вв. Попытка сравнительного анализа // Архитектурная археология. № 2. 2020. С. 157-170.
3. Майко В. В. Византийский храм у подножья горы Килиса-Кая возле Судака // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. ХСІХ. Византия в контексте мировой культуры. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2019 С. 281-303.
4. Майко В.В., Карнаушенко Э.Н. Вариант реконструкции храма у подножья горы Килиса-Кая близ города Судака // Материалы научной конференции. Χερσωνοσ θερματα: Империя и полис. 2018. С. 109-114.
5. Прахов А. А. Blender: 3D-моделирование и анимация. Руководство для начинающих. СПб.: БХ В -Петербург, 2009. 272 с: ил. + CD-ROM
6. Прахов А. А. Самоучитель Blender 2.7. СПб.: БХВ-Петербург, 2016. 400 с.: ил.

ВЛИЯНИЕ СЕЛЬДЖУКОВ НА АЗЕРБАЙДЖАН: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

THE INFLUENCE OF THE SELJUKS ON AZERBAIJAN: POLITICAL, SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS

Мамедов И.А.
Mamedov I.A.

Гянджинский государственный университет, г. Гянджа, Азербайджан
Ganja State University, Ganja, Azerbaijan

Аннотация. Статья посвящена анализу политического, социального и культурного влияния сельджуков на Азербайджан в XI–XII вв. Рассматриваются изменения в административной системе, социальном составе населения, религиозной политике и архитектурной культуре. Подчеркивается роль сельджуков в формировании основ последующих государственных образований, таких как государство Атабеков.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the political, social and cultural influence of the Seljuks on Azerbaijan in the 11th–12th centuries. The changes in the administrative system, social composition of the population, religious policy and architectural culture are considered. The role of the Seljuks in forming the foundations of subsequent state formations, such as the Atabek state, is emphasized.

Ключевые слова: Азербайджан, ислам, сельджуки, управление, культура.

Key words: Azerbaijan, Islam, Seljuks, governance, culture.

XI век ознаменовался значительными изменениями в политическом и культурном ландшафте Ближнего Востока и Кавказа. Одной из главных движущих сил этих изменений были турки-сельджуки. Этот племенной союз огузского происхождения вышел из Средней Азии и установил традицию государственности на обширных территориях, создав новый политический порядок [2, с. 15–19].

Вступление сельджуков в Азербайджан изменило политический баланс сил в регионе, ослабило авторитет местных властей и ввело новые подходы к управлению. Созданная ими административная модель, а также социально-культурные и экономические последствия сделали этот период поворотным моментом в истории Азербайджана. Этот период характеризуется не только военной экспансией, но и процессом культурной интеграции и синтеза.

В то же время изучение сельджукского наследия важно и с точки зрения понимания формирования этнополитической и культурной идентичности современного Азербайджана. Изучение этого этапа также позволяет глубже понять систему средневековых международных отношений и культурных связей.

Целью данного исследования является систематический анализ военного и административного влияния турок-сельджуков на Азербайджан, определение их влияния на социальную структуру и культуру. Также рассматриваются изменения, которые они внесли в области городского планирования, образования, архитектуры и религиозной жизни. Цель состоит в том, чтобы представить роль периода сельджуков в истории Азербайджана всесторонним образом.

Начало походов сельджуков и вступление в Азербайджан.

Сельджуки, которые получили власть в Средней Азии с середины XI века, сначала добились политического господства в иранской географии, а затем начали стратегические походы на Кавказ [3, с. 198–200]. Пионерами этих военно-политических движений были Тогрул-бей, один из основателей династии Сельджуков, и его преемник Алп Арслан.

Политика Тогрул-бея основывалась в основном на союзе с Аббасидским халифатом, что давало сельджукам политическую легитимность и укрепляло их позиции на Кавказе, а также в Иране. В продолжение этой стратегии в конце 1040-х годов сельджукские отряды начали вторгаться на азербайджанские земли. Первые военные столкновения были зафиксированы

в районе Двина, Тебриза и Нахчывана. Эти регионы были важны, как с точки зрения торговых путей, так и с точки зрения стратегических перевалочных пунктов [5, с. 85–90].

В период Алып Арслана походы стали более систематическими. Особенно после победы над византийцами в битве при Малазгирте (Манцикерте) в 1071 году, сельджукское владычество распространилось не только на Анатолию, но и на Южный Кавказ. В течение короткого периода времени различные племенные объединения и местные княжества в Азербайджане были вынуждены принять сельджукское влияние.

На этом этапе сельджуки не только продемонстрировали военную мощь, но и начали формировать процессы управления и организации населения в регионе. Города, расположенные в южных районах Азербайджана, перешли под контроль военачальников династии Сельджуков и стали частью нового политического порядка [6, с. 98–100]. Эти события привели к более тесной интеграции Азербайджана в политическую географию Ближнего Востока.

Одним из важнейших изменений в период правления Сельджуков в Азербайджане стала централизация административной структуры государства. Сельджукская администрация стремилась создать сильные механизмы административного контроля не только из центра, но и в провинциях. Для этого азербайджанские земли были разделены на различные регионы, а их руководителями назначались лица, принадлежавшие к династии Сельджуков или к сословию военачальников – мелики, эмиры и т.д.

Эти администраторы назначались из центра и выполняли такие обязанности, как сбор налогов, распределение земли, контроль населения и территориальная оборона. Эта система обеспечивала не только политическую стабильность, но и эффективность экономического контроля.

Одной из важнейших реформ стало введение системы «икта». В рамках этой системы земельные участки временно предоставлялись полевым командирам, которые содержали себя и свою дружину за счет доходов с этих земель. Такая форма распределения земли одновременно снижала налоговое бремя для государства и делала местное управление более гибким.

В период Сельджуков также были систематизированы налоги, созданы канцелярские и финансовые ведомства, началась регистрация хозяйственной деятельности. Это имело значение для регулирования, как городской экономики, так и сельского хозяйства.

Параллельно с политической консолидацией происходили существенные демографические и социальные изменения. Активно развивались процессы расселения туркменских кочевников из Средней Азии, которые в основном оседали в степях и стратегически важных районах.

Это расселение способствовало формированию новых этнических и социальных групп. Взаимодействие туркмен, ведущих военно-кочевой образ жизни, с местным населением привело к изменениям в социальной структуре. Родственные узы, общая религия и политические интересы способствовали интеграции.

Сельджукские власти активно поддерживали этот процесс: туркменским вождям передавались земли икта, закрепляя их положение и способствуя формированию новой социальной иерархии. Через торговлю, межэтнические браки и религиозные обряды происходило постепенное сближение с местным населением.

В результате население Азербайджана стало более разнородным по составу, но при этом стабильным по внутренней структуре [1, с. 69–70].

Культурные и религиозные влияния.

Сельджуки оказали глубокое влияние на культурную и религиозную сферу Азербайджана. В частности, распространение системы медресе стало важным этапом в развитии интеллектуальной жизни региона. В Тебризе, Гяндже, Нахчыване появились образовательные центры, преподававшие как религиозные, так и светские науки [4].

Эпоха Сельджуков также ознаменована укреплением суннитского ислама, особенно ашаритского мазхаба. Сельджуки, признав халифов Аббасидов, вытеснили шиитских Буидов и установили суннитскую идеологическую гегемонию. Это отражалось в деятельности духовенства, архитектуре мечетей и содержании медресе.

Одним из главных выражений культурного и религиозного наследия была архитектура: мечети, караван-сарай, бани, оросительные системы. Эти постройки отличались инженерной продуманностью и художественной эстетикой – цилиндрические минареты, арки, геометрические орнаменты, куфическая каллиграфия [6, с. 41–44].

Караван-сарай и водные каналы способствовали развитию торговли и экономической связи между городами. Эти сооружения иллюстрируют общественное сознание эпохи, в которой странник, ученый и купец считались важными для общества фигурами.

Изменения в экономике Азербайджана.

В период правления Сельджуков в Азербайджане изменения в экономической сфере стали одним из ключевых факторов социальной и политической стабильности региона. Сельджукская администрация, проводя стратегическую экономическую политику, уделяла особое внимание безопасности и развитию торговых путей.

Благодаря расположению на одном из важнейших маршрутов Великого шелкового пути, регион стал выгодной точкой пересечения торговых потоков. Военно-политическая стабильность, обеспеченная сельджуками, сыграла решающую роль в развитии торговли. Строительство караван-сараев, пунктов контроля и водопроводов обеспечивало безопасность и способствовало ускорению экономического обмена.

Крупнейшие города региона – Гянджа, Тебриз, Нахичевань, Шемаха и Ардебиль – благодаря своему географическому положению стали центрами экономического возрождения. Гянджа славилась чеканными и ткацкими мастерскими, а Тебриз выполнял функции не только политического, но и ремесленно-торгового центра [5, с. 84–86].

Одновременно с этим совершенствовалась налоговая система, усиливалась централизация финансового управления, что способствовало росту производительности в сельском хозяйстве и ремесле. Расширение посевных площадей, улучшение ирригационных систем и усиление разделения труда в сельской местности повышали общий уровень благосостояния.

Стабильная и гибкая модель хозяйствования, применяемая сельджуками, привела к экономическому подъему Азербайджана в XI–XII вв. и активному включению региона в международную торговую систему.

Таким образом, приход сельджуков в Азербайджан сопровождался не только военными завоеваниями, но и глубинными культурными и социальными преобразованиями. Они ввели новую модель централизованного управления через институты икта и меликлик.

Массовое расселение туркменских кочевников привело к изменениям в демографической структуре, положив начало формированию турецкой этнической идентичности. Укрепление суннитского ислама и развитие сети медресе сыграли ключевую роль в религиозной и образовательной консолидации региона. Важной частью наследия стала архитектура и инфраструктура: мечети, караван-сарай, водопроводные системы. Эти постройки ознакомили период урбанизации и культурного подъема Азербайджана.

Это наследие легло в основу последующего государства Эльданизов, которое продолжило сельджукскую административную и культурную модель, адаптировав ее к местным условиям.

Таким образом, сельджуки выступили не просто как временная военная сила, а как устойчивый культурно-политический фактор, оказавший долговременное и многоплановое влияние на историю Азербайджана.

Источники и литература (References):

1. Аксой Х. Эрдебиль под властью Сельджуков: ворота на Кавказ // Журнал сельджукских исследований. 2024. № 21. С. 57–78.
2. Гафешоглу И. Сельджуки: история и культура. Анкара: Турецкое историческое общество, 1992. 400 с.
3. Ибн аль-Асир. Полная книга истории (аль-Камиль фи-т-Тарих). Пер. с араб. М.: Восточная литература, 2001. Т. 10. 512 с.
4. Менекше О. Азербайджанские ученые фикха и их вклад в науку фикха в эпоху Сельджуков // Турецкие исследования – Сравнительные религиоведения. 2024. Т. 19, № 1.
5. Худобашев А.А. Экономическое развитие Азербайджана в XI–XII веках. Баку: Азернеш, 1980. 310 с.
6. Эль Бундари. Книга Победа (Зефернаме). Пер. с чел. Баку: Элм, 1978. 220 с.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА I

THE EASTERN POLICY OF EMPEROR JUSTINIAN I

Таран В.С.¹

Taran V.S.

*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University*

Аннотация. В данной статье анализируется восточная политика императора Юстиниана I, для чего рассматривается геополитическая обстановка на восточных границах Византии в конце V – первой половине VI вв., определяются основные цели и задачи восточной политики Юстиниана I, рассматривается их реализация и влияние на судьбу страны.

Abstract. This article analyzes the eastern policy of Emperor Justinian I, for which the geopolitical situation on the eastern borders of Byzantium in the late fifth and first half of the sixth centuries is considered, the main goals and objectives of the eastern policy of Justinian I are determined, their implementation and impact on the fate of the country are considered.

Ключевые слова: Византия, Юстиниан I, Персия, Химьяр, Аксум, гассаниды, внешняя политика.

Keywords: Byzantium, Justinian I, Persia, Himyar, Aksum, Ghassanids, foreign policy.

Одним из самых ярких и ключевых периодов в истории Византии было время правления императора Юстиниана I (527–565). На него приходится активное государственное строительство, а также масштабные военные кампании по возвращению территорий, утраченных после падения Западной Римской империи. Именно западный вектор внешней политики Империи при Юстиниане традиционно воспринимается как основной, но не меньший интерес представляет и восточное направление.

Экономический и политический подъем, переживаемые Ромейским царством при Юстиниане I, стали основной причиной экспансионистских проектов Империи. Среди них была не только идея возвращения западно-римских территорий, но и план захвата Закавказья, Малой Азии, Аравии и Северо-Восточной Африки, через которые Византия могла установить торговые контакты с Индией и Китаем. Однако на начало VI в. приходится и расцвет главного противника ромеев на Востоке – Персии, контролировавшей основные маршруты Великого Шелкового пути и ревностно защищавшей свою роль посредника в торговле между восточными странами и Византией. Так что в этот период для империи складываются выгодные предпосылки для активных внешнеполитических мер на Востоке, однако для их реализации требовался грамотный план и большие ресурсы.

К сожалению, из-за допущенных ошибок шанс расширения империи на Восток к концу правления Юстиниана I был утрачен, и Византии пришлось перейти в этом направлении к пассивной обороне границ, уже не думая о продвижении. В этой связи восточное направление внешней политики Византии в период правления Юстиниана I представляет значительный интерес в контексте дальнейших исторических событий, позволяет объяснить причины многих явлений будущей истории, а также имеет параллели с современностью.

Следовательно, актуальной целью исторического исследования является изучение восточной политики Юстиниана I, определение ее основных целей, задач и результатов, а также их влияния на последующую судьбу Империи.

Тема внешней политики Византии и, в частности, императора Юстиниана I, весьма широко представлена в источниках эпохи. В первую очередь это знаменитые труды Прокопия Кесарийского. В них подробно описаны особенности международных отношений на Востоке, их основные участники, а также приводятся этногеографические особенности народов. Кроме того, Прокопий Кесарийский дает богатый фактический материал о военном и гражданском строительстве в империи. Его произведения охватывают период до 552 г.

¹ Научный руководитель – Фомин М.В., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

Дальнейшие события описаны его продолжателем – Агафием Миринейским в книге «О царствовании Юстиниана». В свою очередь труды Агафия были продолжены Менандром Протектором. Значительную роль для понимания фактической истории первой половины VI века играет также хроника Иоанна Малаалы. Из более поздних работ следует выделить «Церковную историю» Евагрия Схоластика – работа содержат сведения о ситуации в сопредельных с Византией восточных странах. Кроме источников, посвященных непосредственно ромейской политике, следует упомянуть истории других стран, являющихся важными акторами внешнеполитических отношений с Византией на Востоке: «Книгу химьяритов» и «Шахнаме» Фирдоуси.

При таком богатом поле источников, очевидно, что история восточной политики Византии нередко становилась предметом исследования отечественных и зарубежных византинистов. Еще во второй половине XIX в. данная проблематика встречается в работах Ю.А. Кулаковского, А.А. Васильева и Ф.И. Успенского, посвященных в целом истории Византии, однако, достаточно подробно затрагивающих восточную политику Империи. Наиболее полно восточная политика Византии изучена отечественными специалистами во второй половине XX в. Данная тема присутствует в больших обобщающих трудах по истории Византии И.С.Сказкина и З.В. Удальцовой. Вопросы внешнеполитических связей Византии рассмотрены в монографии Д.Д. Оболенского «Византийское содружество наций». Связям Византии со средневековым Китаем и Индией посвящены работы А.М. Петрова и В.М. Штейна. О торговых отношениях раннесредневекового Китая с Западом, в том числе с Византией, рассказывается в книгах В.А. Вельгуса и Э.Х. Шеффера. Отдельного упоминания заслуживает советский историк-востоковед Н.В. Пигулевская, посвятившая ряд работ вопросам восточной политики Византии, ее взаимоотношений с соседями – арабскими племенами, Индией и Ираном, ставших классическими по данной проблематике. Ряд работ исследовательницы также посвящен изучению организации торговли и развитию международных отношений на Великом шелковом пути. Несомненно, важны также работы, посвященные истории восточных соседей Византии – Ирана, Аксума, Химьяра и арабских племен. Среди них можно выделить работы В.Г. Луконина по истории Персии. История племен доисламской Аравии рассматривается в «Истории Халифата» О.Г. Большакова и очерках Т.А. Шумовского. История Южной Аравии и государства Химьяр подробно рассмотрена в книгах М.Б. Пиотровского. Историей Аксума наиболее подробно занимался Ю.М. Кобищанов.

Анализ истории вопроса позволяет заключить, что тема восточной политики Византии Юстиниана I обширно освещена в историографии. К сожалению, тема изучена лишь в рамках более обширных исследований, не претендующих на понимание всей глубины вопроса, а все наиболее фундаментальные исследования по данному вопросу были проведены во второй половине XX в.

Таким образом, на сегодняшний день серьезной работы, в которой была бы комплексно исследована внешняя политика Византии в Аравии, Северо-Восточной Африке и Месопотамии в историографии, к сожалению, нет. Это обстоятельство открывает перспективы дальнейшей разработки темы.

Перед определением основных задач внешней политики Византии на Востоке в начале VI в. следует охарактеризовать установившуюся в Западной Азии геополитическую обстановку к этому моменту.

В V в. Восточная Римская империя пережила ряд кризисов и потрясений: нашествия варваров, частые мятежи, раскол в христианском учении [1, с. 183–199]. Однако к концу V в. при императорах Зеноне (474–491 гг.) и Анастасии (491–518 гг.) обстановка внутри страны была стабилизирована: иностранные временщики изгнаны, усмирены варвары на западе, конфликтующие партии христиан в некоторой степени объединены изданным императором Зеноном «Энотиконом». Начинается постепенный экономический рост, активно развивается земледелие и ремесла, в основном, в богатых восточных провинциях – Сирии, Палестины, Малой Азии и Египта [1, с. 200–219]. Следствием экономического подъема становится развитие торговли – как внутренней, так и внешней. Как пишет З.В.Удальцова, в этот период *«византийские товары проникают в Индию и Китай, Британию и Скандинавию»* [8, с. 663–673].

Складываются выгодные условия для экспансии Империи в любом направлении [2, с. 219–220]. Однако, в отличие от Запада, где империи противостоят только разрозненные варварские королевства, на Востоке набирает силу давний грозный противник ромеев – Сасанидский Иран. Персия была одним из сильнейших государств раннего средневековья. Ее территория распространялась на все Иранское нагорье, а также охватывала Нижнюю Месопотамию, Кавказскую Албанию, большую часть Грузии и Армении [7, с. 298–336]. Экономика страны была многоукладна, и большую роль в ней играла именно транзитная торговля по Великому Шелковому пути. Как и их предшественники парфяне, сасаниды

стремились не допустить прямого контакта между Китаем и Восточной Римской империей, монополизировав торговлю шелком и прочими товарами с Византией. Конечно, это приводило Константинополь к экономической зависимости от Ирана.

Так как Иран контролировал основные маршруты Великого Шелкового пути через Среднюю Азию, у Восточной Римской империи не оставалось иного выхода, кроме как искать обходные пути с севера – через Закавказье, и с юга – морским путем. Однако Кавказский Шелковый путь был слишком сложен и опасен. Второй вариант обхода Ирана – с юга, был более перспективен. Он представлял собой самую южную оконечность Великого Шелкового пути – Морской Шелковый путь. К V в. н.э. китайско-индийский отрезок Морского Шелкового пути процветал [9, с. 18].

Не менее интенсивно шел товарооборот по индийско-аравийскому участку, на котором почти вся морская торговля к V в. была монополизирована персами, имевшими целые фактории на индийском Тапробане и в китайском Кантоне. Тем не менее, южное направление было достаточно перспективным для развития. Греческим мореплавателям еще задолго до воцарения на Морском Шелковом пути персов были известны морские пути в Индию, и ими даже был открыт «муссонный путь», что явно свидетельствует о богатом опыте и глубине греко-индийских связей в античности и раннем средневековье [4, с. 52–53, 69–71]. Сохранились также сведения о существовании греческих факторий и христианской церкви на Тапробане в более поздний период. Однако именно в конце V – начале VI вв. у Византии были наибольшие шансы перехватить инициативу на Морском Шелковом пути: или путем непосредственной экспансии, или с помощью союзников. Тому способствовала внутренняя дестабилизация Сасанидского Ирана, подвергнувшегося при шахиншахе Каваде (488–498/499 и 501–531 гг.) нашествию гуннов-эфталитов [5, с. 54]. В это же время в стране начинает набирать силу разрушительное движение маздакитов, использованное, тем не менее, впоследствии шахиншахом Кавадом и его сыном Хсровом для ослабления гуннских и собственных элит и усиления вертикали власти [5, с. 56–59].

И все же внутренние и внешние кризисы сделали Иран на начало VI в. нестабильным, что еще сильнее улучшало обстановку на Востоке для Ромейского царства, и создавало условия для развития в восточном направлении.

Выступить посредниками в торговле на Морском Шелковом пути для Византии мог Аксум – государство на Северо-Востоке Африки, появившееся во II в. н.э. [2, с. 4]. Располагаясь на берегу Красного моря, Аксум активно развивал морскую торговлю с Индией и Аравией, а также выступал в роли союзника Византии, став их федератом, защищающим южные рубежи империи. К IV столетию основной государственной религией становится христианство монофизитского толка [2, с. 27–30], [4, с. 75]. Однако, меры императора Зенона по стабилизации отношений с восточными союзниками путем урегулирования религиозных конфликтов, привели к установлению стабильных дипломатических и торговых отношений. Так, при поддержке Восточной Римской империи к VI в., Аксум уже контролировал значительную территорию и соперничал с Ираном за влияние в Южной Аравии [3, с. 4–7]. Эфиопские купцы поддерживали связи с Индией, их товары доходили в Китай. Главным портом на берегах Красного моря был эфиопский Адудис. Основным торговым партнером Аксума выступает в этот период Ромейское царство. Еще с IV–V вв. в зависимость от Аксума попадает южноаравийское государство Химьяр, контролирующее торговые маршруты, идущие от портовых городов Южной Аравии, куда приходили суда по Морскому Шелковому пути, не желающие подниматься дальше по Красному морю, через Хиджаз до Сирии – так называемый «путь пряностей». К VI в. зависимость Химьяра от Аксума начинает ослабевать – государство попеременно попадает под влияние Византии – через Аксум, и Ирана, стремящихся, установить контроль над торговыми потоками.

Тем не менее, для полного контроля над «путем пряностей» требовалось контролировать всю Аравию, большая часть которой была заселена многочисленными арабскими племенами, объединенными в племенные союзы. Среди таких союзов самыми могущественными были Лахмиды в Южной Месопотамии, ставшие союзниками Ирана, Киндиты в Южной Палестине, с конца V – начала VI вв. федераты Византийской империи, и Гассаниды, пришедшие из Южной Аравии и занявшие к 530-м годам место Киндитов как основных союзников ромеев. Эти три племенных союза вели постоянную борьбу, как между собой, так и с врагами своих сюзеренов. Главной целью их набегов был грабеж, а результатом – дестабилизация обстановки в южных районах Византии и на торговых путях Аравии [3, с. 45–46].

Таким образом, к началу VI в. противоречия между Византией и Ираном вели к нестабильности в восточных провинциях империи и на ее границах. Стремление к влиянию на малые страны и народы региона и обострение торгового соперничества вели к усилению напряженности. Контроль со стороны Сасанидов над основными маршрутами Великого Шелкового пути заставлял Византию искать новых маршруты. Такими могли быть путь через

Кавказ или Морской Шелковый путь. С точки зрения логистики и обеспечения последний имел бóльшие перспективы.

Итак, главная цель восточной политики Византии к началу VI в. заключалась в установлении прямых торговых отношений со странами Дальнего Востока, для реализации которой Империи нужно было выполнить следующие задачи:

- 1) поиск союзников и содержание уже имеющихся сторонников на Востоке;
- 2) овладение морской коммуникацией с Индией и Китаем с помощью Аксума и Химьяра;
- 3) мобилизация всех экономических ресурсов страны для борьбы с Ираном, ключевым противником Византии в начале VI века, представляющим наибольшую угрозу для империи;
- 4) активная военная и экономическая экспансия на пограничные с Ираном территории для создания крепкого плацдарма для последующего развития на Восток.

В случае успешного продвижения на Восток Восточная Римская империя освободилась бы от экономической зависимости от Сасанидского Ирана и получила доступ к богатствам Востока, с помощью которых могла упрочить свое положение и на Западе среди варварских королевств.

Завоевание необходимых для этого плацдармов облегчалось существованием в Западной Азии ряда дружественных Византии христианских государств, готовых идти на контакт – Аксума, Химьяра, царства Гассанидов и Киндитов, надежно защищающих от прочих арабских племен торговые пути, ведущие на юг полуострова. И, в какой-то мере, смягчавшие удары по империи иранских союзников – Лахмидов. Благоприятную обстановку для Ромейского царства в начале VI века составляли также внутренние кризисы, постигшие в этот период Сасанидский Иран, а также существование более ранних связей с Индией и Китаем. Не регулярных, но позволяющих Империи иметь некоторое представление о далеких странах и путях к ним. Такова была обстановка на восточных рубежах Империи к началу правления Юстиниана I.

Юстиниан I пришел к власти как раз во время очередного ромейско-персидского конфликта – войны 527–532 гг. Боевые действия складывались в основном в пользу персов, получавших существенную военную поддержку и тактические советы от своих арабских союзников Лахмидов, по набегам знавших самые слабые и богатые провинции Византии. Ромейское царство воевало пассивно, и даже в моменты побед стремилось к прекращению конфликта – Юстиниан не раз посылал дипломатов к Каваду с предложением мира. Потеряв своего основного арабского союзника, Киндита, Юстиниан в 529 г. даровал титул *«царя всех арабов»* гассанидскому филарху Хариту ибн Джабалу, чья верность Империи была спорна [3, с. 53], [6, с. 55–56].

В целом, очевидно отсутствие у Юстиниана I интереса к войне на Востоке. Уже в этот период своего правления император начал подготовку к масштабному проекту возвращения Рима и Италии, для чего и стремился спешно заключить мир с Персией. Даже посольство Юлиана к Аксуму и Химьяру в 527–531 гг. с целью убедить союзников вступить в войну с Ираном, а также начать оказывать на него экономическое давление, лишь в очередной раз демонстрируют небрежность Юстиниана в ведении восточной политики [6, с. 65–66]. Не располагающие достаточными средствами и мотивацией, Аксум и Химьяр, естественно не оказывали Империи сколько-нибудь значительной поддержки в конфликте. Настоящим везением для Византии стала смерть Кавада и воцарение его юного сына Хосрова I, с которым Юстиниан тут же спешил заключить «вечный мир».

Первая война с Персией, выпавшая на правление Юстиниана I, продемонстрировала нежелание императора развивать империю в восточном направлении: небрежное обращение с союзниками-арабами, а также Аксумом и Химьяром, нежелание развивать успехи в войне с Ираном, говорят о недооценке византийскими правящими кругами и Юстинианом I, в частности, важности данного направления развития империи. Вместо этого начинаются грандиозные проекты на западе страны, куда перебрасываются основные ресурсы империи.

Естественно, что при масштабных кампаниях в Италии Юстиниан I не обратил должного внимания на мятеже, произошедшем в 532–535 гг. в Химьяре против Аксума. Империя лишь стала рассматривать это как возможность использовать страны в качестве противовеса друг другу в регионе, действуя по тем же принципам, что и с западными варварскими королевствами.

Невнимание Юстиниана I к делам Востока вылилось в начавшуюся в 540 г. новую войну с Ираном, поводом для которого послужил конфликт Лахмидов и Гассанидов, втянувших своих сюзеренов в очередное противостояние. Вторая персидская война при Юстиниане тяжело далась Византии: беззащитные восточные провинции подверглись жестокому разграблению со стороны Ирана и союзных им Лахмидов. В 540 г. была взята Антиохия, в следующем – Петра, а еще через год разорению подверглась Палестина, которую войска

Хосрова покинули лишь из-за вспышки чумы, поразившей византийские провинции и унесшей в последствии почти 40% населения империи.

Боевые действия Восточной Римской империи носят в этом конфликте исключительно пассивно-оборонительный характер, так как основная часть войск занята в Италии, присоединение которой прошло не так мирно, как ожидал император. Не приходит помощь и от арабских союзников и Химьяра, занятых собственными распрями и переделом владений угасающего государства Киндитов. В итоге в 540-ые – 550-ые гг. империя погружается в период глубокого и затяжного экономического кризиса. Войны, набеги варваров, непосильные налоги, стихийные бедствия и эпидемии разоряют и приводят в упадок восточные провинции Византии, которые уже некому защищать. Набеги останавливаются или купленными федератами-гассанидами, или прямым откупом у Лахмидов, которые стали значительно менее опасными после гибели их предводителя аль-Мундара в бою с Гассанидами в 554 г., но угроза их набегов все равно сохранялась. К счастью для империи, Сасанидское государство также было истощено долгой войной и после двукратного продления перемирия на пять лет в 562 г. Поэтому оно согласилось подписать мирный договор на 50 лет с сохранением довоенного положения границ.

Итогом восточной политики Юстиниана I становится разорение восточных провинций, которые хоть и не были потеряны, но были опустошены до предела. Система конфедератов, применяемая к арабским племенам Гассанидов и Киндитов была недостаточно гибкой и продуманной, что приводило к постоянным неудачам в использовании арабских племен для защиты восточных границ Империи. Не возымели успеха и попытки вовлечь Аксум и Химьяр в военное и экономическое сотрудничество. Прямые торговые отношения с Китаем и Индией установить не удалось. Юстиниан почти не уделял внимания и Востоку. Не достигнув здесь почти ни одной из ранее поставленных целей, кроме сохранения достигнутого, он разорил и обескровил эти, некогда богатейшие, районы империи, чем приблизил потерю Византией этих областей.

Делая общий вывод о восточной политике императора Юстиниана I, нельзя с горечью не отметить то слепое упорство, с которым он игнорировал важнейший вектор развития своей империи. К началу его правления усилиями Зенона и Анастасия, стабилизировавших внутреннюю обстановку в империи и установивших устойчивые дипломатические связи с арабскими племенами, Аксумом и Химьяром, были сформированы все предпосылки для дальнейшего развития империи в направлении главного источника богатств античности и средневековья – Китая и Индии. Потенциал развития Византии на Великом Шелковом пути был велик. Однако, как и Китай, империя не приложила для этого достаточно сил и энергии, полностью упустив свой шанс избавиться от экономической зависимости от Ирана, контролировавшего приток товаров в империю с Дальнего Востока как монополист-посредник. Слишком дорогая цена была уплачена во имя эфемерной идеи возрождения Римской империи. В эпоху Юстиниана империя достигла пика своего могущества, но тогда же начался ее постепенный упадок.

Источники и литература (References):

1. История Византии: в трех томах / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1967. 524 с.
2. Кобищанов Ю.М. Аксум / АН СССР. Ин-т Африки. Москва: Наука, 1966. 296 с.
3. Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии в IV в. // [Православный] Палестинский сборник. Выпуск 5 (68). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. С. 45-65.
4. Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию: из истории торговли Византии с Востоком в IV-VI вв. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1951. 416 с.
5. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Н., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1958. 391 с.
6. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Войны с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993. 578 с.
7. Удальцова З. В. Внешняя политика Юстиниана. Попытки реставрации империи в Западе. Войны с Ираном. Византийская дипломатия // История Византии: в 3 т.; под ред. И. С. Сказкина. М.: Наука, 1967. Т.1. С. 298-336.
8. Удальцова З. В. Роль городов и городской культуры в культурном развитии ранней Византии // Византийский временник. 1986. Т.46. С.20-52.
9. Штейн В. М. Основные линии в развитии китайско-индийских отношений // Страны и народы Востока. 1982. Вып. 23. С.12-32.

РАЗЛИЧНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

VARIOUS BELIEFS OF THE ANCIENT TURKS

Чжан Теригеле
Zhang Terigele

Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан
Baku State University, Baku, Azerbaijan

Аннотация. Статья посвящена анализу религиозных представлений древних тюрков как важного элемента их духовной культуры. В научном контексте работа опирается на археологические источники, письменные свидетельства и сравнительный анализ. Проблема исследуется с точки зрения синкретизма и устойчивости архаических верований в условиях взаимодействия с мировыми религиями. Методологически используются историко-сравнительный и культурологический подходы. Результатом стало выявление ключевых черт тюркской религиозности, таких как культ природы, шаманизм, тенгрианство и религиозный плюрализм.

Abstract. The article analyzes the religious beliefs of the ancient Turks as an essential part of their spiritual culture. The research is based on archaeological sources, written records, and comparative analysis. The study focuses on the issue of syncretism and the resilience of archaic beliefs amid interaction with world religions. The methodological basis includes historical-comparative and cultural approaches. The results highlight key features of Turkic religiosity, such as nature worship, shamanism, Tengrism, and religious pluralism.

Ключевые слова: древние тюрки, шаманизм, тенгрианство, культ предков, религиозный синкретизм, исламизация, религиозная традиция.

Keywords: ancient Turks, shamanism, Tengrism, ancestor worship, religious syncretism, Islamization, religious tradition.

История духовной культуры тюркских народов является важной составляющей изучения этногенеза и цивилизационного развития народов Евразии. Религия, будучи формой коллективного сознания, выполняла не только сакральные, но и социальные функции, оказывая влияние на политические союзы, культурные практики и повседневную жизнь. Для кочевых и полукочевых обществ, не обладавших устойчивыми государственными институтами, религиозные системы часто становились средством упорядочивания мира и легитимации власти.

Тюркская религиозная традиция формировалась в условиях интенсивных межэтнических контактов, природной мобильности и исторических трансформаций. Она вобрала в себя как архаические представления, связанные с природными стихиями и предками, так и элементы мировых религий, с которыми тюрки соприкасались на протяжении веков. При этом именно способность к сохранению древних культов в условиях внешнего влияния позволяет говорить о высокой степени устойчивости и адаптивности духовных практик этих народов.

Переходя к анализу основных аспектов религиозной жизни древних тюрков, рассмотрим ключевые элементы их верований и культовых практик.

1. Космогонические представления: Тенгри и культ Солнца. Одним из центральных понятий в мировоззрении тюрков был культ неба – Тенгри. Символом Тенгри выступал круг, отождествляемый с Солнцем. Казахский исследователь А.К. Бисенбаев отмечал: «По воле Великого Тенгри возник мир, состоящий из Верхнего – Неба, Среднего – Земли и Нижнего – подземного... Здесь каждое утро рождается Солнце – воплощение Тенгри...» [5, с. 137]. Именно поэтому двери юрт правителей всегда ориентировались на восток – сторону восхода Солнца, как знак почитания божества.

Л.Н. Гумилев, анализируя китайские летописи, подчеркивал сакральную ориентацию пространства в религии тюрков: «Вход в ставку [хана] с востока – из благоговения к стране солнечного восхождения». Эти слова подтверждаются археологическими материалами, в частности, изображениями культовых существ на камнях Каракола, где «чаще всего изобра-

жены «солнцеголовые», «быкоголовые» и «птицеголовые» существа» [5, с. 137]. Такие символы интерпретируются как отголоски древней солнечной религии, в которой бык ассоциировался с солнцем, а птица – с духом неба. Известный российский археолог В.Д. Кубарев подчеркивал, что в культуре древних тюрков образ быка был двойственным символом – одновременно воплощением солнечного и лунного начал. *«После Солнца в зверином пантеоне древних людей значительное место занимал могучий бык. Образы солнечного божества и лунного бога сливаются воедино в образе быка»*. Таким образом, космогонические представления древних тюрков основывались на дуализме светлых и темных небесных сил. Их космогонические мифы тесно переплетались с представлениями о пространстве. Восток символизировал не только направление восхода Солнца, но и движение вперед, развитие. В языке древних тюрков слово «илгеру» означало одновременно и «вперед», и «на восток». Это понимание сохранилось, например, у якутов, у которых слово «илин» также обозначает и направление, и начало.

II. Шаманизм и культ духов. Особенностью верований тюрков был шаманизм, проявившийся в вере в духов предков, стихий и рода. М.А. Агларов писал: *«Каждый род имел духа-хранителя, который мог быть взаимодействован с помощью шамана (кама) и некоторых конкретных жертв и практик»*. Такие представления фиксировались также среди булгар, савиров и хазар. *«Северокавказские племена, включая население Дагестана, верили в духов предков, небесные силы и природных покровителей...»* [1, с. 69]. Эти убеждения сохранялись даже после первых контактов с христианством и исламом, продолжая оказывать влияние на традиционные обряды.

Согласно А.К. Салмину, у тюрко-монголов существовала развитая система шаманских практик. *«Шаманы играли важную роль в жизни общества, будучи посредниками между духами и людьми... даже после принятия ислама или христианства, народные массы продолжали обращаться к шаманам, особенно в деревнях»* [11, с. 142–143]. Шаман, или кам, обладал особым статусом, выполняя ритуалы очищения, лечения, предсказания и жертвоприношения. Важным элементом шаманизма был культ предков и связь с природными стихиями. Шаманы призывали духов через ритуальные танцы, пение, игру на бубне и другие действия, погружаясь в транс. Погребальные обряды также отражали шаманские представления.

III. Погребальные обряды как отражение веры. Погребальный ритуал тюрков содержал элементы веры в загробную жизнь. *«Тело покойника полагают в палатке... приносят в жертву животных... потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вместе с покойником сжигают...»* [5, с. 194]. Э.А. Томпсон также указывал: *«Гунны хоронили своих вождей вместе с их конями, оружием и ценными вещами. Это указывает на веру в загробную жизнь»* [12, с. 175].

Свидетельства о погребениях гуннов и других тюркских племен также приводит Приск Панийский. По его описанию, *«на пиру гуннов жрецы приносили дары богам и предкам, закликая их восславить царя. Обычай требовал возлияний и произнесения молитв перед каждой чашей»*. Он также упоминал: *«Гунны верили, что погибшие воины продолжают жить в загробном мире. Поэтому их хоронили с оружием, конями и дарами. Жрецы исполняли обряд очищения перед погребением»* [11, с. 21].

Как отмечает М.А. Агларов, *«в погребальном обряде явно прослеживаются представления о загробной жизни: рядом с умершим клали пищу, оружие, предметы быта, что свидетельствует о сохранявшихся языческих верованиях»* [1, с. 41].

Таким образом, погребальные ритуалы древних тюрков представляют собой важный источник для изучения их верований и представлений о жизни после смерти. Эти практики сочетали в себе элементы шаманизма, культа предков и религиозной символики, укорененной в мифологических представлениях народов степной Евразии.

IV. Культ огня и вода в духовной жизни. Культ огня у тюрков имел глубокие корни и пересекался с зороастрийскими традициями. *«Почитание огня, как известно, является одним из основных элементов зороастризма. Однако огонь почитался и до зороастризма в первобытных верованиях»* [3, с. 41]. Многочисленные огнехрамы, расположенные в районах выхода горючих газов (например, в Сураханы), использовались задолго до арабского завоевания и продолжали существовать даже после прихода ислама. Эти храмы окружались специальными культовыми постройками и использовались для обрядов очищения, жертвоприношений и поклонения стихийному началу [5, с. 41].

Даже после насильственной исламизации в VII–IX вв. культ огня сохранялся в быту. *«На протяжении еще нескольких поколений сохранялось двоеверие... обряды, связанные с огнем и водой, сохранялись в религиозной практике вплоть до IX века»* [3, с. 78]. В сельской местности и среди кочевников сохранялись обряды поклонения огню как посреднику между

человеком и божеством. Огонь считался очистительной стихией, а вода – проводником между мирами.

Как указывает Салмин, языческие культы у тюрков были тесно связаны с природными объектами: *«Языческие культы были связаны с природой: поклонялись деревьям, горам, источникам...»* [11, с. 145]. Это говорит о прочной связи духовной жизни с ландшафтом, окружающей средой и сакральными точками пространства.

V. Иудаизм, христианство и ислам среди тюрков. Религиозный плюрализм в среде тюркских народов особенно ярко проявился в Хазарии. М.Г. Магомедов писал: *«До принятия иудаизма у хазар сохранялись традиционные тюркские верования: тенгрианство, шаманизм, культ духов и предков»* [10, с. 41]. Несмотря на доминирующее положение иудаизма среди элиты, в народной среде сохранялись архаические формы религиозности. Как пишет Т.М. Калинина, *«обычное население, особенно в провинции, нередко сохраняло прежние культы – тенгрианство, шаманизм, поклонение духам предков»* [8, с. 172].

Христианизация части тюркских племен происходила через влияние Кавказской Албании. По словам Моисея Каганкатвацци, *«гунны (в источнике – “северяне”) приняв христианство, свои знамена украсили изображением креста»* [6, с. 186]. Центром христианства в Албании долгое время оставался город Чол, и процесс христианизации охватил не только албан, но и часть прибывших тюркских племен – савиров, шаки, печенегов и др. В «Истории албан» упоминается деятельность царя Вачагана, обратившего в христианство округ Пазкан в Арцахе. Христианская миссия достигала отдаленных районов, включая Сюник, куда, по свидетельству Моисея Каганкатвацци, прибыли два брата – Гор и Газан – с тюркским населением, и стали христианами. Согласно арабскому географу ал-Масуди, в Шаккане *«жители являются христианами, а ремесленники – мусульманами»* [6, с. 186].

Что касается ислама, его распространение среди тюрков шло медленно и сопровождалось сопротивлением со стороны носителей традиционных верований. Лишь к IX веку в ряде областей ислам стал доминирующей религией, но в кочевом и сельском контексте сохранялись остатки прежней обрядности. Халифаты стремились укрепить исламскую идентичность через создание мечетей, введение арабской письменности и исламского судопроизводства [3, с. 80–82].

Таким образом, религиозная жизнь тюркских народов представляла собой сложный сплав традиционных верований и элементов мировых религий. Взаимодействие с христианством, иудаизмом и исламом не вытесняло полностью старые формы, а скорее вело к формированию многослойной духовной культуры.

VI. Визуальные символы: культовые изображения и амулеты. Археологические находки свидетельствуют о наличии культовых символов. Как писал В.Д. Кубарев: *«На камнях Каракола чаще всего изображены “солнцеголовые”, “быкоголовые” и “птицеголовые” существа... образ быка объединял в себе черты солнечного и лунного божеств»* [5, с. 137]. Подобные изображения были частью ритуального пространства, обозначая связь между человеком, духами и космосом. В чашевидных углублениях на плитах исследователи видят символику небесных тел, что подтверждает солярный характер верований. Эти культовые изображения можно интерпретировать как визуальный язык сакральной коммуникации древних тюрков. По мнению исследователей, солнечные амулеты, распространенные среди гуннов и хазар, являлись символами Тенгри и использовались как защитные обереги, носимые на теле или приношения в святилищах. Их ношение отражало личную приверженность культам неба и света, а также выполняло роль талисмана, защищающего от злых духов и болезней. Сакральные предметы, такие как металлические идолы, украшения с изображением животных и птиц, были важными элементами культа. Некоторые из них имели функцию ритуальных жертв, другие передавались по наследству, усиливая связь поколений через материальную культуру веры.

VII. Влияние халифата и исламизация. С VIII века исламизация тюркских племен набрала темпы. По словам З.М. Бунятова, *«насильственное навязывание ислама сопровождалось уничтожением прежних верований, разрушением храмов...»*. Тем не менее, двоеверие сохранялось в отдаленных районах. *«Особенно это было характерно для сельских районов и горных местностей»* [3, с. 78].

Даже несмотря на разрушение огнехрамов и вытеснение языческих культов, народное сознание сохраняло элементы прежней символики. Как подчеркивает Бунятов, ислам распространялся преимущественно в административных и торговых центрах, тогда как кочевники и сельское население сохраняли языческие и шаманские традиции [3, с. 80]. Халифы стремились не только к религиозному, но и к культурному преобразованию региона.

«Религиозная политика сопровождалась организацией мусульманских судов, распространением арабской письменности и строительством культовых сооружений» [3, с. 80]. При этом уже к VIII веку существовала разветвленная сеть мусульманских учреждений: мечетей, медресе и вакуфов, что свидетельствует о коренной трансформации религиозной жизни.

Тем не менее, устойчивость древних верований проявлялась в формах двоеверия. Местные жители продолжали отмечать обряды, связанные с огнем и водой, чтили духов предков и прибегали к помощи шаманов, несмотря на формальное принятие ислама. Этот религиозный синкретизм стал одной из характерных черт духовной культуры тюрков в эпоху исламизации. Таким образом, исламизация тюркских племен в условиях доминирования халифата представляла собой сложный и постепенный процесс, в ходе которого ислам сосуществовал с традиционными культами, трансформируя, но не уничтожая их окончательно.

VIII. Синкретизм и устойчивость архаических верований. Даже после официального обращения к исламу, многие архаические верования сохранялись. А.К. Салмин писал: «Булгары сохраняли тюркские шаманистские верования до принятия ислама ... поклонение предкам, культ огня» [11, с. 47]. Это подчеркивает, что религиозная эволюция древних тюрков не была линейной и завершенной, а представляла собой сложный, многоуровневый процесс. Сходную картину описывает М.Г. Магомедов: «Народные массы, особенно в сельской местности, продолжали придерживаться прежних верований и обычаев» [10, с. 40]. Прежние культы сосуществовали с официальными религиями, адаптируясь к новой обрядности. Так, элементы шаманизма и тенгрианства сохранялись в обрядах жизненного цикла, календарных праздниках, народной медицине и семейных традициях.

По словам Т.М. Калининой, «элементы прежних культов сохранялись и после принятия иудаизма, особенно среди простого населения провинций» [8, с. 172]. Такое устойчивое сосуществование архаики и догматов новых религий говорит о способности тюркской культуры впитывать и перерабатывать разнородные духовные влияния.

Таким образом, религиозная жизнь тюрков на протяжении столетий развивалась не как последовательная замена одного культа другим, а как длительный процесс трансформации, в ходе которого древние верования не исчезали, а продолжали существовать в измененной форме, образуя синкретическую духовную систему.

Религиозные представления древних тюрков отличались синкретизмом, включающим шаманизм, тенгрианство, культ природы и предков. Эти элементы не только не исчезали с приходом новых религий, но и трансформировались, сосуществуя с иудаизмом, христианством и исламом. Как показывают исследования М. Артамонова, Л. Гумилева, В. Кубарева и других, религиозная традиция тюрков имела устойчивую внутреннюю структуру, основанную на символике природы, сакрализации времени и пространства, и оказала глубокое влияние на дальнейшее развитие культур народов Евразии.

Источники и литература (References):

1. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Издательство ЛГУ, 1962. 312 с.
2. Агларов М.А. Древности Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1988. 280 с.
3. Буниятов З.М. Арабские источники по истории Азербайджана VII–XII вв. Баку: Издательство АН АзССР, 1965. 380 с.
4. Бисенбаев А.К. Культура и мифология тюрков. Алматы: Наука, 2000. 256 с.
5. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа (IV–X вв.). Л.: Наука, 1979. 280 с.
6. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев: Историко-этнографическое исследование. Баку: Элм, 1991. 240 с.
7. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Айрис-пресс, 1993. 429 с.
8. Калинина Т.М. Религии и конфессии народов Евразии. М.: Восточная литература, 2001. 368 с.
9. Кубарев В.Д. Каракольская писаница. Новосибирск: Наука, 1997. 143 с.
10. Магомедов М.Г. История религий в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1993. 296 с.
11. Салмин А.К. Шаманизм у народов Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 224 с.
12. Томпсон Э.А. Гунны. Пер. с англ. СПб.: Евразия, 1999. 317 с.
13. Каганкатвацци М. История страны Алуанк. Пер. с древнеарм. III. Месропян. Ереван: Айастан, 1983. 290 с.

**«СВЯТЫЕ МОГИЛЫ» В ОКРЕСТНОСТЯХ ХЕРСОНЕСА-ХЕРСОНА КАК ПРИМЕР
ФОРМИРОВАНИЯ САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА РАННЕХРИСТИАНСКОГО ГОРОДА**

**«HOLY GRAVES» IN THE VICINITY OF CHERSONESOS-CHERSON AS AN EXAMPLE OF THE
FORMATION OF THE SACRED LANDSCAPE OF AN EARLY CHRISTIAN CITY**

**Шевцова А.А.
Shevtsova A.A.**

*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University*

Аннотация. Пространство византийского города и его окрестностей включало в себя ряд элементов, одним из которых являлся сакральный ландшафт. Наиболее наглядно процесс его формирования может быть прослежен на примере позднеантичного-ранневизантийского Херсонеса-Херсона. Он начал формироваться в период создания и развития христианской общины в городе в IV-V вв. Сакрализация пространства происходила через выделение мест, связанных с культом местных святых, и создание на их основе христианских архитектурных комплексов. На их территории совершались богослужения и они были связаны с почитанием местночтимых святых. Одним из таких центров было раннехристианское кладбище в Карантинной балке, известное по источникам как «Святые могилы». Особое отношение к сформировавшемуся здесь христианскому комплексу выражалось в его постоянном развитии и усовершенствовании при сохранении его особого сакрального значения. «Святые могилы» сохранили свою высокую роль в религиозной жизни христианского населения Крыма и после прекращения существования Херсонеса-Херсона, вплоть до сегодняшнего дня. И сегодня здесь совершаются богослужения в особых случаях.

Abstract. The space of the Byzantine city and its environs was distinguished by a number of elements, one of which was sacred landscape. The process of its formation can be most clearly traced, for example, in the late antique-early Byzantine Hersonesos-Cherson. It began to form during the period of the creation and development of the Christian community in the city in the IVth – Vth centuries. The sacralization of space occurred through the allocation of places associated with the cult of local saints and the creation of Christian architectural complexes on their basis; divine services were held on their territory and they were associated with the veneration of locally revered saints. One of these centers was the early Christian cemetery in Karantinnaya Balka, known from sources as the "Holy Graves". The special attitude to the Christian complex that formed here was expressed in its constant development and improvement while maintaining its special sacred significance. "The Holy Graves" retained their high role in the religious life of the Christian population of Crimea even after the cessation of the existence of Chersonesos-Kherson, right up to the present day. And today, services are held here on special occasions.

Ключевые слова: сакральный ландшафт, Херсонес-Херсон, культ святых, мученик, церковь, склеп, некрополь-кладбище.

Key words: sacred landscape, Chersonesos-Cherson, cult of saints, martyr, church, crypt, necropolis-cemetery

Процесс трансформации позднеантичного полиса в ранневизантийский город включал в себя множество факторов, в том числе переформатирование всего внутреннего пространства городской среды, включавшую профанный (повседневный, обыденный) и сакральный (священный, освященный) ландшафты. Сакральный ландшафт представляет собой пространство, которое формируется в восприятие окружающей среды через специфический «духовный опыт» носителей определенной религиозной культуры. Внешне это проявляется через структуризацию (создание архитектурных комплексов, культовых сооружений), и «освящается» через ритуальные действия, богослужения. Фактически это результат целенаправленного воздействия «сознания людей на природный ландшафт» [7, с 10–14] или пространство городской (пригородной) среды. Само понятие «Сакральный ландшафт» может быть отнесено к любой религиозной системе и культурной традиции.

Исследованию и пониманию процесса формирования, существования, развития такого явления, как христианский сакральный ландшафт, значительное внимание уделял А.М. Лидов [3], [4, с. 5–7]. Он возникает как результат специфической творческой деятельности (иеротопии). Точкой, вокруг которой начинает формироваться сакральное пространство,

становится место проявления Бога (иерофании или/и теофании). Как правило, оно связано с неким «чудом» и/или пребыванием святости и/или некоего святого (но нередко все перечисленные события связаны). В результате возникает особое почитание некоторого места (пространства).

Такой сакральный ландшафт, с одной стороны, формировался мировоззрением людей, с другой стороны влиял на формирование самого мировоззрения. Повседневная жизнь ромея / византийца была тесно связана не только с хозяйственной деятельностью на просторах профанного ландшафта, но и с религией и Церковью. В ней начиналась и заканчивалась жизнь горожанина: с молитвы день начинался, молитвой он заканчивался. Через сакральное пространство «освящался» город и вся жизнь византийца.

Но, к сожалению, не всегда есть возможность проследить такое сакральное пространство, которое, в отличие от профанного, имеющего четкое материальное воплощение, существовало в значительной степени в восприятии людей. В этой связи особый интерес представляет один из уникальных комплексов, расположенных в окрестностях позднеантичного – ранневизантийского Херсонеса – Херсона, известный в литературе как некрополь в Карантинной балке.

Именно с этим местом связан топоним «Святые могилы», упоминаемый в «Мартирии папы Мартина I» (составлен в конц. VII – нач. VIII вв.) [6, с. 149–150], [9, с. 1302–1307]. Этот участок позднеантичного некрополя содержит множество различных видов погребальных сооружений (склепы, могилы, подбойные могилы), в которых погребения совершены по различным обрядам (кремации, ингумации). Среди них выделяется значительное количество захоронений христиан, которые могут быть отнесены к IV в. – времени становления Церкви в городе и жестоких гонений, отголоски которых присутствуют в агиографическом памятнике «Жития епископов херсонских» [5], [1] и надгробиях, открытых здесь [11, с. 78–89].

Сам некрополь расположен на склонах и в низовьях Карантинной балки, являющейся продолжением бухты, в которой располагался античный и средневековый Херсонесский порт. Сама балка тянется извилистой линией и сокрыта от города за холмом, известным сегодня как «Девичья гора». Активно осваивать эту территорию под некрополь стали в начале новой эры. Именно здесь в середине IV в. начинает формироваться участок с раннехристианскими погребениями [8, с. 47–60]; [10, с. 58–60]. Отсюда происходит ряд раннехристианских надгробий с эпитафиями [14], [15], [16], [17], [18], [8, с. 36–45].

Среди них выделяется надгробие св. Анастасии. По мнению ряда исследователей, в данном случае может идти речь про местно чтимую святую, погибшую в период гонений и почитаемую среди горожан [11, с. 74]; [2, с. 226–249].

На территории этого участка некрополя было открыто 7 из 12 известных сегодня раннехристианских склепов, сохранивших образцы погребальной живописи [12, с. 299–389]. Отдельного внимания заслуживают склепы, известные в литературе как «Уваровский» (1853/1904 г.) и №2086/1905 г. Особенность их архитектуры [12, с. 375–385] позволяют предположить, что погребенные в них могли быть почитаемы в среде христианской общины, возможно, относиться к местно чтимым святым.

Именно с этим участком кладбища связано предание о погребении трех из семи святых епископов херсонских (свв. Евгений, Елпидий и Агафодор). Сегодня не известен комплекс, который бы мог быть отождествлен с их погребением, но один из памятников заслуживает особого внимания. Речь идет о «Храме 1902 г.» открытом К.К.Косцюшко-Валюжиничем в 1902 г. на Девичьей горе. В 2006 г. на территории памятника проводились исследования под руководством Т.Ю. Яшаевой [13, с. 318–361]. Здесь, предположительно в V–VI вв., сформировался христианский комплекс, который включал церковь (12,3х5,5 м) и два связанных с ним склепа-мартирия. Он был неоднократно перестроен, а после разрушения в IX в. вскоре восстановлен (но в меньшем размере). Несмотря на незначительные размеры всего комплекса, по мнению исследователей, он представлял собой центр небольшого монастыря. Его возведение могло быть связано с особым почитанием погребенных в небольшом склепе-мартирии, входящем в его состав [13, с. 318–361].

Центром всего пространства Святых могил был Загородный крестообразный храм, известный по «Мартирию папы Мартина» как «Прекрасный дом Богородицы Влахернской». Первоначально, в самом конце IV – первой половине V вв. здесь была возведена небольшая однефная церковь с апсидой. Позднее она была разобрана. Вероятно, в VI в. на ее месте появилась крестообразная церковь, сохранившая следы многократных перестроек. Именно здесь был погребен св. папа Мартин Исповедник, сосланный в Херсон в 651 г. Позднее его мощи были вывезены в Рим, но особое почитание первоначального места его погребения и всего пространства «Святых могил» сохранялось долгие годы и во многом пережило сам Херсонес-Херсон. Существуют упоминания, позволяющие сделать вывод об особом отношении к этому месту и в период Османского владычества [11, с. 78–89]. Вокруг церкви сфор-

мировался небольшой монастырь, который являлся одним из центров паломничества.

Среди объектов, входивших в состав монастырского комплекса, особого внимания заслуживает система связанных между собой склепов, расположенных под Крестообразной церковью (Загородная крестообразная церковь, известна по письменным источникам как Богородицы Влахернской) [11, с. 78–89]. Фактически система склепов, нередко упоминаемая как «херсонесская катакомба», выступала своеобразной криптой под храмом, имела отдельный вход и могла содержать останки жертв антихристианских гонений. На стене одного из сооружений была вырезана эпитафия, содержащая имена женщин [2, с. 226–249], [18].

Подводя итоги можно констатировать, что раннехристианское кладбище, возникшее на территории позднеантичного некрополя в Карантинной балке, стало особо почитаемым пространством. В конце IV–V вв. здесь сформировался сакральный ландшафт, известный из источников как «Святые могилы». Его центром стала мемориальная церковь, возведенная в окружение погребений первых херсонесских христиан, пострадавших в период преследований IV в. Сакральный ландшафт развивался на протяжении всей истории города. Именно здесь был погребен особо почитаемый в ортодоксальной среде борец с ересью монофелитства св. папа Мартин Исповедник. Сформировавшееся особо почитаемое пространство сохраняло свое значение и в последующие годы. По свидетельству ряда источников, даже руины церкви были почитаемы крымскими христианами и в период Османского владычества. Сохранил свои особенные сакральные свойства ландшафт христианского кладбища и сегодня. Ныне там периодически совершаются богослужения.

Источники и литература (References):

1. Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...»: церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.
2. Виноградов А.Ю. Загородный крестообразный храм в Херсонесе и его надписи // Вопросы эпиграфики. М., 2009. Вып. 3. С. 226–249.
3. Лидов А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образцы-парадигмы в византийской культуре. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008.
4. Лидов А.М. Новые Иерусалимы. Перенесение Святой Земли как порождающая матрица христианской культуры (введение) // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. Сборник статей под. ред. А. М. Лидова. М.: «Индрик», 2009. С. 5–7.
5. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Харьков, 2012. Т. 1.
6. Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь, 2017.
7. Окладникова Е.А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования. М.: Директ-Медиа, 2014.
8. Пищулина Н.О., Сорочан С.Б., Фомин М.В. Некрополь и кладбища Херсонеса – Херсона: материалы к исследованиям. Харьков: Майдан, 2020.
9. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. Харьков. 2005.
10. Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков: «Коллегиум», 2011.
11. Фомин М.В. «Прекрасный дом Богородицы Влахернской» на «святых могилах». К дискуссии о мемориальном комплексе в Карантинной балке в окрестностях Херсонеса-Херсона // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2023. Т.19. №. 2. С. 78–89.
12. Фомин М.В. Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса // МАИАСК, 2014. Вып. 6. С. 299–389.
13. Яшаева Т.Ю., Голофаст Л.А., Денисова Е.А., Моисеев Д.А. Христианский комплекс на плато Девичьей горы в свете последних археологических исследований // Владимирский сборник II. Материалы международной научной конференции «III Свято-Владимирские чтения. Севастополь, 2020. С. 318–361.
14. V 63. Херсон.Надгробие Дамиана, Маргариты и их детей, IV–V вв. // URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.63-ru.html>
15. V 65. Херсон.Надгробие Аристона, IV–V вв. // URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.65-ru.html>
16. V 72. Херсон.Надгробие Кириака, сына Феодора (?), IV–V вв. // URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.72-ru.html>
17. V 76. Херсон.Надгробие св. мц. Анастасии, IV в. // <https://iospe.kcl.ac.uk/5.76-ru.html>
18. V 85. Херсон.Надгробие Зузии, Мидилабды (?), и других, IV–V вв. // URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5.85-ru.html>

НЕКОТОРЫЕ ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НА ПЛИНФАХ ИЗ ГИЕНОСА

SOME SIGNS AND SYMBOLS ON PLINTH FROM GIENOS

Скакова И.В.

Skakova I.V.

*Институт Востоковедения РАН, г. Москва
Institute of Oriental Studies, Moscow*

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые единичные и множественные знаки, найденные на плинфах из ранневизантийского храма в Гиеносе. В выборке представлены самые часто встречающиеся знаки и символы, а также наиболее интересные и уникальные с точки зрения найденных аналогий и их значения. По каждому знаку представлена подробная информация, включающая расположение знака и местонахождение плинфы. Найденны аналогии на плинфах и каменных блоках в других раннехристианских храмах Закавказья, на херсонесских средневековых амфорах и среди традиционных абхазских тамг.

Abstract. In the article some single and multiple signs found on plinths from the early Byzantine temple in Gienos are reviewed. The selection includes the most frequently encountered signs and symbols, as well as the most interesting and unique ones in terms of the analogies found. Detailed information is provided for each sign, including the disposition of the sign and the location of the plinth. Analogies were found on plinths and stone blocks in other early Christian churches of Transcaucasia, on medieval amphoras from Chersonesos, and among traditional Abkhazian tamgas.

Ключевые слова: плинфа, Гиенос, ранневизантийский храм, Абхазия, знаки на плинфах.

Key words: plinth, Gienos, early Byzantine temple, Abkhazia, signs on plinths.

Гиенос – единственный точно локализованный античный полис, а затем византийское поселение на территории Абхазии, который располагается на окраине г. Очамчира. К настоящему времени от городища остался один восточный холм, на котором находится ранневизантийский храм V – начала VI вв. н.э. В 80-е гг. XX в. храм изучался экспедицией, организованной Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа под руководством С.М. Шамба, однако не до конца [20; 18; 7]. В 2019 г. на городище вновь были начаты раскопки Очамчирской российско-абхазской экспедицией, начальником которой с российской стороны был А.Ю. Скаков, с абхазской – А.И. Джогуа. В процессе раскопок к западу и востоку от храма было заложено 2 раскопа [11, с. 39–42].

Храм в Гиеносе был в основном сложен из плинфы – тонкого римского кирпича. За все время раскопок было найдено несколько тысяч фрагментов плинфы, из них около тысячи экземпляров имеют знаки, символы и отпечатки. Предыдущие исследователи памятника достаточно мало внимания уделяли исследованию плинфы и ограничивались только самыми общими сведениями [8, с. 131], [19, с. 51], [17, с. 287–278], [22, с. 71]. С самого начала работы Очамчирской экспедиции было начато тщательное изучение плинфы, относительно целые фрагменты замерялись, составлялись графики и подробные таблицы с описанием найденных знаков. Полученная информация неоднократно публиковалась [11], [12], [13], [14].

Все найденные с 2019 по 2024 гг. знаки можно разделить на две большие группы: найденные во множественном количестве и единичные. Все знаки наносились на влажную глину в процессе сушки. Одни из самых интересных множественных знаков – это кресты, подковообразные знаки и символ в виде круга с точкой внутри. Знак креста бывает нанесен пальцем, либо острым, скорее всего, деревянным предметом. Вероятно, кресты на верхних пастелях и боковых поверхностях, несмотря на сходство, являются абсолютно разными знаками и не могут быть объединены. Кресты пальцем (№ I) наносились на всю верхнюю пастель из угла в угол плинфы. Так как большое количество плинф найдено во фрагментированном виде, то от многих крестов осталась лишь косая полоса, начинающаяся от угла плинфы (156 шт.), и такие знаки нельзя стопроцентно отнести к крестам. Размеры плинф с крестами на верхних пастелях бывают 4,2×21,2–22,2×21,2–22,2, 4,1–5,3×20,3–22,9×28,0–29,4, 4,0–4,2×15,5–15,7×32,6–33,0 и 4,3–5,4×23,5–24,8×34,9–35,7 см. Возможно, такие кресты можно соотнести

с римской цифрой «X», которая обозначает количество плинф. На боковых поверхностях было найдено всего 4 креста пальцем (№ II), гораздо чаще на них встречаются прочерченные кресты (№ V) – 24 шт. Причем целые плинфы с такими крестами имеют узкую прямоугольную форму с размером 4,0–4,2×15,5–15,7×32,6–33,0 см. Также большое количество прочерченных крестов найдено на верхних пастелях и один на нижней (№ IV). У целых плинф размеры такие же, как с крестами на боковых поверхностях. Также на верхних пастелях двух целых плинф, найденных *in situ* в слое пола в юго-западном проеме наоса храма, прочерчены кресты из двойных параллельных линий (№ VI). Размеры этих плинф 4,1–5,0×3,3–24,0×34,0–34,5 см.

Аналогии крестам на верхних пастелях, как нанесенным пальцем, так и прочерченным, найдены на плинфах во многих храмах Абхазии. В частности, в базиликах в Цандрипше и Алахадзы, в храмах Закавказья: в церкви Долискана в Тао и в Кечававанке, а также в гонимом центре Суаткан [17, с. 178, рис. 58], [3, с. 333, рис. 246], [4, с. 314, рис. 19, 350, рис. 83], [2, с. 405, рис. 13.2: к, 9, 146, рис. 50: 4, 8–10, 150, 153, 155, рис. 59: 1, 156, рис. 60: 6]. Прочерченные кресты могут быть соотнесены с метками мастеров-каменщиков Закавказья и с тамгой рода Хагба [6, с. 14–16]; [16, с. 408, 413, рис. 236]. Также кресты встречаются на средневековых амфорах из Херсонеса [10, с. 81, рис. 5: 22a].

Достаточно интересен подковообразный знак пальцем (№ III), который наносился исключительно на узкие длинные плинфы с размерами 4,0–4,2×15,5–15,7×32,6–33,0 см. Обычно он находится в центре верхней пастели, один раз был найден на нижней пастели. Среди абхазских тамг встречается похожий знак, в родах Джогуа и Карамчакал [16, с. 406, 411, № 113, 412, № 143]. Также похожий знак встречается в уже упоминавшейся Цандрипшской базилике, в храме в с. Веселое и в кладке «северного храма» в Сорткине [17, с. 178, рис. 58], [3, с. 336, рис. 252], [4, с. 349, рис. 82]. Возможно, этот знак обозначает латинское число «C», соответственно, количество 100 шт.

Еще один необычный знак, встречающийся во множественном количестве, – это прочерченный круг с точкой внутри (№ VII). Он располагается всегда на боковых поверхностях плинф. Знак везде одинаковый, с диаметром круга 2 см, точка находится точно посередине круга. У единственной целой плинфы с этим символом размеры снова 4,0–4,2×15,5–15,7×32,6–33,0 см. Аналогий этому знаку пока найти не удалось.

Большое количество знаков на плинфах встречено в единичном количестве (59 шт.). Некоторые из них бывают похожи друг на друга или образуют группы, но абсолютно идентичных знаков среди них не встречается. В данной статье мы рассмотрим лишь 13 из них. Как и множественные, единичные знаки делятся на две подгруппы: нанесенные пальцем и прочерченные острым предметом. К первой подгруппе относятся 4 знака на верхних пастелях. Два из них являются вариациями крестов: с дополнительной перекалиной (№ 1) и из двойных изогнутых полос (№ 2), к ним же можно предположительно отнести треугольной формы знак (№ 3), похожий на крест пальцем с дополнительной линией, соединяющий концы полос. На средневековых херсонесских амфорах нередко встречаются кресты с дополнительными линиями [10, с. 81, рис. 5: 22m, 82, рис. 6: 22d], так же, как и среди абхазских тамг, в роду Келаматраа [16, с. 406, 412, № 145]. Интересно, что знак № 1 соотносится с прочерченным крестом с двумя дополнительными линиями, вертикальной и наискосок (№ 8). Оба этих знака располагаются на верхних пастелях. Что касается знака № 2, то кресты из двойных полос, однако прямых, а не изогнутых, встречаются в гонимом центре Суаткан и в Кечававанке [9, с. 156, рис. 60: 2–3; 4, 350, рис. 83]. Отметим, что подобных знаков в Гиеносе два, один фрагментированный.

Также на двух плинфах найдены фрагменты ε-образного знака (№ 4) на верхних пастелях. Подобные изображения очень распространены на плинфах из храма в с. Веселое [1, с. 85, 86, рис. 5: 1–6, 8, 9; 4, с. 350, рис. 83]. Возможно, этот знак можно как-то соотнести с ω-образным (№ 12), прочерченным двойным острым предметом. В Гиеносе найдено 5 похожих изображений, все, за исключением одного, на боковых поверхностях. Аналогий этому знаку пока не найдено.

На верхних пастелях плинф часто встречаются V-образные знаки (№ 5, 6), причем в последнем случае автор пририсовал к знаку справа дерево, а также еще одно дерево внизу. Аналогии таким «деревообразным» изображениям можно увидеть на херсонесских амфорах [10, с. 80, рис. 4: 46a–d]. На боковых поверхностях также найдены V-образные (№ 10) и X-образные (№ 11) знаки с закругленными апексами. Вероятно, эти изображения связаны между собой. X-образные знаки соотносятся также с крестами с верхними засечками, которые можно найти среди абхазских тамг родов Кчач и Фирсоу [16, с. 407, 408, 412, № 165, 413, № 235], а также на херсонесских амфорах [10, с. 81, рис. 5, № 22g, ж, p]. Похожее изображение встречается и на керамидах Эски-Кермена [5, с. 232, рис. 3: 18].

Отдельную группу представляют углообразные знаки на верхних пастелях (№ 8), всего их найдено 4 шт. Все они дошли во фрагментированном состоянии. Отдаленные аналогии этому знаку можно найти среди меток мастеров-каменщиков на зданиях VII в. в Армении и на керамидах из Эски-Кермена [6, с. 13, рис. 1], [5, с. 232, рис. 3: 16, 17]. Достаточно необычен знак № 13. Он находится на боковой поверхности плинфы и представляет собой ф-образный знак с нижней горизонтальной гастой влево, нанесенный точечными вдавлениями круглым предметом, возможно, деревянной палочкой.

Знак частично фрагментирован, но легко восстанавливается. Буква «ф» могла обозначать значение в 500 шт. Наконец, на 5 плинфах найдены изображения стрел, мы рассмотрим одно из них (№ 7). Очень похожие знаки, однако, представленные как колоколообразные, найдены на кирпичях из Семикаракорской крепости [15, с. 97, 98, рис. 3: 1–9]. Также похожее изображение стрелы есть на камне из крепости в Лазике [21, р. 175, fig. 4.2].

Большое разнообразие знаков на плинфах Гиеноса, часть из которых мы рассмотрели, вряд ли является характеристикой именно этого памятника. Вероятно, эта тема еще недостаточно изучена. Учитывая масштабы производства плинфы, можно сделать выводы, что некоторые знаки обозначали числовое значение (№№ I, III, 13). Знаки, преимущественно нанесенные на верхние пастели плинф, могли являться метками мастеров-каменщиков (№№ IV, V, 8). Некоторые из нанесенных символов предположительно имеют тамгообразное значение и обозначают принадлежность к определенному роду (№№ V, III, 1, 11). Все эти три теории не являются взаимоисключающими. При этом часть знаков могла не нести особой смысловой нагрузки и наноситься больше для развлечения.

Источники и литература (References):

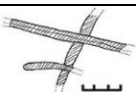
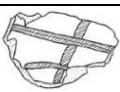
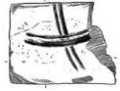
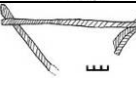
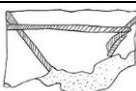
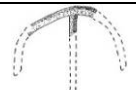
1. Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов В.В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // Российская археология. № 3. 2012. С. 78–90.
2. Виноградов А.Ю. Очерки архитектуры Византии и Кавказа. М.: Издательский дом ВШЭ, 2023. 520 с.
3. Елшин Д.Д. Кирпич в средневековой церковной архитектуре Абхазии // Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. 2015. М.: Индрик. С. 323–337.
4. Елшин Д.Д. Кирпич в средневековой архитектуре Кавказа: новые обследования и попытка обобщения // Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании / отв. ред. Кочкаров У.Ю., Скаков А.Ю. 2021. М.: ИВ РАН. С. 299–381.
5. Завадская И.А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XX. 2015. Симферополь. С. 213–232.
6. Казарян А.Ю. Автографы мастеров-каменщиков VII века. Армения, Иверия, Кавказская Албания. М.: URSS, 2012. 48 с.
7. Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М. Результаты исследования раннехристианской церкви на городище Гюэнос // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. 1987а. Тбилиси: Мецниереба. С. 23–28.
8. Кобахия В.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М. Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос (Абхазия) // Вестник древней истории. № 1. 1987б. С. 126–146.
9. Моисеев Д.А. Культурные и экономические связи Юго-Западного Крыма и Таманского полуострова в IX–X вв. на примере археологического изучения центра по производству строительной керамики в балке ручья Суаткан (Крым). Симферополь: ООО «Антиква», 2017. 208 с.
10. Романчук А.И. Граффити на средневековых амфорах из портового района Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1983. С. 64–87.
11. Скаков А.Ю., Джоупа А.И., Акопьян А.В., Ендольцева Е.Ю. Ранневизантийский храм на городище древнего Гиеноса (Абхазия): новые находки // Архитектурная археология. № 2. 2020. М.: ИА РАН. С. 39–50.
12. Скакова И.В., Скаков А.Ю., Джоупа А.И. Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019–2021 гг. // ByzantinoCaucasica. I. 2021. М.: ИВ РАН. С. 9–53.
13. Скакова И.В., Скаков А.Ю., Джоупа А.И. Раннесредневековый храм в Гиеносе (Республика Абхазия): итоги работ 2022 г. // ByzantinoCaucasica. II. 2022. М.: ИВ РАН. С. 69–109.
14. Скакова И.В., Джоупа А.И., Фомин М.В., Скаков А.Ю. Плинфы со знаками из раннесредневекового храма в Гиеносе: итоги работ 2023 г. // Вестник Дагестанского научного центра. Вып. 93. 2024. Махачкала. С. 32–48.
15. Флеров В.С., Флерова В.Е. Знаки на кирпичях Семикаракорской крепости // Поволжская археология. № 4 (14). С. 92–115.
16. Хотелашвили-Инал-Ипа М.К. История и этнография Абхазии. Сухум, 2019. 496 с.
17. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века) / Науч. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2002. 500 с.
18. Хрушкова Л.Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. Калининград – Москва, 2018. 480 с.
19. Шамба С.М. Гюенос-1. Тбилиси, 1990. 136 с.

20. Шамба С.М., Шамба Г.К. Раскопки древнего Гюэноса // Археологические открытия 1981–1982 гг. в Абхазии. 1985. Тбилиси: Мецниереба. С. 19–22.
21. Chitaia G., Papuashvili R., Vinogradov A. A New Complex of Greek Inscriptions from Machkhomeri Fortress in Lazica // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 214. 2020. Pp. 169–178.
22. Khroushkova L. 2006. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noir. Abkhazie. IVe – XIVe siècles. Belgium: Brepols Publishers n.v. 340 p.

Таблица 1. Множественные знаки на плинфах¹

№	Описание	Расположение	Кол-во, шт.	Рисунок
а) нанесенные пальцем				
I	крест	в. п.	63 ² +156(?)	
II	"	б. п.	3+1(?)	
III	подковообразный знак	в. п.	45+8(?)	
		н. п.	1	
б) прочерченные				
IV	крест	в. п.	93+32(?)	
		н. п.	1(?)	
V	"	б. п.	24	
VI	крест из двойных полос	в. п.	2+2(?)	
VII	круг с точкой внутри	б. п.	20	

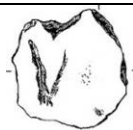
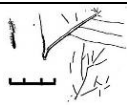
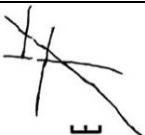
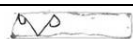
Таблица 2. Единичные знаки на плинфах³

а) нанесенные пальцем							
№	Знак	Описание	Расположение	Местонахождение			Рисунок
				Р.	Кв.	Сл.	
1		крест с дополнительной переключиной	в. п.	НР	бв	0	
2		крест из двойных изогнутых полос	"	ВР	1	9	
3		знак треугольной формы с засечками из 3 полос	"	НР	При-резка	Отвал	
4		ε-образный знак	"	ВР	2	11	

¹ Сокращения в таблице: **в. п.** – верхняя пастель, **б. п.** – боковая поверхность, **н. п.** – нижняя пастель

² Один крест нанесен ногтем.

³ Сокращения в таблице: **Р.** – раскоп, **кв.** – квадрат, **сл.** – слой, **НР** – нартекс, **ВР** – Восточный раскоп

б) прочерченные							
№	Знак	Описание	Распо- ложе- ние	Местонахождение			Рисунок
				Р.	Кв.	Сл.	
5		V-образный знак	в. п.	ВР	2	7	
№	Знак	Описание	Распо- ложе- ние	Местонахождение			Рисунок
				Р.	Кв.	Сл.	
6		вертикальная линия, V- образный знак и дерево	"	ВР	1	9	
7		стрела	"	НР	5б/6а	1	
8		углообразный знак	"	ВР	1	9	
9		прочерченный крест с дополнительной вертикаль- ной линией сверху и длинной линией наискосок	"	ВР	1	10	
10		V-образный знак с верхними закругленными апексами	б. п.	ВР	1	9	
11		X-образный знак с закруг- ленными апексами	"	ВР	1	8	
12		ω-образный знак	"	ВР	1	9	
13		Ф-образный знак точечными вдавлениями с нижней горизонтальной гостой влево	"	ВР	1	0	

ДОРОЖНАЯ СИСТЕМА ВИЗАНТИЙСКОЙ ФРАКИИ

THE ROAD SYSTEM OF BYZANTINE THRACE

Орлов Е.К., Тарсуков Д.И.

Orlov E.K., Tarsukov D.I.

*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University*

Аннотация. В статье рассматривается дорожная система Византийской Фракии, которая играла ключевую роль в экономическом и культурном развитии региона. Автор анализирует римское дорожное наследие, доставшееся Византийской империи, а также маршруты и основные дорожные пути сообщения на территории Фракии. Дается анализ главного назначения дорог во времена Византии. Исследование опирается на археологические данные, исторические документы и карты, что позволяет более глубоко понять, как транспортная инфраструктура способствовала укреплению Византийской империи. В заключение делается вывод о важности дорожной сети не только для Византии, но и для формирования культурного ландшафта региона в целом.

Abstract. The article examines the road system of Byzantine Thrace, which played a key role in the economic and cultural development of the region. The author analyzes the Roman road heritage inherited by the Byzantine Empire, as well as routes and main road routes in Thrace. The main purpose of roads during the Byzantine period is analyzed.

The research is based on archaeological data, historical documents and maps, which allows for a deeper understanding of how the transport infrastructure contributed to the strengthening of the Byzantine Empire. In conclusion, it is concluded that the road network is important not only for Byzantium, but also for shaping the cultural landscape of the region as a whole.

Ключевые слова: Византийская империя, дорожная система, Византийская Фракия, Эгнатиева дорога, Константинополь, Восточное Средиземноморье.

Keywords: Byzantine Empire, road system, Byzantine Thrace, Egnatian Road, Constantinople, Eastern Mediterranean.

Дорожная система любого государства в любой промежуток истории — это, прежде всего, его артерии. По дорогам осуществляется перемещение жителей, переброска вооруженных сил и развитие торговых взаимосвязей между городом и деревней. В данном контексте, такой регион, как Фракия, представляет для Византийской Империи особое значение. Расположенная на европейском континенте, Фракия омывается Черным и Эгейским морями, что позволяет заявить о ее важности для государства. К тому же данный регион имеет прямую границу с Константинополем.

Говоря о дорожной сети, стоит упомянуть о римских дорогах, самой известной из которых является Эгнатиева дорога (Via Egnatia). Транспортная магистраль возникла благодаря завоеванию Римом греческих земель. После этого события, потребовалось строительство инфраструктуры, позволяющей осуществлять переброски войск по территориям. Строительство дороги началось в 146 году до нашей эры и продолжалось 44 года. При этом, даже после постройки, она неоднократно расширялась. Благодаря работе Полибия «Всеобщая история», мы можем узнать общую длину магистрали: *«всего длины от Ионийского залива, где город Аполлония, до Византия семь тысяч триста двадцать стадий; к этому числу Полибий прибавляет еще сто восемьдесят стадий, к восьми стадиям каждой мили прибавля треть стадий»* [2, с. 131].

Если перевести, то расстояние, которое указывал Полибий, получается, что длина дороги — приблизительно 800 километров.

На территории Фракии магистраль заканчивалась в городе Византий, к которому шло два пути: первый — через побережье Мраморного моря, а второй делал поворот к Адрианоплю, который был крупнейшим городом Фракии на тот момент, и потом шел к Византию [3, с. 647].

Для Византийской империи, этот объект Римского наследия был стратегически важным: он связывал Европу с Константинополем. В византийское время этот путь изменил свое основное

назначение. В римское время, в основном, он играл первостепенную роль для быстрой переброски войск. В Византийской империи он стал общественно-торговой магистралью.

«В Европе подобная перемена была менее заметна, потому что Виа Эгнасия – оживленный тракт, шедший от Константинополя к Адрианополю, Неаполису, Филиппии и Фессалонике, всегда сохранял свое значение» [1, с. 92].

Эта дорога использовалась и Византийской Империей, и Османской империей. Некоторые ее участки дошли до нас.

Восточная Фракия, более или менее совпадающая с территорией современной Европейской Турции, была территорией Константинополя, столицы Византийской империи и, следовательно, одним из самых значительных ландшафтов Восточного Средиземноморья.

Общеизвестно, что уже во времена Римской империи через Восточную Фракию вели три основные дороги.

1. Дорога из Белграда, которая шла вдоль реки Дунай до побережья Черного моря, где поворачивала на юг и проходила параллельно береговой линии вплоть до Босфора;

2. Так называемая дорога Милитарис или дорога Траяна, которая также начиналась в Белграде и проходила из Адрианополя (Эдирне) через центральные районы Восточной Фракии в Аркадиополис (Люлебургаз), Друзипару (Бююк Каристиран) и Цурулон (Чорлу) до берега Мраморного моря;

3. Эгнатиева дорога, которая вела из Диррахия в Фессалонику и далее в Константинополь, соединяя Адриатическое море с Черным морем. Но даже маршрут этих основных транспортных магистралей не совсем хорошо известен.

В то время, как первая из упомянутых дорог практически не использовалась в средние века, две другие дороги имели огромное значение на протяжении византийских и османских времен, вплоть до наших дней. Однако, несмотря на постоянное использование, следует помнить о существовании многочисленных небольших отклонений от маршрута. Например, это можно увидеть в окрестностях Апроя, Русиона и Гераклеи. В письменных источниках почти никогда не упоминаются подробности маршрутов; археологические находки редки по сравнению с другими районами Балкан. Например, вехи, столь распространенные вдоль реки Дунай или в западной части полуострова Хаймос, в Восточной Фракии сохранились крайне редко.

Часто главные маршруты соединялись с второстепенными улицами, которые вообще не упоминаются в источниках. Иногда приходится прогнозировать маршруты, учитывая, что населенные пункты, имеющие более важное церковное, военное или экономическое значение, были частью дорожной системы [9, р. 156]. Таким образом, епископские кафедры Ники (Хавса) и Памфилона, Русиона, Афродисиаса (Эврезе) и Гексамиллиона (Ортакей), несомненно, были связаны друг с другом. Сама дорожная система Восточной Фракии представлена следующим образом: маршруты с северо-запада на юго-восток, с запада на восток и, наконец, с севера на юг [9, р. 172].

1. Пути с северо-запада на юго-восток.

Наиболее важной связью между северо-западом и юго-востоком во Фракии является Виа Милитарис. Она соединяет Центральную Европу со столицей Византии Константинополем и, кроме того, с Ближним Востоком. Более подробная информация представлена в таблице Пеутингерияны (Tabula Peutingeriana), которая первоначально была составлена во второй четверти IV в. н.э. [4, р. 57].

Из Адрианополя дорога вела в юго-восточном направлении, миновала Никею и шла в Аркадиополис, первый густонаселенный город во фракийской провинции. Далее в юго-восточном направлении дорога вела в Друзипару. Этот город был знаменит в ранневизантийские времена благодаря усыпальнице святого Александра: этот святой был убит в конце III в., место его захоронения впоследствии стало центром паломничества [10, р. 184].

Направляясь на юго-восток от Друзипары, дорога достигала Типсосу у большого моста, ныне именуемого Кырк-гез. Но перед этим, примерно в двух километрах от города, нужно было пересечь старый мост с пятью сводами, ведущий через реку Шрогипсос. Далее дорога вела в Гераклею Фракийскую, бывшую столицу этой провинции [10, р. 188].

Но в средневизантийское время Гераклея Фракийская стала терять свое значение, уступая место Райдестосу, оживленному городу, расположенному в нескольких милях к западу. В связи с этим направление дороги изменилось, и Гераклея потеряла прямое сообщение с дорогой Милитарис, которая теперь шла в юго-восточнее и достигла берега Мраморного моря только к востоку от Палеи. Военная дорога использовалась в конце VI в. н.э. аварами, а в XI и XII веках – крестоносцами [10, р. 190].

После 1204 года это был обычный путь для крестоносцев, шедших к Адрианополю и северным берегам реки Хеброс. Даже во времена Османской империи послы европейских

стран пересекали Балканы, направляясь к Золотому Рогу и Константинополю. Скорость передвижения была разной: Прокопий Кесарийский в VI веке утверждал, что путь от Адрианополя до Константинополя занимает пять дней, Михаил Атталиат в XI веке – всего три дня. Несколько десятилетий спустя медленно передвигавшимся крестоносцам потребовалось девять или даже десять дней, но Берtrandу де ла Брокьеру, который был бургундским паломником, в 1433 году потребовалось всего шесть дней [4, p.75]. Необходимо было пересекать реки между Адрианополем и столицей Византийской империи, все они были снабжены мостами уже во времена Римской империи.

В Восточной Фракии к основному коммуникационному Виа Милитарис примыкали две дороги: одна на севере, другая на юге. Они проходили более или менее параллельно, но имели гораздо меньшее значение. Южный маршрут вел из нижней части долины Арда через долину реки Эритропотамос, которая впадает в реку Хеброс близ Дидимотихона. Отсюда она вела в Памфилон. Затем – с востока на юго-восток, и выходила к берегу Мраморного моря близ Райдестоса [4, p. 90].

Дорога, проходящая к северу от Виа Милитарис, соединяла долину Тунджа с Восточной Фракией. Она проходила от Скопелоса до Петры (Каяли), затем до Каранта-Къезе, нынешнего Кыркларели. На южном склоне гор Истранка дорога пересекала границу фракийской провинции Гемимонт и вела к древнему городу Бизия, столице фракийских царей в доримские времена. В юго-восточном направлении дорога вела в район более позднего города Сарай, основанного османами только в XIV веке. Затем до укрепленного города Сердженцион (Бинкилич) [10, p. 194].

Возможно, здесь дорога разделялась: одна развилка проходила вдоль Истранка-дере в восточном направлении, пересекала стену Анастасия и вела к северо-западному берегу озера Деркос, где пересекалась с римской черноморской дорогой. Другая развилка соответствовала современной дороге в юго-восточном направлении и проходила через Макра-Тейчу.

Транспортная магистраль от озера Деркос, также была построена во времена Римской империи. Она соединяла дельту Дуная с Босфором, проходя параллельно важному маршруту, постоянно используемому военно-морским флотом и торговыми судами [13, p. 303].

Между озером Деркос и береговой линией дорога вела к Филеа (Карабурун), а затем, в юго-восточном направлении, к Килиосу. Последний участок трассы пролегал на расстоянии от четырех до пяти километров от моря до Тимеи на слиянии Босфора и Эвксинского Понта. Отсюда дорога поворачивала на юг, к Золотому Рогу и Константинополю [11, p. 510].

В 712 году болгары двинулись по этой дороге в Филею, чтобы оттуда начать разграбление фракийских окрестностей Константинополя [5, p. 382]. В середине XIX века дорога между Маддеей и Босфором редко использовалась; на многих участках люди могли передвигаться только пешком, но ездить верхом было невозможно из-за сложного рельефа местности [7, p. 334]. В нижней части этой длинной коммуникации начиналась гораздо более узкая дорога, ведущая из Филеи в Пиргос (Кемербургаз) и далее к Золотому Рогу [6, p. 148].

2. Пути с запада на восток.

Эгнатиева дорога – самая важная транспортная магистраль, соединяющая запад и восток Восточной Фракии. помимо Виа Милитарис, это самая известная и значимая транспортная магистраль на Балканском полуострове во времена Римской, Византийской и Османской империй. Свое название дорога получила в честь римского проконсула Гнея Эгнатия, известного нам благодаря надписи, найденной в Македонии в 1973 году. Дорога соединяла Аполонию и Диррахий на Адриатическом море с Босфором; она проходила через Охрид и Фессалоники, Филиппы и Траянополь [12, p 155].

Продолжение дороги из Кипсела к Босфору (сегодня также называется Эгнатиевой) было построено в более позднее время, но в конце III в. н.э. оно существовало [8, p. 185]. В Кипселе Эгнатиева дорога пересекалась с дорогой, ведущей от Эгейского моря к Гарелле; она вела в юго-восточном направлении. С сегодняшнего дня дорога шла немного дальше на юг, к поселениям Русион и Булгаркей, ныне Енимухаджир [6, p. 164].

3. Пути между севером и югом.

Самая западная дорога в Восточной Фракии, ведущая с севера на юг, начиналась в провинции Гемимонтус и соединялась с Виа Милитарис около Ники. Дорога, ведущая из Скопелоса и Петры, шла в южном, затем в юго-западном направлении к Памфилону, возможно, пересекая район современных деревень Кырджасалих и Деирменджи. После Памфилона дорога вела на юг, встречалась к востоку от Харалгона до Кипсела, затем около Кеана с частью Эгнатиевой дороги. Нижняя часть этой дороги использовалась в марте 1189 года крестоносцами под командованием Фридриха Барбароссы на пути в Каллиполис. Около

Россы дорога из-за сильных дождей была в таком плохом состоянии, что крестоносцам пришлось оставить свои повозки и перегрузить товары на лошадей [9, р. 184].

Вышеупомянутая дорога проходила через гору Ганос; она соединяла Эгнатию с дорогой с берегом Мраморного моря. Недалеко от Гельчука дорога пересекала одноименную реку; затем вела на запад от горы высотой 361 метр в район современных деревень Исаклы, Эмирали и Балли. Дорога, ведущая из Афродизиаса в Апрой [11, р. 516], на самом деле должна представлять собой сеть магистралей. Этой дорогой должны были пользоваться османы после того, как они захватили крепость Одгенлек ранее 1354 года. Ход их похода показывает, что дорога из Апроя в Чариуполис, о которой говорится в «Таблице Пеутингерияны», существовала и в поздневизантийские времена [11, р. 522]. От города Чариуполис дорога, ведущая из Апроя в Хариуполис, проходила на север, и далее параллельно современной железнодорожной сети, до Каранта-Къезе.

Военное и церковное значение фракийских городов Брисис и Аркадиополис позволяет предположить, что дорога будет напрямую соединять их. Вероятно, она проходила параллельно рекам Кайнарка-дере и Янчиклар-дере, как и нынешняя дорога [12, р. 180]. Император Константин V должен был воспользоваться ею в 775 году, когда тяжелая болезнь остановила его поход против болгар и вынудила отступить в Аркадиополис [5, р. 448]. Морской порт Раидестос был отправной точкой транспортной магистрали; в ранневизантийские времена это был один из главных путей к реке Дунай. Сначала дорога шла на север, минуя район современной деревни Муратлы. Виа Милитарис начиналась недалеко от Друзипары. Там шоссе поворачивает на северо-восток, через деревни Пинарбаи, Ахметбей, которые были заселены во времена Римской империи. Второстепенная дорога вела в восточном направлении к Мадейе; основной маршрут пролегал на север к деревням Софирес и Серген (Сараканна), а затем к кафедральному собору Карабизю (Демиркей).

Последнее соединение севера и юга, о котором нужно упомянуть, – это старая дорога, проходящая параллельно Босфору от Тимеи до Константинополя [11, р. 526]. В своей северной части рельеф местности вынуждал ее больше распространяться вглубь страны. Он достиг берега недалеко от Иерона и следовал вдоль береговой линии до Сениона (Истин), Лаймокопии (Румели хисары), Анапласа и Диплокимниона вплоть до Галаты.

Вероятно, уже в византийские времена существовал параллельный маршрут, ведущий из Дикой Петры (Кефели Кей) и Терапии (Тарабья) к Золотому Рогу, чтобы избежать трудоемкого обхода многочисленных бухт Босфора [10, р. 198].

Изучив византийскую дорожную систему, мы приходим к выводу, что вне всякого сомнения, византийская дорожная система в Восточной Фракии была гораздо более развитой: например, многочисленные второстепенные дороги, которые не упоминаются в письменных источниках, но могут быть восстановлены на основе более поздней османской дорожной системы, должны были существовать во внутренних районах региона: в горах Истранка, в лесистой пограничной зоне фракийской провинции Гемимонт, или даже в ущельях горы Ганос. Многие из них соединяли крепости и поселения с дорожной системой.

Источники и литература (References):

1. Дэвид Тальбот Райс. Византийцы. Наследники Рима. М.: Центрполиграф, 2009. 246 с.
2. Полибий. Всеобщая история в 40 книгах. III том. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука, 1995. 384 с.
3. Словарь античности: Пер. с нем. Сост. Й. Ирмшер в сопр. с Ренате Йоне; Редкод: В.И. Кузицин (отв. ред) и др. М.: Прогресс. 1989. 704 с.
4. Avramea, A. Land and Sea Communications, Fourth-Fifteenth Centuries // EHB I, Washington, D.C.: 2002. 120 p.
5. Boor de C. Theophanis Chronographia, Lipsiae: Teubner, repr. Hildesheim: G. Olms, 1963. 552 p.
6. Boué A. Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Détails géographiques, topographiques et statistiques sur cet Empire, I, Vienna, 1854. 332 p.
7. Boué A. Die Europäische Türkei. Deutsch hrsg. v. der Boué-Stiftungs- Commission der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, I, Vienna, 1889. 521 p.
8. Cuntz O. (ed.). Imperatoris Antonini Augusti itineraria provinciarum et maritimum, Leipzig: Teubner, 1929: 332 p.
9. Hild F. Das byzantinische Straßensystem in Kappadokien, Veröffentlichungen der Kommission für die TIB 2, Wien, 197.: 214 p.
10. Küelzer A. Ostthrakien (Europe), Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2008. 432 p.
11. Miller K. Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana dargestellt, Stuttgart: Strecker und Schröder, 1916. 992 p.
12. Soustal P. Thrakien (Thrace, Rodope, Haimimontos), Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1991. 580 p.
13. Tomaschek W. Zur Kunde der Hämus-Halbinsel. II. Die Handelswege im Jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Idrisi, Vienna, 1886. 437 p.

НОВАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ, СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

УДК 94(47).072

DOI: 10.5281/zenodo.17011917

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВЫСШИМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ РОССИИ В
НАЧАЛЕ XIX ВВ.

STATE ADMINISTRATION OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN RUSSIA
AT THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY

Киселев И.В.
Kiselev I.V.

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, г. Калининград
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

Аннотация. В статье изучено формирование и развитие системы управления высшими учебными заведениями в России в контексте реформ, происходивших в этот период. Автор обращает внимание на ключевые изменения в законодательстве и административной практике, способствовавшие модернизации образовательной структуры. Сделан вывод, что в начале XIX вв. государственное управление высшими учебными заведениями России было изменено в связи с проведением ряда либеральных реформ. Были созданы государственный Совет, министерство народного просвещения, а также ряд вспомогательных структур: училищная комиссия, департамент народного просвещения, главное правление училищ.

Abstract. The article examines the formation and development of the system of management of higher education institutions in Russia in the context of the reforms that took place during this period. The author draws attention to the key changes in legislation and administrative practice that contributed to the modernization of the educational structure. It is concluded that at the beginning of the 19th century, state management of higher education institutions in Russia was changed in connection with the implementation of a number of liberal reforms. The State Council, the Ministry of Public Education, and a number of auxiliary structures were created: the School Commission, the Department of Public Education, and the Main Board of Schools.

Ключевые слова: образование, история, управление.

Key words: education, history, management.

В начале XIX в. в России произошел ряд либеральных реформ, направленных на преобразование системы государственной власти. В связи с этим, 1 января 1810 г. был создан Государственный Совет – высший законосовещательный орган Российской империи. Главной его функцией являлось рассмотрение и принятие законопроектов для утверждения их императором [2, с. 1–15].

В XIX в. и начале XX в. Государственным Советом были рассмотрены и утверждены проекты уставов императорских российских университетов. Однако главным нововведением стало создание специального государственного органа власти, который занимался только вопросами образования. Сподвижники недавно взошедшего на престол императора Александра I В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцов, П.А. Строганов, А.Е. Чарторыйский, разработали первые контуры новой структуры управления высшим образованием в стране, которые выразились в принятии Манифеста об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г [2, с. 32–33]. Этот нормативно-правовой акт предусматривал организацию в стране единой системы образования под управлением Министерства народного просвещения [3, с. 243–249, 424–425].

В соответствии с Манифестом от 25 июня 1811 г., Министерство народного просвещения входило в третью группу государственных исполнительных органов власти – Государст-

венная экономия и было подведомственно Императору, Правительствующему Сенату, Комитету Министров. Оно состояло из Министра, его советников, училищной комиссии, департамента народного просвещения и главного правления училищ [4, с. 243–249]. Министр народного просвещения имел право представления законопроектов по вопросам высшего образования, внесения поправок к законопроектам, обращения за разъяснениями в Государственный Совет о толковании нормативно-правовых актов, составления отчетов о деятельности Министерства народного просвещения, утверждения доходов и расходов [5, с. 1–5, 243–249]. Министр народного просвещения входил в состав Комитета Министров Российской Империи и был обязан посещать заседания Правительствующего Сената.

Согласно Высочайшему повелению императора от 8 сентября 1802 г. училищная комиссия была обязана создавать планы организации системы вузов в Российской империи и утверждать специальных должностных лиц [12, с. 4–5]. В связи с этим, уже 24 января 1803 г. был издан указ императора об учреждении учебных округов, в соответствии с которыми в стране были созданы 6 учебных округов: Московский, Виленский, Дерптский, Казанский, Санкт-Петербургский и Харьковский. В каждом учебном округе учреждалась должность попечителя, который имел полномочия по разработке проектов нормативно-правовых актов и учебных планов вузов, формированию педагогического корпуса, надзору за вузами, установлению там порядка, предоставлению докладов и отчетов о состоянии учебных округов. Власть не всех попечителей учебных округов была строго регламентирована [13, с. 21–22].

В силу политических, социальных и экономических особенностей юго-западных регионов Российской империи попечители Виленского и Дерптского учебных округов имели полномочия по *«особому устройству и надзору за тамошними университетами»*. Как отмечал в своих работах С.В. Рождественский: *«Власти попечителя и местного учебного начальства предоставлена была свобода наполнять юридические нормы живым содержанием и давать учебному делу совершенно оригинальное направление»* [11, с. 81].

Департамент народного просвещения – исполнительный орган, должностные лица которого отвечали за правоприменительную деятельность Министерства народного просвещения. Данный департамент вел учет и статистику по делам высшего образования, а также осуществлял руководство периодическими изданиями Министерства народного просвещения [6, с. 243–249]. Главное правление училищ занималось разработкой основных положений об устройстве отдельного вуза, его функциях и должностном составе [14, с. 13–21]. В соответствии с Уставом о цензуре от 9 июля 1804 г. в Санкт-Петербурге учреждался особый цензурный комитет, возглавляемый Главным правлением училищ.

По общему правилу, цензуре подвергался весь учебно-научный материал [7, с. 439–444]. Однако, указами Императора от 6 декабря 1808 г. [8, с. 695] и 2 сентября 1810 г. [9, с. 345] ряд функций по цензурному контролю перешел в университетские цензурные комитеты и Департамент народного просвещения. Манифестом от 25 июля 1810 г. *«О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих»* Министерство народного просвещения дополнительно наделялось полномочиями по управлению академиями и учебными заведениями империи, за исключением военных и духовных [10, с. 278–280]. В начале XIX в. сложилась система управления высшим образованием, возглавляемая Императором и Правительствующим Сенатом. Непосредственным управлением занималось Министерство народного просвещения и попечители учебных округов.

Таким образом, в начале XIX в. государственное управление высшими учебными заведениями России было изменено в связи с проведением ряда либеральных реформ. Были созданы государственный Совет, министерство народного просвещения, а также ряд вспомогательных структур: училищная комиссия, департамент народного просвещения, главное правление училищ.

Источники и литература (References)

1. Будиц Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. Изд. 2-е. Спб., 1912. С. 32–33.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Том 31. С. 1–15. Электронный фонд Российской национальной библиотеки. Открытый интернет источник. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. Дата обращения: 24.08.2024.
3. ПСЗ. Том 27. С. 243–249, 424–425. Электронный фонд Российской национальной библиотеки. Открытый интернет источник. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. Дата обращения: 02.08.2024.

4. ПСЗ. Том 27. С. 243–249. Электронный фонд Российской национальной библиотеки. Открытый интернет источник. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. Дата обращения: 02.08.2014.
5. ПСЗ. Том 27. С. 243–249. Электронный фонд Российской национальной библиотеки. Открытый интернет источник. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. Дата обращения: 02.01.2017; ПСЗ. Том 31. С. 1–15. Электронный фонд Российской национальной библиотеки. Открытый интернет источник. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. Дата обращения: 24.08.2024.
6. ПСЗ. Том 27. С. 243–249. Электронный фонд Российской национальной библиотеки. Открытый интернет источник. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. Дата обращения: 02.08.2024.
7. ПСЗ. Том 28. С. 439–444. Электронный фонд Российской национальной библиотеки. Открытый интернет источник. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. Дата обращения: 03.08.2024.
8. ПСЗ. Том 30. С. 695. Электронный фонд Российской национальной библиотеки. Открытый интернет источник. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. Дата обращения: 03.08.2024.
9. ПСЗ. Том 31. С. 345. Электронный фонд Российской национальной библиотеки. Открытый интернет источник. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. Дата обращения: 03.08.2024.
10. ПСЗ. Том 31. С. 278–280. Электронный фонд Российской национальной библиотеки. Открытый интернет источник. Режим доступа http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php. Дата обращения: 03.08.2024.
11. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб, 1902.
12. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Том 1. Царствование Александра I / Россия. М-во народ. просвещения. - 2-е изд. - СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875.
13. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Том 1. Царствование Александра I / Россия. М-во народ. просвещения. - 2-е изд. - СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875.
14. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Том 1. Царствование Александра I / Россия. М-во народ. просвещения. - 2-е изд. - СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875.

РОЛЬ БЕЕВ ИЗ РОДА ШИРИН В МИРНОМ ВХОЖДЕНИИ КРЫМА В СОСТАВ РОССИИ

THE ROLE OF THE BEIS OF THE SHIRIN CLAN IN THE PEACEFUL INCORPORATION OF CRIMEA INTO RUSSIA

Шихаметова Э.Р.
Shikhametova E.R.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University, Sevastopol

Аннотация. В статье анализируется участие крымскотатарского знатного рода Ширин в процессе присоединения Крыма к Российской империи в 1783 году. Особое внимание уделено политическим стратегиям знати, персоналиям, задействованным в интеграции с имперскими структурами, и механизму адаптации Ширинов к новой государственной реальности. Автор приходит к выводу, что лояльность и участие представителей рода Ширин стали одним из ключевых факторов успешной интеграции Крыма в российское государственное пространство.

Abstract. The article analyzes the participation of the noble Crimean Tatar Shirin clan in the process of Crimea's incorporation into the Russian Empire in 1783. Particular attention is paid to the political strategies of the elite, the personalities involved in integration with imperial structures, and the mechanisms of the Shirins' adaptation to the new state reality. The author concludes that the loyalty and involvement of the Shirin clan representatives became one of the key factors in the successful integration of Crimea into the Russian state space.

Ключевые слова: Крымское ханство, род Ширин, карачи-беи, Екатерина II, манифест 1783 года, присоединение Крыма, лояльность крымскотатарской знати, политическая элита.

Keywords: Crimean Khanate, Shirin clan, Karachibey, Catherine II, Manifesto of 1783, incorporation of Crimea, loyalty of Tatar nobility, political elite.

Присоединение Крыма к Российской империи в 1783 году стало итогом многолетней борьбы за влияние в Причерноморье, в которой участвовали Россия, Османская империя и местная крымская знать. Одним из ключевых факторов успеха России было привлечение на свою сторону части крымской аристократии. Среди наиболее влиятельных и знатных родов Крымского ханства особое место занимал род Ширин, представители которого на протяжении XV–XVIII вв. играли ведущую роль в политической и военной жизни Крымского ханства.

В процессе вхождения Крыма в состав Российской империи их роль была очень значимой, так как именно Ширины выступали ключевыми посредниками между ханской администрацией и новой имперской властью, обеспечивая стабилизацию внутренней политической обстановки в регионе в переходный период.

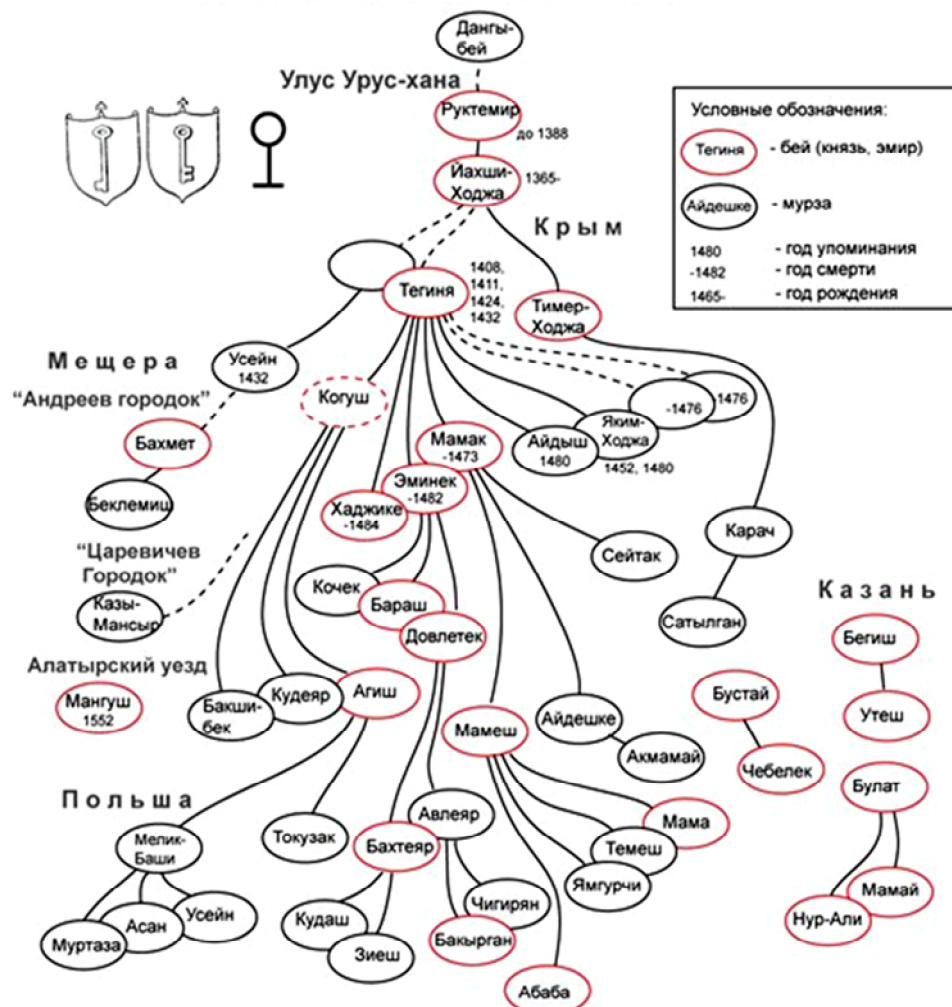
Актуальность исследования деятельности Ширинов обусловлена не только их статусом в крымском обществе XVIII века, но и тем, что их действия во многом предопределили мирный характер присоединения полуострова к России и его последующую судьбу. Их позиция иллюстрирует механизмы взаимодействия традиционных институтов власти с политикой Российской империи в изучаемый период.

Ширин – один из четырех старейших и наиболее влиятельных аристократических родов в Крымском ханстве, наряду с родами Барын, Аргын и Кыпчак, известных как «карачи-беи». Ширины были высшей аристократией Крымского ханства и фактически обладали правом участия в выборах хана, влияя на легитимность его власти.

Беи из рода Ширин нередко выступали в качестве военных командующих и дипломатов. Впечатляющие экономические ресурсы и политический вес делали Ширинов вторыми по значимости после самого хана [11, с. 165].

По свидетельству В.Д. Смирнова, беи из рода Ширин часто выступали не только как военные предводители, но и как политические арбитры, способные сместить или возвести на престол того или иного представителя ханской династии Гираев. Их происхождение связано с потомками степных племен, обладавших значительной военной мощью и политическим

влиянием еще в период формирования Крымского ханства в XV веке. «В нем (в Крыму) завелись уже крупные татарские беи, в роде уже вышеупомянутого Тегене (Тегиня), располагавшие могущественными средствами и силами, которые делали их при случае весьма полезными пособниками или опасными противниками для тех, кто нуждался в чей-либо военной опоре» [10, с. 203–204].

полномочиями. Именно он вёл активные переговоры с российскими представителями, выступая посредником в процессе подготовки к присяге на верность императрице Екатерине II. Его политическая гибкость и умение лавировать между ханскими интересами и требованиями России сыграли ключевую роль в обеспечении мирного перехода полуострова под российскую юрисдикцию.

Мегметша-бей Ширин – один из первых представителей рода, выразивший лояльность Российской империи. По данным А.С. Кравчука, он фигурирует в списках татарской знати, принявшей подданство и поступившей на государственную службу в 1780-х гг. [4, с. 51].

Абдулла-ага Ширин – участвовал в собраниях знати по вопросу признания российской власти в 1783–1784 гг., документы о его службе зафиксированы в фонде № 26 «Канцелярия Таврического губернатора» Государственного архива Республики Крым.

Одновременно с этим другие видные представители рода, такие как Ислам-бей Ширин и Мухаммед-бей Ширин, также участвовали в дипломатических миссиях, что способствовало снижению напряжённости и предотвращению возможных вооружённых столкновений.

Особенно важной фигурой в этот период стал бей рода Ширин Батырша, который участвовал в переговорах с российскими представителями о признании протектората и гарантировании прав знати. Также выделяется фигура Ширин-бея Султанмамета, активно сотрудничавшего с русскими военными при введении гарнизонов в ключевые города Крыма в 1782–1783 гг.

В конце 1770 года хан Каплан II Герар писал русскому генералу П.И. Панину: *«Мы, крымский хан и иные лидеры Крымского государства и мурз клана Ширин (mirzas) вместо того, чтобы подчиняться османам, в настоящее время хотим присягнуть на верность такому правительству, как ваше, которое нам дружественно, и которое позволит следовать нашим древним политическим традициям»* [2, с. 105].

Одним из первых законодательных актов, регулировавших правовое положение Крыма в составе России, стал подписанный Екатериной II 8 апреля 1783 г. манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую Державу...» [7]. В этом документе жителям Крыма обещалось: *«Свято и непоколебимо за Себя и Преемников Престола Нашего содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно; и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те правоты и преимущества, каковыми таковое в России пользуется; напротив чего от благодарности новых наших подданных требуем и ожидаем Мы, что они в счастливом своем превращении из мятежа и неустройства в мир, тишину и порядок законный потщатся верностью, усердием и благонаравием уподобиться древним нашим подданным и заслуживать наравне с ними Монаршую Нашу милость и щедроту»* [6].

Непосредственное участие Ширинов в акте присяги 1783 года стало кульминацией их политической деятельности в этот период. 8 апреля 1783 года представители крымской знати, включая ширин-беев, публично поклялись в верности российской императрице. Это событие закрепило изменение политического суверенитета и начало нового этапа в истории полуострова [8].

Вслед за присягой представители рода начали процесс интеграции в административные структуры Российской империи, однако он имел свои социально-экономические и политико-правовые особенности. Важным аспектом интеграции стала деятельность представителей рода в административных структурах Таврической области. Многие Ширины занимали посты в дворянских собраниях, земских судах и военной администрации. Они стали связующим звеном между коренным населением и имперской властью, способствуя установлению порядка и развитию региона.

Роль рода Ширин в присоединении Крыма к Российской империи в 1783 году представляет собой важный пример успешного взаимодействия местной аристократии с центром имперской власти. Их активное участие в подготовке и проведении присяги, дипломатическая деятельность и последующая интеграция в состав российского дворянства обеспечили мирный переход региона в российское подданство и минимизацию социальных потрясений.

Ширины использовали свои политические позиции, экономические ресурсы и традиционные связи для того, чтобы не только сохранить политическое влияние, но и способствовать формированию нового порядка, отвечающего интересам, как местного населения, так и империи. Это взаимодействие позволило заложить основы стабильности и развития Крыма в составе Российской империи, оставив заметный след в истории региона.

Источники и литература (References):

1. Акчурин М.М. Начальная генеалогия Ширинских князей // Золотоордынское наследие. Вып. 2. 2011. С. 191-202.
2. Алан Фишер. Крымские татары / пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 2. С. 99-128.
3. ГАРК, Ф. 17, Д. 23. Л. 10.
4. Кравчук А.С. Крымские татары в органах управления Таврической губернии в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 47-60.
5. Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. Одесса, 1889. 15 с.
6. Манифест Великой императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани и всей Кубанской стороны к России от 8 апреля 1783 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kro-krim.narod.ru/ZAKON/manifest.htm> (проверено: 29.06.2025).
7. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 21 (1781-1783). № 15708. СПб., 1830.
8. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Ч. 4. Д. 13. Ч.3 Л. 297.
9. Смирнов В.Д. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII вѣка. СПб., Университетская типография, 1887. 824 с.
10. Циганенко Л. Ф. Інкорпорація кримськотатарської аристократії до складу російського дворянства // Записки історичного факультету. 2011. Вып. 22. С. 163-171.

ПЕРВЫЕ КОМАНДИРЫ БРИГА «МЕРКУРИЙ» И ИХ РОЛЬ В ЕГО ИСТОРИИ (1820–1829)¹**THE FIRST COMMANDERS OF THE BRIG MERCURY AND THEIR ROLE IN ITS HISTORY (1820 - 1829)****Абаев Е.А.****Abaev E.A.***Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University, Sevastopol*

Аннотация. В статье изучена роль первых командиров брига «Меркурий»: от спуска его на воду до начала кампании 1829 года. Проанализированы их действия в период командования этим кораблем. Установлено, что список командиров брига «Меркурий», публикуемый, в том числе, официальных ресурсах, является неполным. В ходе проведенного исследования он был дополнен на основании архивных материалов. Сделан вывод, что первоначально командовать экспериментальным бригам назначались наиболее опытные боевые офицеры. Они не только испытали его ходовые качества, но и сформировали слаженный экипаж, благодаря чему в ходе боевых действий Русско-турецкой войны 1828–1829 годов бриг «Меркурий» неизменно действовал эффективно и выходил победителем из всех боестолкновений.

Abstract. The article examines the role of the first commanders of the brig Mercury: from its launch to the beginning of the 1829 campaign. Their actions during the period of command of this ship are analyzed. It is established that the list of commanders of the brig Mercury, published, including, in official resources, is incomplete. In the course of the study, it was supplemented based on archival materials. It is concluded that the most experienced combat officers were initially appointed to command the experimental brig. They not only tested its performance, but also formed a well-coordinated crew, thanks to which, during the military actions of the Russo-Turkish War of 1828-1829, the brig Mercury invariably acted effectively and emerged victorious from all combat episodes.

Ключевые слова: Бриг «Меркурий», И.В. Головин, Л.А. Мельников, А.Г. Конотопцев, А.С. Сунди, С.М. Стройников.

Keywords: Brig «Mercury», I.V. Golovin, L.A. Melnikov, A.G. Konotoptsev, A.S. Sundi, S.M. Stroynikov.

К моменту закладки брига «Меркурий» в боевом составе Черноморского флота был всего один бриг – «Мингрелия» [12, л. 75]. Чтобы исправить это положение, в 1818 году был издан приказ главного командира Черноморского флота вице-адмирала А.С. Грейга построить новую боевую единицу [12, л. 1] под проектным названием «Бриг № 1» [10, л. 99]. Корабельный мастер Иван Яковлевич Осминин [7, с. 649–651], который после окончания Санкт-Петербургского училища корабельной архитектуры провел 4 года в Англии. Там он, как окончивший училище с отличием, совершенствовал свои навыки кораблестроителя. Вернувшись в Россию и прибыв на Черноморский флот, свой первый боевой корабль, тот самый «Бриг № 1», он решил построить по образцам новейших английских бригов – «Скаут» и «Подаргус» [3]. На них был применен новейший, революционный тогда, метод судового набора английского судостроителя Роберта Сеппингса. Современные судомodelисты, считают их прообразами нашего черноморского «Меркурия» [3]. Благодаря этой новинке «Меркурий» получился наиболее остойчивым, но наименее быстроходным бригам на Черноморском флоте.

Проверить это предстояло его первому командиру – опытному 40-летнему моряку, у которого за спиной уже было 18 кампаний, кавалеру Ордена св. Георгия IV степени, Ивану Максимовичу Головину [5, с. 406–407]. Переведен он был вроде бы с понижением – с должности командира фрегата «Воин». Но испытания «Меркурия», со всеми его конструктивными новинками, можно было поручить только такому офицеру – опытному и спокойному. Тем более, что в кампанию 1820 года эскадрой в море командовал лично вице-адмирал Грейг.

¹ Статья создана в рамках реализации гранта Президентского Фонда культурных инициатив «Бриг номер один». Договор № ПФКИ-25-1-011058 от 25.01.2025.

Поэтому никому не хотелось неопытным или неуверенным руководством испортить впечатление о первом боевом корабле мастера Осминина.

После ходовых испытаний брига «Меркурий» Головину присвоили давно заслуженный чин капитана 2 ранга. Хотя насладиться своим новым статусом опытный моряк не успел – в 1823 году он скончался.

Во вторую кампанию, 1821 года, «Меркурий» выводил другой опытный командир – капитан-лейтенант Лука Андреевич Мельников [6, с. 145–147]. Всего года на три младше Головина. Совсем юным гардемаринном он попал на Средиземноморскую эскадру адмирала Ф.Ф. Ушакова. Участвовал во взятии крепости Корфу и многих других дерзких операциях прославленного флотоводца. А было ему тогда всего около 15-ти лет. Двадцатилетним юношей он воевал с французами под командованием адмирала Сенявина. К 30 годам за его плечами было уже три войны, орден св. Георгия IV степени, и колоссальный морской и боевой опыт. В командование «Меркурием» он вступил, не имея и 40 лет от роду, а выслугу уже в 28 лет. Такому капитану можно было доверить любые задания. Именно поэтому под его опытным боевым руководством «Меркурий» вышел на первую боевую службу – к берегам Абхазии, ловить контрабандистов. Среди них периодически попадались английские шпионы, доставлявшие оружие кавказским горцам. Оружие, стрелявшее в русских солдат.

Испытав «Меркурий» в первых двух кампаниях – и в учении, и в бою, можно было передать его в длительное командование, без которого невозможно сформировать крепкий и слаженный экипаж. Сделать это предстояло еще одному Георгиевскому кавалеру – Аристарху Григорьевичу Конотопцеву [7, с. 292–294]. Спустя год, в 1823 году, в его экипаж был зачислен лейтенант Александр Иванович Казарский. О времени командования брига «Меркурий» А.Г. Конотопцевым известно немного. Бриг выполнял крейсерские и дозорные задачи у берегов Абхазии, продолжая успешно противодействовать контрабандистам и диверсантам [7, с. 292–294].

Следующим командиром после А.Г. Конотопцева, согласно сведениям официального сайта Черноморского флота, был Семен Михайлович Стройников [1]. Но это не соответствует действительности. В Приложении 1 к настоящей статье приведен уточненный список командиров брига «Меркурий», который состоит из 17 человек. В список добавлены: капитан-лейтенант Анастасий Спиридонович Сунди¹ [8, с. 271–272] (1826), лейтенант (с 11.09.1829 капитан-лейтенант) Алексей Иванович Рогуля [8, с. 126–127] (1829), лейтенант Николай Павлович Макухин [9, с. 628–630] (1850). Нельзя исключать, что список еще будет уточнен и актуализирован в будущих исследованиях.

В фондах РГАВМФ мною найден рапорт командира брига «Меркурий», датированный 11 июля 1826 года. Под рапортом подпись «*капитан-лейтенант Сунди*» [13, л. 1]. По всей видимости, после А.Г. Конотопцева, которого перевели командовать фрегатом «Штандарт» [7, с. 292–294], командиром брига стал именно Анастасий Спиридонович. В рапорте командир «Меркурия» отчитывается вице-адмиралу Алексею Самуиловичу Грейгу о том, что готов выйти на бриге к эскадре «для практики и эволюций», а также о том, что караул его императорского величества на бриге обстоит благополучно и больных не имеется [13, л. 1]. На обороте рапорта, как полагается, подробный отчет об офицерах и нижних чинах брига, а также о запасах провизии. К сожалению, на данный момент больше ничего о его командовании неизвестно. Примечательно и то, что в Общем морском списке отсутствует упоминание о том, что А.С. Сунди командовал брига. Поэтому, исходя из одного рапорта, невозможно установить: командовал ли он брига весь год или был назначен на одно практическое плавание (летнюю учебную кампанию).

Доподлинно известно, что следующим командиром брига «Меркурий» стал опытный 46-летний капитан-лейтенант Семен Михайлович Стройников [8, с. 260–262]. Суть задач, которые выполнял бриг, от смены командира не изменилась. По результатам масштабного смотра флота в конце 1827 года состояние «Меркурия» и его боеспособность были признаны отличными [2, с. 170]. В начале кампании против Османской империи в 1828 году, бриг в составе Черноморского флота выдвинулся к Анапе для проведения десантной операции и захвата крепости. Сразу по прибытии А.С. Грейг отправил его крейсировать вдоль берега к югу от Анапы – для предотвращения вражеского десанта. После захвата брига «Ганимед» транспортного судна с десантом и получения от пленников сведений о том, что вместе с ними были отправлены еще три судна с десантом, командир «Меркурия» С.М. Стройников остался крейсировать у берега в надежде перехватить и остальные суда.

Через три дня, действуя вместе с брига «Ганимед», «Меркурий» захватил два неприятельских судна и привел к эскадре. Пленный турецкий десант С.М. Стройников отконвои-

¹ Публикуется впервые.

ровал в Керчь. Там же присоединился к эскадре вице-адмирала Фомы Фомича Мессера, который был командиром над Севастопольским портом и приходился тестем Семену Михайловичу Стройникову. Находясь под командой именитого родственника, Стройников на «Меркурии» перешел в Севастополь, оттуда – к болгарскому мысу Калиакрия, участвовал в осаде ключевой турецкой крепости на балканском берегу Черного моря – Варны. За взятие Анапы, командир «Меркурия» капитан-лейтенант С.М. Стройников был награжден Орденом Святой Анны 2-й степени без украшений [4, с. 65].

За мужество и героизм, проявленные при осаде Варны, капитан-лейтенанта Стройникова произвели в капитаны 2 ранга. Похоронив внезапно скончавшегося тестя (вице-адмирала Мессера), он принял командование новейшим фрегатом «Рафаил», спущенным на воду на верфи Севастопольского адмиралтейства в том же 1828 году. В новой кампании 1829 года командование брига «Меркурий» было возложено на молодого и подающего большие надежды капитан-лейтенанта Александра Ивановича Казарского [7, с. 198–200].

Таким образом, первые командиры брига «Меркурий» на практике доказали, что эксперимент И.Я. Осминина, применившего укрепляющий конструкцию судна метод Сеппингса, удался. Первые практические и боевые плавания, хоть и продемонстрировали недостаточность скоростных характеристик брига, доказали крепость его конструкции и устойчивость к высокой волне. Когда бригу было поручено выполнять реальные боевые задачи на восточном побережье Черного моря, он отлично справлялся со своими обязанностями. Особенно показательным в этом плане является командование брига «Меркурий» С.М. Стройникова, когда Черноморский флот за одну кампанию захватил две ключевых османских крепости (на Кавказе и Балканах), и бриг «Меркурий» сыграл в этих победах важную роль.

Источники и литература (References):

1. Бриг «Меркурий» // Официальный сайт Черноморского флота. URL: <https://www.kchf.ru/ship/parus/brig/merkuriy.htm?ysclid=lltzm9ncj275087129>
2. Гребенщикова Г.А. Российский флот при Николае I // СПб.: ИТД «Остров», 2014. 800 с.
3. Лекарев Г.В., Балашов М.Г., Жибоедов В.В. Воссоздание теоретического чертежа реплики исторического брига «Меркурий» // Судостроение. История судостроения и флота. 2024. № 6 (877). С. 79–85.
4. Мелихов В.И. Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турциею, в 1828 и 1829 годах (сочинение вице-адмирала В.И. Мелихова) // Морской сборник. 1850. Т. III. № 6. 350 с.
5. Общий морской список. Царствование Екатерины II. А-К. Ч. 3. СПб.: Тип. В. Демакова 1890. 606 с.
6. Общий морской список. Царствование Павла I и царствование Александра I. А-Г. Ч. 6. СПб.: Тип. Морского м-ва 1892. 656 с.
7. Общий морской список. Царствование Александра I. Д-О. Ч. 7. СПб.: Тип. Морского м-ва 1893. 664 с.
8. Общий морской список. Царствование Александра I. П-Ф. Ч. 8. М.: Тип. Морского м-ва 1894. 639 с.
9. Общий морской список. Царствование Николая I. Д-М. Ч. 10. СПб.: Тип. Морского м-ва 1898. 755 с.
10. Общий морской список. Царствование Николая I, Н-С. Ч. 11. СПб.: Тип. Морского м-ва, 1900. 608 с.
11. Общий морской список. Царствование Николая I. Т-Ю. Ч. 12. СПб.: Тип. Морского м-ва 1900. 456 с.
12. РГАВМФ. Ф. 1047. Оп. 1. Ед.Хр. 334.
13. РГАВМФ. Ф. 1047. Оп. 1. Ед.Хр. 942.

Полный список командиров брига «Меркурий»

(по Общему Морскому списку)

Годы	Командир	Участие в кампаниях [1]
1820	Капитан-лейтенант Иван Максимович Головин [5, с. 406–407].	В составе эскадры вице-адмирала А. С. Грейга находился в практическом плавании в Черном море
1821	Капитан-лейтенант Лука Андреевич Мельников [6, с. 145–147].	В составе отрядов ЧФ крейсировал у берегов Абхазии
1822–1826	Капитан-лейтенант Аристарх Григорьевич Конотопцев [7, с. 292–294].	В составе отрядов ЧФ крейсировал у берегов Абхазии
1826	Капитан-лейтенант Анастасий Спиридонович Сунди [8, с. 271–272].	Практические плавания и эволюции с эскадрой в акватории Черного моря.
1826–1828	Капитан-лейтенант Семён Михайлович Стройников [8, с. 260–262].	В составе отрядов крейсировал у берегов Абхазии. 21.04.1828 г. с эскадрой вице-адмирала А. С. Грейга вышел из Севастополя и 02.05 прибыл к Анапе. 05.05 с отрядом был отправлен в крейсерство у Кавказского побережья. 08.05 у Суджук-Кале взял в плен турецкое судно с десантом до 300 человек и привел его к флоту, затем конвоировал пленные суда в Керчь. 15.05 с отрядом вице-адмирала Ф. Ф. Мессера ушел от Анапы в Севастополь, а затем к м. Калиакра. До 08.1828 г. крейсировал у Варны, ходил в Одессу с донесениями, сопровождал фрегат "Флора", который доставил в Одессу Е.И.В. Николая I. 27.08 ушел в Севастополь "для исправлений", затем находился в крейсерстве у берегов Абхазии.
1829 до 25.05.	Капитан-лейтенант Александр Иванович Казарский [7, с. 198–200].	В апреле 1829 г. прибыл к флоту, стоявшему у Сизополя, и 21.04 с отрядом вышел к пр-ву Босфор. Не обнаружив турецкого флота, русские суда 07.05 вернулись в Сизополь. 12.05.1829 г. бриг "Меркурий" в составе отряда (фрегат "Штандарт" и бриг "Орфей") вышел к проливу Босфор. 14.05, встретив турецкую эскадру, "Штандарт" и "Орфей" оторвались от преследования, "Меркурий" же был настигнут двумя турецкими кораблями (110-пушечный "Селимие" под флагом капудан-паши и 74-пушечный "Реал-бей" под флагом младшего флагмана). Воспользовавшись штилем, на веслах он начал уходить от неприятеля, но ветер засвежел и турецкие корабли, догнав бриг, открыли огонь из погонных орудий. Артиллеристы "Меркурия" вели огонь по рангоуту и такелажу противника. Было решено взорвать бриг в случае невозможности уйти от неприятеля. Бой длился 4 часа. Получив значительные повреждения, турецкие корабли прекратили преследование. Потери на "Меркурии" составили: 4 убитых и 8 раненых. Бриг получил 22 пробоины в корпусе, 16 повреждений рангоута и 148 такелажа, а также 133 пробоины в парусах. 15.05 он встретился с эскадрой, вышедшей из Сизополя ему на помощь. Бриг был отправлен в Сизополь "для исправлений", а 30.05 ушел в Севастополь на ремонт.
1829 с 26.05	Капитан-лейтенант Степан Алексеевич Стерленгов [8, с. 250–251].	
1829	Лейтенант (с 11.09.1829 капитан-лейтенант) Алексей Иванович Рогуля [8, с. 126–127].	Указом Е.И.В. Николая I от 28.07.1829 г. бриг "Меркурий" был награжден Георгиевским флагом. Завершив ремонт, 16.07 он прибыл к Сизополю. Ходил в крейсерство у Сизополя и к пр-ву Босфор. 05.09 в связи с объявлением мира был отправлен к Синопу и Трапезунду для возвращения крейсирующих там отрядов, после чего ушел в Севастополь.

Годы	Командир	Участие в кампаниях [1]
1830–1832	Капитан-лейтенант Мефодий Петрович Панютин [8, с. 16–17].	В составе отрядов и эскадр действовал у Кавказского побережья. 30.07.1830 г. задержал у Сухум-Кале турецкое судно с пушками и боеприпасами. 23.07.1831 г. в составе отряда капитана 2 ранга Г. И. Немтинова доставил десант из Анапы в Геленджикскую бухту. 25–27.07 суда отряда обстреливали укрепления горцев, затем высадили десант.
1833–1834	<i>Бриг стоял в Севастопольском порту, видимо, без экипажа [1].</i>	
1835–1838	Капитан-лейтенант Фёдор Михайлович Новосильский [7, с. 623–626].	В составе отрядов и эскадр действовал у Кавказского побережья
1838–1840	Капитан-лейтенант Николай Павлович Вульф [6, с. 579–581].	составе отрядов и эскадр действовал у Кавказского побережья. "Меркурий" участвовал в создании Кавказской укрепленной береговой линии: высаживал десанты, основавшие укрепления в устьях рек Сочи (13.04.1838 г., с эскадрой контр-адмирала Ф. Г. Артюкова), Туапсе (12.05.1838 г., с эскадрой вице-адмирала М. П. Лазарева), Псезуапсе (07.07.1839 г., с эскадрой контр-адмирала С. П. Хрущева) и Субаши (03.05.1839 г., с эскадрой вице-адмирала М. П. Лазарева).
1840–1848	Капитан-лейтенант Николай Иванович Казарский [7, с. 201–202].	В составе отрядов и эскадр действовал у Кавказского побережья. 08–10.10.1841 г., находясь в составе отряда контр-адмирала М.Н. Станюковича, содействовал продвижению войск генерала И. Р. Анрепа от Адлера до Сочи.
1849	Капитан-лейтенант Николай Михайлович Соковнин [10, с. 558–561].	
1850	Лейтенант Николай Павлович Макухин [9, с. 628–630].	
1850–1851	Капитан-лейтенант Николай Егорович Каландс [9, с. 274–275].	
1852–1853	Капитан-лейтенант Константин Яковлевич Явленский [11, с. 443–444].	В составе отрядов и эскадр действовал у Кавказского побережья.
1854–?	Капитан-лейтенант Сергей Фаддеевич Загорянский-Кисель [9, с. 153–155].	В период обороны Севастополя в 1854–1855 гг. корпус брига использовался как понтон при наведении моста через Южную бухту. В 1856 году увенен в Николаев, где использовался в качестве блокшива - плавучего склада. 09.11.1857 г. приказом генерал-адмирала № 180 бриг "Меркурий" из-за крайней ветхости всех строений исключен из списков флота и разобран.

«ПОВОЛЖСКИЙ ВОЯЖ» А.И. КАЗАРСКОГО В 1831–1832 ГОДАХ: ЦЕЛИ, ХОД И ИТОГИ¹

"THE VOLGA VOYAGE" OF A.I. KAZARSKY IN 1831-1832: GOALS, PROGRESS AND RESULTS

Хапаев В.В.
Khapaev V.V.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University, Sevastopol

Аннотация. В статье, на основе материалов федеральных архивов России, изучены цели, ход и итоги инспекционной поездки флигель-адъютанта императора Николая I Александра Ивановича Казарского в ноябре 1831 – феврале 1832 года. Установлено, что А.И. Казарскому было поручено проверить состояние тюрем, больниц и тюремных лазаретов в черноземных и поволжских губерниях России. Рапорты А.И. Казарского направлялись непосредственно шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, а тот докладывал их содержание императору, получая указания об исправлении выявленных Казарским недостатков и (хотя далеко не всегда) наказании виновных. Сделан вывод, что А.И. Казарский отнесся к этому поручению, непрофильному для него как военного моряка, со всей ответственностью. Проявил деловую хватку и принципиальность. Его всенародная слава героя русско-турецкой войны и любимца императора также способствовала успеху дела. Поручения, которые доверяли А.И. Казарскому после этой поездки, становились все более ответственными и важными для государства.

Abstract. The article, based on materials from the federal archives of Russia, examines the goals, progress and results of the inspection trip of the aide-de-camp of Emperor Nicholas I Alexander Ivanovich Kazarsky in November 1831 – February 1832. It was established that A.I. Kazarsky was instructed to inspect the condition of prisons, hospitals and prison infirmaries in the black earth and Volga provinces of Russia. A.I. Kazarsky's reports were sent directly to the chief of the gendarmes A.Kh. Benckendorff, who reported their contents to the emperor, receiving instructions on correcting the shortcomings identified by Kazarsky and (although not always) punishing the guilty. It is concluded that A.I. Kazarsky treated this assignment, which was not his specialty as a naval officer, with full responsibility. He demonstrated business acumen and integrity. His nationwide fame as a hero of the Russo-Turkish War and a favorite of the emperor also contributed to the success of the matter. The assignments that were entrusted to A.I. Kazarsky after this trip became increasingly responsible and important for the state.

Ключевые слова. Александр Иванович Казарский, флигель-адъютант, инспекция, больницы, тюрьмы, лазареты, Поволжье, Черноземье.

Keywords. Alexander Ivanovich Kazarsky, aide-de-camp, inspection, hospitals, prisons, infirmaries, Volga region, Black Earth region.

Александр Иванович Казарский знаменит, в первую очередь, как командир брига Черноморского флота «Меркурий», который вышел победителем из неравного боя с двумя турецкими линейными кораблями 14(26) мая 1829 года. За этот подвиг бриг (первым и единственным на Черноморском флоте) был награжден по указу императора кормовым Георгиевским флагом, весь экипаж был поощрен пожизненной пенсией в размере двойного оклада, офицеры произведены в следующие чины и награждены орденами. Командир брига был произведен во флигель-адъютанты императора. Все это – общеизвестные факты, неоднократно описанные и в научной, и в публицистической литературе.

Однако деятельность Александра Ивановича в качестве флигель-адъютанта известная гораздо меньше, хотя сведения об это содержатся в большом количестве документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве Военно-Морского флота.

Эта сторона деятельности черноморского героя еще не изучалась в историографии. Единственное исключение – статья московского историка Л.В. Ульяновой, в которой этот вопрос был затронут кратко, в числе прочих [10, с. 36–38].

¹ Статья создана в рамках реализации гранта Президентского Фонда культурных инициатив «Бриг номер один». Договор № ПФКИ-25-1-011058 от 25.01.2025.

В течение полугода (с июня по ноябрь 1831 года) А.И. Казарский, тогда капитан 2 ранга, возглавлял карантинный караул в Петергофе и новой императорской резиденции Александрия [2, л. 107об.], выставленный в связи со вспышкой эпидемии холеры. Его дальнейшие назначения и перемещения стали возможно лишь после отмены карантина. Газета «Северная пчела» в статье от 7(19) ноября 1831 года написала об этом так: «С чувством искреннего удовольствия и благоговейной признательности к Всеблагу Провидению, извещаем читателей наших о совершенном прекращении холеры в здешней столице» [9, с. 1].

Сразу же по окончании карантина Казарский получил первое полностью самостоятельное поручение в качестве флигель-адъютанта – совершить большую инспекционную поездку по приволжским и черноземным губерниям. Через 3 дня после снятия карантинных ограничений, 10(22) ноября, Александр Иванович отправился в путь [1, л. 1].

Перемещения Казарского были стремительными (видимо, снежный покров в ту зиму оказался устойчивым, а санный путь легким). Л.В. Ульянова описывает поездку так: «За ноябрь – декабрь 1831 года Казарский побывал в Покрове..., Судогде и Муроме Владимирской губернии, Сызрани и Буинске Симбирской губернии, Нижнем Новгороде и Василии Сурском, Чебоксарах и Свияжске, Саратове» [10, с. 36]. Инспекция не закончилась в декабре 1831 года. Продолжалась она и в январе, и в феврале 1832 г.

Суть полученного Казарским «особого», т.е. полученного «от особы императора» поручения, была проста. Он должен был посетить по маршруту следования тюрьмы и больницы, осмотреть их и доложить, в каких условиях содержатся арестанты и пациенты [3], [4], [5], [6], [7].

Донесения он направлял лично шефу жандармов Александру Христофоровичу Бенкендорфу, а тот докладывал Николаю I [10, с. 38], который налагал соответствующие резолюции или изрекал свою волю устно. От статс-секретаря, товарища¹ министра внутренних дел Николая Петровича Новосильцева Бенкендорф требовал конкретных мер реагирования. Хранящееся в ГА РФ небольшое дело² «О сделанных флигель-адъютантом Казарским в проезде его через разные губернии замечаниях о злоупотреблениях и беспорядках» [1] позволяет подробнее узнать, какие «злоупотребления и беспорядки» выявил наш герой, и какие меры по их преодолению приказано было принять.

Из каждого посещенного Казарским города граф Бенкендорф получал донесение, которое немедленно направлялось «в работу». Уже 19(31) ноября Н.П. Новосильцеву шеф жандармов направил первую выписку из рапорта Казарского для принятия мер реагирования [1, л. 2]. 21 ноября (3 декабря) Николай I получил «всеподданнейший доклад» об осмотре Казарским больницы и тюремного замка в Нижнем Новгороде [1, л. 3]. На следующий день – о состоянии больницы и помещений арестантских рот в уездном городе Василь-Сурске Нижегородской губернии [1, л. 4].

3(15) декабря 1831 года Владимирский гражданский губернатор Иван Эммануилович Курута уже докладывал Бенкендорфу об устранении замечаний, выявленных Казарским в лазарете и больнице при остроге уездного города Покров, стоящего на полпути из Москвы во Владимир. Этот доклад наглядно показывает, в какие хозяйственные мелочи умудрялся в короткий срок вникнуть Александр Иванович, а следом за ним – те, кому предстояло устранить выявленные изъяды. Привожу его полностью.

«Милостивый государь Александр Христофорович!

Московский военный генерал-губернатор³ сообщил мне выписку из доставленных ему от вашего высокопревосходительства замечаний флигель-адъютанта Казарского по городу Покрову для надлежащего со стороны моей распоряжения. По состоянию упомянутого города в управляемой мною губернии в замечаниях господина Казарского объяснено, что помещение лазарета в Покрове неудобно, а белья недостаточно и не имеется суконных одеял, как при оном, так и в больнице при остроге, и что пересыльные арестанты, будучи продовольствуемы от одного продавца, который доставляет припасы по ценам, высшим противу существующих в городе, не могут иметь по дороговизне в оных ничего другого, кроме хлеба и воды. По сведениям, как имеющимся в делах моих, так и истребованных ныне от местного начальства, открылось следующее. Градская больница в Покрове для избежания напрасных от казны расходов, помещается в общественном доме, который по расположению своему и по неимению во всем городе других ни казённых, ни общественных строений,

¹ В Российской империи словом «товарищ» назывался заместитель начальствующего лица.

² Авторы выражают признательность Л.В. Ульяновой за помощь в выявлении этого дела в фондах ГА РФ.

³ В это время должность Московского военного генерал-губернатора занимал князь Дмитрий Васильевич Голицын. Письмо попало к нему, видимо, потому что в Московской губернии тоже были населенные пункты с названием Покров – одно село и 4 деревни. Но поскольку в рапорте речь шла о городе, документ переправили в соседнюю Владимирскую губернию, в которой город Покров находился на самой границе с Московской губернией.

представляется довольно изрядным, и которое сверх того в будущем лете предположено исправить на счёт Комиссариата¹.

Вещей в сей больнице, при последнем обозрении моем города Покрова, состояло: рубах 20, колпаков 15, чулок 15, простынь 18, наволочек на подушках 18, одеял зимних 8, летних 10, пододеяльников 9, тюфяков 10, салфеток 14, полотенцев 8, халатов зимних 10, и 8 летних. [Поскольку] Больных в сей больнице ни в каком случае не может быть более 10 человек, то в то же время сделано со стороны моей распоряжение о постройке вдобавок означенных вещей: рубах 10, колпаков 5, халатов летних 2, одеял зимних 2, пододеяльников 12, простынь 2, наволочек 2, полотенцев 2 и чулок 5 пар. Что же относится до продовольствия пересыльных арестантов, то по весьма малому числу людей, торгующих в Покрове съестными припасами, приносит иногда один из тамошних мещан к острогу для продажи по умеренной таксе, доставляемой в общем присутствии градской полиции и думы при уездном стряпчем, но не воспрещается арестантам покупать оные и у других торговцев» [1, л. 7–8].

4 (16) декабря датирован «всеподданнейший доклад» А.И. Казарского о состоянии тюрем и госпиталей в Чебоксарах и Свияжске [1, л. 5]. Через 11 дней товарищ министра внутренних дел Н.П. Новосильцев получил от А.Х. Бенкендорфа указание: «Его Величество государь император высочайше повелеть мне изволил препроводить к вашему превосходительству прилагаемую при сем выписку из донесения флигель-адъютанта его величества капитана второго ранга Казарского о состоянии осмотренных им в Чебоксарах и Свияжске тюрем и госпиталей к тому, чтобы вы, милостивый государь, сделали чебоксарскому городничему выговор за оказавшийся в тамошней больнице беспорядок» [1, л. 9].

Ответная реакция тех, кому адресовались доклады, учитывая скорость тогдашних перемещений и доставки даже фельдъегерской почты, была молниеносной. По рапортам Казарского от 21 и 22 ноября (3–4 декабря), уже 8 (20) декабря А.Х. Бенкендорф уведомил Н.П. Новосильцева о состоянии больниц и острогов в городах Василь-Сурск и Нижний Новгород с требованием устранить выявленные нарушения.

Особого внимания всех, кто был вовлечен в эту инспекцию и реагирование на ее результаты, удостоился Саратовский тюремный замок, построенный в 1827 году. Он выполнял не только функцию губернского острога, но и был пересыльной тюрьмой: через него проходил «этап» транспортировки осужденных из центральных губерний в Сибирь. Поэтому об устранении обнаруженных Казарским замечаний в этом заведении, имевшем общеимперское значение, 18(30) января 1832 г. графу Бенкендорфу докладывал один из его ближайших подчиненных и соратников – исправляющий должность начальника пятого округа Корпуса жандармов, включавшего в себя большую часть империи, в том числе Сибирь, полковник Александр Петрович Маслов [1, л. 9, 12]. Вот, что он пишет.

«Состоящий в Саратовской губернии корпуса жандармов майор Быков доносит, что господин флигель-адъютант Казарский, при осмотре Саратовского тюремного замка, нашёл следующее беспорядки.

1) Тесное помещение арестантов в казармах, происходящее от задержания пересыльных в Сибирь и другие места, потому что канцелярия губернского правления несвоевременным требованием кормовых денег пропустила этапный день.

2) В тюремной больнице не имеется оловянной посуды и не соблюдается должной чистоты.

3) Некоторые арестанты объявили, что они имеют различные жалобы, но принести их не знают кому, ибо губернского прокурора давно уже они не видят, которого в присутствии господина флигель-адъютанта Казарского, в том уличили.

4) По расспросу арестантов и кашеваров о припасах, выдаваемых для варенья пищи, и по соображении с расходом, записываемым в книгу, господин-флигель адъютант Казарский открыл, что от круп и постного масла смотритель имеет выгоды ежедневно по 6 руб., а сверх того и доброходное подаяние записывается в книгу не в том количестве, в каком его приносят, ибо по книге более 30 калачей в сутки никогда не поступало, а в день осмотра тюремного замка господином Казарским оных собрано до 60.

5) Употребляемый арестантами в пищу хлеб найден с песком.

Сии беспорядки и злоупотребления тюремного смотрителя господин флигель-адъютант довел до сведения господина исправляющего должность Саратовского гражданского губернатора² и поставил на вид губернскому прокурору. Вследствие того, по распоряжению первого, пересыльные арестанты отправлены из Саратова по принадлежности, а смотритель удален от должности, и место его поручено другому чиновнику под строгим

¹ Комиссариат – административная единица в составе уезда при Александре I.

² В этот период должность занимал Федор Лукич Переверзев.

наблюдением исправляющего должность Саратовского полицмейстера, как в отношении пищи и чистоты, так и верной записи доброходного подаяния, о чем вашему высокопревосходительству представить честь имею» [1, л. 10–12].

Нарушения такого рода Казарский находил везде, куда приезжал. И, как видим, на основе его рапортов делались немедленные оргвыводы. Например, посещая в январе 1832 г. уездный город Петровск Пензенской губернии, Казарский выявил при осмотре местной больницы, что «в *финансовой книге* последняя запись была внесена в апреле 1831 года» [8, с. 92]. На сведения об этом император отреагировал так: «чтобы с виновных было немедленно и строго взыскано» [8, с. 92].

На основании вышеизложенного можно заключить, что острый глаз, неутомимость и кристальная честность Александра Ивановича Казарского в качестве ревизора, в сочетании с ореолом народного героя, давали блестящий результат: арестантов переставали обворовывать (хотя бы на время), больным шили новые простыни, колпаки и халаты, обитателей «казенных домов» начинали лучше кормить. А городничие и губернские прокуроры вдруг вспоминали о своих прямых обязанностях. Из сохранившихся в федеральных архивах документов видно, что начальство (в том числе император) Казарским, по итогам его «поволжского вояжа» осталось очень довольным.

Источники и литература (References):

1. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 688. Л. 1.
2. РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 101.
3. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 930.
4. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 939.
5. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 946.
6. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 949.
7. РГИА. Ф. 1341. Оп. 263. Д. 64.
8. Романов В.В., Абдрахманова Е.Р. Противодействие местных подразделений корпуса жандармов политической полиции должностным проступкам и преступлениям в российской империи в 1826—1860 гг. // Симбирский научный вестник. 2014. № 2(16). С. 85–94.
9. Северная пчела. 07.11.1831. № 253. С. 1.
10. Ульянова Л.В. Александр Казарский. Увидеть в герое человека // Ульянова Л.В. Севастополь. История страны в лицах. СПб.: Алетейя, 2022 С. 29–47.

**КРЫМСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИАЗОВЬЯ (ПО
ИТОГАМ КРУГЛОГО СТОЛА ЦЕНТРА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ
ДОНЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, 11 ИЮЛЯ 2025 Г.)**

**THE CRIMEAN WAR IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE RESIDENTS OF THE AZOV
REGION (ACCORDING TO THE RESULTS OF THE ROUND TABLE OF THE CENTER FOR
ETHNOPOLITICAL REHABILITATION OF DONETSK STATE UNIVERSITY, JULY 11, 2025)**

**Николаев Ю.Б., Онопко О.В., Руденко М.В.
Nikolaev Yu.B., Onopko O.V., Rudenko M.V.**

*Донецкий государственный университет, г. Донецк
Donetsk State University, Donetsk*

Аннотация. Авторы анализируют результаты круглого стола, проведенного Центром этнополитической реабилитации Донецкого государственного университета. Мероприятие стало первым в 2025 г. в новых субъектах Российской Федерации, посвященным событиям Крымской войны на Азовском море. Определены особенности актуального состояния исторической памяти жителей Приазовья о Крымской войне. Предложены меры, направленные на мемориализацию ее истории в регионе.

Ключевые слова: Крымская война, историческая память, Приазовье, меморизация, коммеморативные практики.

Abstract. The authors analyze the outcomes of a round table organized by the Center for Ethnopolitical Rehabilitation of Donetsk State University. This event marked the first commemoration of the Crimean War in the Azov Sea region held in 2025 within the new constituent entities of the Russian Federation. The study identifies key characteristics of the current state of historical memory among Azov region residents regarding the Crimean War and proposes measures to memorialize its history.

Key words: Crimean War, historical memory, Azov region, memorialization, commemorative practices.

На Украине исторические исследования по теме участия жителей Приазовья в защите родных берегов от англо-французских сил в годы Крымской войны и, в частности, подчеркивающие особую роль в данном процессе представителей донского казачества, не могли иметь широкой поддержки. Они противоречили общему европейскому и евроатлантическому внешнеполитическому курсу страны. Кроме того, по словам М.А. Шепелева, научным исследованиям и историческому просвещению в данной сфере препятствовала «академическая колонизация» [4, с. 999] украинской исторической науки, воспроизводившей западные антироссийские нарративы. Долгие годы усилиями украинской националистической пропаганды в исторической памяти жителей Донбасса, Запорожья и Херсонщины целенаправленно формировалось мифологизированное представление о Крымской войне как о «чужом» конфликте, который якобы не имеет никакого отношения к данным регионам.

Для выработки мер по преодолению последствий такой политики памяти Центром этнополитической реабилитации Донецкого государственного университета 11 июля 2025 г. в г. Новоазовске Донецкой Народной Республики был проведен круглый стол «Крымская война в исторической памяти жителей Приазовья», приуроченный к 170-летию боя у Кривой Косы – событию, которое является ярким подтверждением русской истории Приазовья и важным аргументом в противодействии украинской пропаганде.

Само событие и значимая памятная дата, давшие повод к проведению круглого стола, имеют большое значение для истории Приазовья. Этот яркий эпизод противостояния на берегах Азовского моря произошел 12(24) июля 1855 года у Кривой Косы (намывная песчаная коса на территории современного Новоазовского муниципального округа ДНР, у ее основания расположен поселок Седово). Тогда донские казаки обнаружили севшую на мель английскую винтовую канонерскую лодку «Джаспер» и навязали ее экипажу стрелковый бой, вынудив английских матросов прекратить попытки снять корабль с мели и спасаться бегством. Затем казаки сняли с вражеского парохода два флага, две медные 24-фунтовые гаубицы, боеприпасы, отдельные части паровой машины. Кроме того, добычей донцов стали табличка с надписью «Джаспер» и одномачтовый баркас, на борту которого оказались

сигнальные книги, использовавшиеся англичанами и французами. Следствием этого стала вынужденная замена союзниками полного свода кодов. Два дня спустя донские казаки во главе с отставным подполковником Македонским доставили захваченные орудия и неприятельские флаги в Таганрог и провезли их по улицам города. По случаю одержанной победы по приказу генерал-лейтенанта Краснова на Соборной площади прошел торжественный парад, а в Успенском храме отслужили благодарственный молебен [2].

Организаторы круглого стола стремились провести научную систематизацию и выявить особенности коллективных представлений о Крымской войне, существующих в исторической памяти жителей Приазовья, а также определить возможности меморизации ее истории для укрепления в регионе русской национальной и общероссийской гражданской идентичности. К участию в мероприятии были приглашены сотрудники научно-исследовательских и образовательных организаций, историки, политологи, краеведы, чьи интересы связаны с обсуждаемой тематикой, а также вопросами исторической политики в России. Соорганизаторами круглого стола выступили Донецкое региональное отделение Российской ассоциации политической науки, Региональное отделение Российского военно-исторического общества в Донецкой Народной Республике, Региональное отделение Российского исторического общества в Донецкой Народной Республике, Отделение Русского географического общества в Донецкой Народной Республике. Это придало площадке уникальный для региона экспертный статус, поскольку она объединила представителей всех активных в Донбассе профессиональных сообществ ученых, чьи научные интересы лежат в области исторических и социальных наук. В частности, в круглом столе приняли участие более 30 ученых, музейных работников, преподавателей истории, политологов и краеведов из Донецка, Мариуполя, Новоазовска, Севастополя и Таганрога.

Символично, что мероприятие началось с такой коммеморативной практики, как возложение цветов к памятнику донским казакам – основателям Новоазовска. Город был основан в 1849 году как станица Новониколаевская Войска Донского, а буквально несколько лет спустя после возникновения населенного пункта казакам с оружием в руках пришлось защищать свою малую родину от англо-французских захватчиков.

Приветственный адрес участникам направил заместитель Председателя Правительства ДНР, председатель регионального отделения РВИО В.В. Ежигов. Он подчеркнул важность сохранения памяти о событиях Крымской войны для укрепления общероссийской гражданской идентичности жителей Приазовья: *«Этот бой, состоявшийся в далеком 1855 году, стал настоящим символом героизма и мужества наших солдат, проявивших беспримерное стремление к защите Отечества. Приазовье, как географический и исторический контекст этого события, неразрывно связано с судьбой нашей страны»* [1].

Открыл круглый стол специальный пленарный доклад «Гибель Джаспера», который сделал А.В. Миргородский – автор монографии «Крымская война на Азовском море» [3]. Он уже более тринадцати лет изучает историю обороны Приазовья от англо-французской эскадры в годы Крымской войны и приложил немало усилий для сохранения памяти о подвиге защитников Таганрога. Содействует появлению целого ряда тематических информационных материалов и коммеморативных практик, в том числе и проведению масштабных военно-исторических реконструкций обороны города в июне 1855 г. Поэтому именно Таганрог в наши дни может выступать достойным примером сохранения на муниципальном уровне исторической памяти о Крымской войне для всех городов Приазовья.

На круглом столе прозвучало более десяти докладов, посвященных самым разным аспектам исторической памяти о Крымской войне: ее цивилизационному измерению, реализации политики памяти в новых субъектах РФ, коммеморативным практикам, роли российского казачества в обороне Приазовья, Крымской войне в британской художественной литературе, идеологическим представлениям о России в западной историографии, актуализации исторической памяти как средства формирования общероссийской гражданской идентичности, отражению Крымской войны в настольном варгейминге и т.д.

Анализируя вышеуказанные доклады участников круглого стола, можно выделить следующие особенности исторической памяти жителей Приазовья о Крымской войне.

1. Крайне локальная героизация событий – отсутствие общего для региона героического исторического нарратива. В памяти жителей Приазовья героизированы эпизоды сопротивления англо-французскому десанту, такие как бой у Кривой Косы, оборона Таганрога, Геническа и Петровской крепости. Эти события воспринимаются как символы стойкости и патриотизма местного населения, несмотря на неравенство сил. При этом они существуют независимо друг от друга, на уровне локальной, а не региональной истории. Сохраняется связь с общероссийской историей – в отличие от навязываемого ранее украинской пропагандой нарратива о «чужой войне», участники круглого стола подчеркивали, что, по их наблюдениям, Крымская война в Приазовье воспринимается жителями региона как неотъемлемая

часть общегосударственной борьбы за защиту южных рубежей России, а ее герои – казаки, ополченцы и регулярные войска – воспринимаются как предшественники современных защитников Донбасса и Новороссии.

2. Антиколониальная интерпретация. В докладах отмечалось, что действия англо-французской эскадры в Азовском море (бомбардировки и разграбление мирных городов, блокада торговых путей) рассматриваются жителями региона как проявление колониальной агрессии Запада против России, что создает исторические параллели с современными событиями.

3. Роль устной истории и семейных преданий. Несмотря на долгие годы замалчивания, в ряде районов Приазовья сохранились воспоминания о событиях Крымской войны, передаваемые из поколения в поколение. Эти нарративы противоречат официальной украинской историографии, акцентируя роль местного населения в сопротивлении иностранным захватчикам, а потому нуждаются в поддержке.

4. Мемориальный вакуум и его преодоление. Участники круглого стола констатировали, что в Донбассе и Новороссии до 2014 г. практически отсутствовали памятники и тем более музеи, посвященные событиям Крымской войны, а ее герои упоминались sporadично и лишь в контексте «украинского казачества». В этих условиях в настоящее время должна проводиться активная работа по восстановлению исторической справедливости путем установки памятных знаков (в частности победе донских казаков в бою у Кривой Косы), издания краеведческой литературы, проведения научных конференций и круглых столов, организации военно-исторических реконструкций.

5. Использование исторической памяти в патриотическом воспитании. Эксперты подчеркивали, что обращение к событиям Крымской войны способствует формированию у молодежи Приазовья общероссийской и русской национальной идентичностей, поскольку демонстрирует многовековую связь региона с Россией и его роль в защите общих границ.

Исходя из этого, представляется целесообразным предложить следующие меры, направленные на мемориализацию истории Крымской войны в Приазовье:

- систематизация региональных памятных дат, связанных с событиями 1855 г.;
- установка в населенных пунктах приазовских регионов памятников и памятных досок местному «пантеону героев» обороны Приазовья от англо-французской эскадры;
- создание тематических экспозиций в муниципальных историко-краеведческих музеях, а также музеях при образовательных учреждениях;
- открытие именных кадетских классов в общеобразовательных школах;
- проведение тематических конференций, круглых столов, конкурсов и фестивалей для представителей учащейся молодежи;
- издание тематической историко-краеведческой литературы;
- системный выпуск тематической медиапродукции в региональных электронных и печатных СМИ;
- привлечение к популяризации героической обороны Приазовья представителей муниципальных библиотек, краеведческого движения и молодежных общественных организаций.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что внимание к 170-летию юбилею обороны Приазовья от англо-французской эскадры в рамках общероссийского контекста, попутно деконструируя целый ряд украинских исторических мифов, позволяет жителям воссоединенных регионов лучше понять свою локальную историю, актуализировать историческую память о тех временах, когда земли Новороссии входили в состав Российской империи и происходило формирования идентичности их населения.

Также это позволяет провести ряд аналогий между поведением англо-французской коалиции в Азовском море в годы Крымской войны (пиратство, грабежи и поджоги имущества гражданского населения, варварские обстрелы мирных городов) и позицией их современных наследников, которые вооружают откровенно террористический киевский режим и поддерживают его удары по гражданскому населению российских регионов в ходе современного опосредованного военного противостояния с Западом в рамках СВО.

Подчеркнем, что тема героизма русской армии и народа в годы Крымской войны тесно связывает представления о прошлом приазовских территорий Донецкой Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей со славными страницами героической воинской летописи Крыма и Севастополя, Ростовской области и Краснодарского края. Донецкая Народная Республика стала первым из воссоединенных регионов, где состоялось коммеморативное мероприятие, посвященное исторической памяти о Крымской войне на Азовском море. Авторы надеются, что символическая эстафета памяти перейдет дальше в приазовские регионы Новороссии, и мы увидим коммеморативные практики, посвященные вышеуказанной теме, в Херсонской и Запорожской областях.

Источники и литература (References):

1. В Новоазовске состоялся круглый стол «Крымская война в исторической памяти жителей Приазовья // События и факты. 12.07.2025. URL: <https://news.donnu.ru/2025/07/12/v-novoazovske-sostoyalsya-kruglyj-stol-krymskaya-vojna-v-istoricheskoy-pamyati-zhitelej-priazovya/> (дата обращения: 15.07.2025).
2. Крымская война в исторической памяти жителей Приазовья / Новороссия. 30 июля 2025. № 31 (568). С. 5–6.
3. Миргородский А.В. Крымская война на Азовском море. М.: Международные отношения, 2021. 600 с.
4. Шепелев М.А. Академическая колонизация украинской политической науки // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. №. 2. С. 999–1013.

**ПОСЛЕДНИЙ ПОСОЛ РОССИИ В АВСТРО-ВЕНГРИИ Н.Н. ШЕБЕКО: ТРАЕКТОРИИ
КАРЬЕРНОГО ПУТИ ДИПЛОМАТА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.¹**

**THE LAST RUSSIAN AMBASSADOR TO AUSTRIA-HUNGARY N.N. SHEBEKO: CAREER
TRAJECTORIES OF A DIPLOMAT AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES**

**Князев М.А.
Knyazev M.A.**

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod*

Аннотация. В статье представлена реконструкция основных этапов карьеры последнего российского посла в Австро-Венгрии (1913–1914) Н.Н. Шебеко. В качестве основного источника используются неопубликованные воспоминания дипломата, хранящиеся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Подробно излагаются сведения о происхождении Н.Н. Шебеко, его образовании и перипетиях карьерного пути. Отмечается высокий информационный потенциал мемуаров как источника по политической и дипломатической истории России на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, мемуары, биография, Н.Н. Шебеко.

Abstract. The article presents a reconstruction of the main stages of the career of the last Russian ambassador to Austria-Hungary (1913–1914) N.N. Shebeko. The main source is the diplomat's unpublished memoirs, stored in the Bakhmetevsky Archives of Columbia University in New York. Detailed information is provided about N.N. Shebeko's origins, education, and career twists and turns. The high information potential of the memoirs as a source on the political and diplomatic history of Russia at the turn of the 19th–20th centuries is noted.

Key words: foreign policy, diplomacy, memoirs, biographic studies, N.N. Shebeko.

Имя последнего российского посла в Австро-Венгрии Н.Н. Шебеко является незаслуженно забытым в отечественной историографии, посвященной дипломатической предыстории Первой мировой войны. Не в последнюю очередь это связано с тем, что его воспоминания были изданы при жизни автора исключительно на французском языке [9], в то время как русский оригинал был передан на архивное хранение и до сих пор не востребован в полной мере специалистами [6]. Отметим, что основная часть мемуаров посвящена службе Шебеко в российских посольствах Берлина (1909–1912), Бухареста (1912–1913) и Вены (1913–1914), а обзор деятельности дипломата на ключевых постах европейской дипломатии в преддверии мировой войны уже получил освещение в научной литературе [3], [4], [5]. Тем не менее, информационный потенциал воспоминаний гораздо выше и позволяет не только реконструировать жизненный и карьерный путь Н.Н. Шебеко, предшествующий высоким назначениям, но и погрузиться в атмосферу семейного быта героя, а также расширить наши представления о своеобразии политической и дипломатической кухни на рубеже XIX–XX вв.

Николай Николаевич Шебеко родился 3 июля 1863 г. в семье видного государственного и военного деятеля Николая Игнатьевича Шебеко (1834–1904) и фрейлины, племянницы жены А.С. Пушкина Н.Н. Гончаровой, Марии Ивановны Гончаровой (1839–1935).

Точные данные о происхождении рода Шебеко неизвестны. По одним данным, он происходил из белорусского дворянского рода конца XVI в. [7, с. 857], по другой версии – из шляхты Могилевской губернии [8, с. 2]. Впрочем, первая версия не исключает вторую, а многие представители рода действительно находились на польской службе, за что получали привилегии от короля, некоторые отличились на российской службе и получали чины, к «*коим после дворянской грамоты присвоено дворянское достоинство*» [2, л. 438].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00160, <https://rscf.ru/project/24-28-00160/>.

Среди известных представителей фамилии можно назвать прадеда дипломата Франца Ивановича Шебеко (1785–1845). Свою военную карьеру он начал с участия в войнах анти-французской коалиции, после недолгого пребывания в должности члена временного правления в Персидской провинции Азербейджане был переведен в Пажеский корпус и в 1832 г. произведен в генерал-майоры с назначением *«состоять при главном начальнике Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка»*, а в 1832–1836 гг. состоял исправляющим должность помощника директора Пажеского корпуса [8, с. 2].

Достойный путь своего отца продолжил его сын Игнатий Францевич Шебеко (1792–1869). Вступив на службу в 1806 г. бригад-майором в Могилевскую милицию, за *«отлично-усердную службу»* в 1831 г. он был пожалован в коллежские асессоры, а через три года – в звание камергера двора его императорского величества [2, л. 572]. Определением Герольдии от 25 августа 1832 г. было утверждено постановление Могилевского дворянского депутатского собрания 9 августа 1805 г. о внесении рода Шебеко, в том числе и Игнатия Францевича, по древнему дворянству, в шестую часть родословной книги [2, л. 572–572об.]. Тем самым дворянское достоинство рода Шебеко было подтверждено теперь официально, что в свою очередь открывало для продолжателей фамилии определенные карьерные преимущества. Не последнюю роль в этом плане играло и то, что, в отличие от И.Ф. Шебеко, крещенного в католической церкви [2, л. 580об.], его жена Елисавета Сергеевна и дети, в том числе и отец нашего героя, Николай Игнатьевич, в плане вероисповедания принадлежали уже к православной ветви христианства [2, л. 581].

Николай Игнатьевич Шебеко (1834–1904) смог достичь еще более высоких карьерных высот по сравнению со своими предками. Начав службу в Кавалергардском полку, он вскоре оставил военную стезю и продолжил карьеру на гражданской службе в Отдельном корпусе жандармов (ОКЖ). После пребывания на посту губернатора Бессарабии (1871–1879) и на ряде других должностей Н.И. Шебеко в течение восьми лет занимал пост командира ОКЖ и товарища министра внутренних дел, заведующего Департаментом полиции (1887–1895), сменив затем работу в высоких кабинетах на почетное членство в Государственном совете [7, с. 857]. *«Политически отец был консерватор чистейшей воды»* и потому *«был противником ограничения верховной власти какими бы то ни было законодательными учреждениями»*, – вспоминал позднее Н.Н. Шебеко, – но при этом *«был вместе с тем ярым защитником идеи частной собственности, считая ее лучшим стимулом личного труда и бережливости»* [6, л. 36]. Твердость отстаиваемой позиции и вместе с тем готовность к компромиссам в полной мере были восприняты его старшим сыном Николаем, судьба которого будет тесно связана с дипломатической работой в Европе в преддверии Первой мировой войны.

Своеобразными «гениями места» на начальном этапе жизненного пути Николая Шебеко-младшего стали родительский дом на Малой Итальянской улице столицы, где он провел вместе с братом Вадимом и сестрой Елизаветой большую часть детства, а также Таврический дворец, где квартировала его двоюродная бабушка («тетушка») княжна С.И. Мещерская [6, л. 6]. Именно «тетушка» оказала особое влияние на становление характера и мировоззрения будущего дипломата: *«С самых юных лет она занимала нас рассказами, в которых добродетель неизменно торжествовала, а порок был наказан. В последующие годы она нас снабжала тщательно ею подобранными детскими книгами, чтение которых действительно оказало большое влияние на нашу психологию и нравственность»* [6, л. 6].

В связи с назначением в 1871 г. Н.И. Шебеко губернатором Бессарабской области, вся его семья была вынуждена покинуть родные пенаты и переехать в Кишинев, *«небольшой и довольно грязный, но симпатичный город с населением в 100.000 душ»* [6, л. 6–7]. Однообразие жизни в провинции скрашивалось *«прибытием больших ящиков с книгами»*, которые С.И. Мещерская высылала из Петербурга, и поездками с матерью за границу, чаще всего в Австрию или Италию. Волею судьбы во время этих прогулок по берегу реки Траун будущий посол нередко встречался с австрийским императором Францем Иосифом [6, л. 7].

В годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Н.Н. Шебеко был ее непосредственным наблюдателем, а позднее вспоминал, что отношение бессарабского населения *«к успехам и неудачам нашей армии ничем не отличалось от отношения к ним остальной России»*, иными словами, имперские центр и провинция были едины в своем желании победы [6, л. 8].

По окончании войны в 1879 г. семейство Шебеко вернулось в Санкт-Петербург, и как раз к этому времени встал вопрос об определении профессиональной будущности и карьеры подрастающих сыновей Николая Игнатьевича. И хотя сам генерал *« всю карьеру проделал по гражданскому ведомству »* [6, л. 8], он чрезвычайно ценил военную службу, а потому без колебаний решил отдать детей в Пажеский корпус. Благо, отпрыски Н.И. Шебеко *«уже несколько лет числились пажами-кандидатами и привыкли к мысли о военной карьере»*, и

осенью 1879 г. одними из первых выдержали вступительный экзамен в 5 класс Пажеского корпуса [6, л. 8].

Пройдя традиционное посвящение в пажи через *«приколачивание погон кулаками воспитанников старшего класса и крещение в снегу во время прогулки в саду корпуса»*, Николай в течение пяти *«самых веселых и беззаботных»* лет своей жизни (1879–1884) [6, л. 8] продолжал образование в корпусе, функционировавшем согласно новому положению 1868 г. по образцу военных гимназий [6, л. 9об.]. По окончании курса общих классов братья Шебеко были переведены в младший специальный класс, где *«принялись за изучение военных наук и усиленные строевые занятия под наблюдением старшего камер-пажа»*. Строгая дисциплина в итоге давала свой результат, и *«пажи переходили в старший специальный класс с хорошей военной выправкой и привитым понятием о военной дисциплине»* [6, л. 10].

14 августа 1884 г. Н.Н. Шебеко был произведен в корнеты Кавалергардского полка, в рядах второго эскадрона которого он прослужил одиннадцать лет [6, л. 10–11]. К слову «родным» для Шебеко этот полк стал не только потому, что в нем служили его отец и брат, но и потому, что в этот период он приобрел большое количество друзей, связь с которыми поддерживал и далее, так что *«полк скоро стал второй моей семьей»*. В частности, среди приобретенных друзей Шебеко называет великого князя Николая Михайловича, длительное время командовавшего вторым эскадроном полка, человека с *«удивительной памятью и золотым сердцем»* [6, л. 11]. Вообще длительное пребывание на полковой службе оказало большое влияние на Н.Н. Шебеко с точки зрения глубокого усвоения понятий о *«долге, чести, дисциплине»* и *«беспредельной, бескорыстной преданности Царю, родине и своему полку»* [6, л. 11–12]. Как мы сможем убедиться далее, эти качества будут сполна раскрыты Шебеко, но уже не на военном, а на дипломатическом поприще.

В 1887 г. в связи с назначением Н.И. Шебеко товарищем министра внутренних дел и начальником ОКЖ, вся его семья переехала жить в дом министерства на Фонтанке. К этому периоду времени относится и его знакомство с директором Департамента полиции П.Н. Дурново, которого отличали *«всесторонний, живой ум и замечательные способности»* [6, л. 13]. Другим частым посетителем их дома был князь, издатель и редактор консервативного журнала-газеты «Гражданин» В.П. Мещерский. Будучи близок не только к родителям Н.Н. Шебеко, но и к императорам Александру III и Николаю II, князь выделялся *«непоколебимой стойкостью убеждений, столь мало свойственной русским людям»*, исповедуя *«беспредельную преданность Престолу и Династии»* [6, л. 14].

В 1891 г., когда Николаю Шебеко исполнилось уже 28 лет, он смог устроить и свое семейное положение, женившись на княжне Анне Анатольевне Куракиной, дочери князя Анатолия и княгини Елизаветы Куракиной [6, л. 14]. В этом браке на свет появились двое сыновей – Александр (1892) и Георгий (1895).

Поворотными в судьбе Шебеко стали события начала 1895 г., когда он был направлен сопровождать в качестве ординарца генерал-адъютанта князя А.К. Имеретинского, командированного Николаем II для объявления о восшествии его на престол Мадридскому и Лиссабонскому двору [6, л. 14–15]. Во время этого заграничного турне, давшего молодому офицеру *«при исключительно благоприятных условиях»* познакомиться с испанским и португальским дворами и с достопримечательностями их столиц, у Шебеко, тяготившегося однообразием военной службы в мирное время, *«впервые зародилась мысль о возможности перемены службы»* [6, л. 15]. Способствовали принятию соответствующего решения и встречи с недавно назначенным министром иностранных дел князем А.Б. Лобановым-Ростовским, убеждавшим Шебеко перейти на новую службу. В итоге весной 1895 г. офицер принял окончательное решение о переходе на дипломатическую работу. И хотя *«процедура оказалась довольно сложной и потребовала больших хлопот и беготни по министерствам»*, в мае 1895 г. Николай Шебеко был причислен к министерству иностранных дел и определен для прохождения службы во второй департамент МИД, в ведение которого входили все политические и консульские дела, а также вопросы, касающиеся русских подданных. Тем не менее, желая потрудиться на дипломатической ниве за рубежом, Н.Н. Шебеко немедленно стал готовиться к экзамену с целью перевода в канцелярию и на дипломатические и консульские посты за границей. Трудолюбие и упорство бывшего кавалергарда сыграли свою роль, и весной 1896 г. совместно со своим другом бароном М.Ф. Шиллингом и М.М. Петрово-Солово он был переведен в канцелярию МИД [6, л. 16].

Впоследствии об этом недолгом периоде (1896–1897) Н.Н. Шебеко вспоминал с особой теплотой: *«Работа была очень интересная, так как в канцелярии сосредотачивалась вся политическая переписка с нашими представителями за границей»* [6, л. 17]. Помимо осуществления основных должностных функций, в апреле 1896 г. во время коронации

Николая II и Александры Федоровны в Москве, Шебеко исполнял церемониймейстерские обязанности, что позволило ему прикоснуться к одному из главных торжеств в истории династии и страны [6, л. 17–18].

В связи со смертью осенью 1896 г. руководителя МИД А.Б. Лобанова-Ростовского Николай II оказался перед непростоим выбором новой кандидатуры на этот пост: *«вступив недавно на престол и оставаясь во все время царствования своего отца совершенно в стороне от управления государством»*, новый император *«мало был знаком с русскими государственными деятелями вообще и со служащими министерства иностранных дел в частности»* [6, л. 19]. Представлявший собой *«тип образованного русского вельможи»*, которого отличали *«тонкий ум, высокая культура и обходительные манеры»*, князь Лобанов-Ростовский казался в то время незаменимым. Поэтому царь не сразу определился с новым назначенцем: во временное управление министерством вступил Н.П. Шишкин, а через несколько месяцев министром был назначен посланник в Копенгагене граф М.Н. Муравьев [6, л. 19–20].

В октябре 1897 г. Н.Н. Шебеко был назначен вторым секретарем российского посольства в Вене. Первое заграничное назначение было воспринято дипломатом не без некоторого опасения за свою семью, которая должна была устроиться на новом месте в новых условиях жизни [6, л. 20]. Тем не менее, адаптация к новым условиям произошла безболезненно, а *«первые шаги»* дипломата, поселившегося на столичной аристократической улице Жакингассе [6, л. 20], были *«очень облегчены теми дружескими, товарищескими отношениями, которые установились испокон века в венском посольстве»* [6, л. 20–21].

Руководителем посольства в Вене в то время был граф П.А. Капнист, *«очень талантли- вый и образованный»*, считавший лучшим способом избежать общеевропейской войны на Балканах заключение соглашения между Россией и Австрией [6, л. 22]. Действительно, подобный документ, улучшавший положение славянского населения в Македонии и тем самым ликвидировавший почву для антитурецких восстаний на Балканах, был подготовлен и подписан в Мюрцштеге в сентябре 1903 г. [6, л. 22]

Тем не менее, компромиссная политика Капниста вызывала несогласие и даже противодействие со стороны первого департамента МИД (в ведении которого были как ближневосточные, так и дальневосточные дела) и его директора Н.Г. Гартвига. Что не могло не осложнять и без того напряженную обстановку в регионе [6, л. 22–23]. Миротворческая инициатива императора Николая II о созыве всемирной конференции для ограничения вооружений всех государств была встречена за рубежом весьма холодно и даже враждебно [6, л. 24]. Предвестником грядущих на Европу бед стала и весть о *«гнусном и бессмысленном»* убийстве австрийской императрицы Елизаветы от руки итальянского анархиста Л. Лукени в сентябре 1898 г. [6, л. 24–25]

Осенью 1899 г. по личному предложению министра иностранных дел М.Н. Муравьева Шебеко был переведен на пост первого секретаря императорской миссии в Копенгагене, оставив в качестве своего преемника в Вене барона Шиллинга [6, л. 26]. Вплоть до 1902 г. Шебеко работал под руководством графа А.К. Бенкендорфа, занимавшего в то время пост посла в Дании. *«Ровный в обращении, изысканно-вежливый со всеми, он сразу приобретал доверие и симпатию всех, с кем имел дело и был очень популярен на всех занимаемых им постах»*, – вспоминал его подчиненный [6, л. 28]. В период между переводом графа Бенкендорфа на другую должность и замещением его поста А.П. Извольским прошло восемь месяцев, в течение которых Шебеко *«управлял миссией в качестве поверенного в делах»*. *«Тут я в первый раз имел случай проявить личную инициативу, – признавался позднее дипломат, – и вместе с тем проявилось желание поскорее добраться до верха иерархической лестницы»* [6, л. 28–29].

Занимаясь, помимо выполнения основных должностных обязанностей, приведением в порядок и изучением дипломатических архивов миссии, Шебеко старался не терять связей с родиной, получая инсайдерскую информацию о событиях в стране из рук князя Г.В. Шервашидзе, обер-гофмейстера императрицы Марии Федоровны, часто навещавшей своего отца в Копенгагене [6, л. 27, 30]. В апреле 1903 г. датский королевский двор впервые посетил германский император Вильгельм II, во время торжественного приема которого последнему был представлен и Н.Н. Шебеко: *«Император сказал мне несколько любезных слов касательно моего брата (В.Н. Шебеко – М.К.), который в то время был военным агентом в Берлине, и коснулся тревожных событий в России, причем высказал мнение о необходимости принятия крутых мер для поддержания порядка в стране»* [6, л. 31–32]. Более подробные сведения о *«хаосе»*, царившем в это время в правительственных кругах (влияние *«безобразовской клики»* и попытки противодействия ей со стороны В.Н. Ламсдорфа, громкая отставка министра финансов С.Ю. Витте) дипломат узнал в августе 1903 г. от прибывшего для вступления в

должность А.П. Извольского [6, л. 32]. Помимо этого, Извольский привез из Петербурга известие о предстоящем назначении Шебеко первым секретарем посольства, но затруднился сказать, какого именно. Сообщенные сведения оказались правдой, и через некоторое время действительно последовало назначение Н.Н. Шебеко первым секретарем посольства в Париже [6, л. 33].

После переезда в феврале 1904 г. совместно с семьей в столицу Франции дипломат вступил в исполнение обязанностей первого секретаря посольства, которое в то время возглавлял *«один из старейших наших представителей за границей»* А.И. Нелидов [6, л. 33]. *«Время, проведенное мной в Париже, было временем большой, напряженной, чисто механической работы, – вспоминал позднее Н.Н. Шебеко. – Роль первого секретаря посольства сводилась к роли начальника канцелярии, заваленного текущими делами, оставлявшими очень мало времени для выездов в свет и занятия политикой»* [6, л. 34]. Тем не менее, первый секретарь парижского посольства был, вне всякого сомнения, в курсе основных как внутривластных, так и внешнеполитических событий, происходивших в России и на ее рубежах. Об этом достаточно явно свидетельствуют письма Н.Н. Шебеко его жене, написанные на протяжении 1904–1905 гг. и в силу их общественно-политического значения включенные мемуаристом в текст воспоминаний [1], [6, л. 36–44].

В конце 1906 г., по предложению сменившего В.Н. Ламздорфа на посту министра иностранных дел А.П. Извольского, Н.Н. Шебеко вернулся в Россию для занятия проектировавшегося поста политического директора, который по идее должен был взять на себя часть полномочий директора канцелярии МИД [6, л. 44].

Однако в силу ряда обстоятельств Извольский отказался от масштабной реорганизации ведомства и в звании младшего советника МИД Шебеко был назначен представителем министерства в III Государственную думу. Не последнюю роль в этом назначении, давшем Шебеко *«возможность ближе ознакомиться с вопросами нашей внутренней политики»* [6, л. 45], сыграли многочисленные знакомства и связи дипломата среди членов умеренных партий [6, л. 44–45], в том числе и октябристов [1, с. 172] – партии большинства в III Государственной думе.

Оппозиционному и антиправительственному характеру деятельности I и II Государственной думы Шебеко противопоставляет плодотворную и созидательную политику председателя Совета министров П.А. Столыпина, *«отлично понимавшего Россию и воодушевленного пламенной к ней любовью»* [6, л. 46–47]. И только в III Государственной думе, созданной после событий «третьеиюньского переворота», *«впервые совместная работа народных представителей с правительством кое-как наладилась. Хотя устойчивого большинства центральные партии, на которые опиралось правительство Столыпина, никогда не имело, но все же работа была возможна»*, – резюмирует мемуарист [6, л. 47].

В связи с тем, что должностные обязанности представителя МИД в Государственной думе не были велики, это обстоятельство позволило Шебеко использовать свободное время для приведения в порядок своих личных дел и накопившихся за годы заграничной службы семейных проблем. Но в один из июльских дней 1909 г., когда Н.Н. Шебеко находился в своем имении, ему поступило письмо от министра иностранных дел А.П. Извольского с предложением занять пост советника посольства в Берлине. И хотя переход на новую должность не способствовал повышению дипломата по службе, но важность предлагаемого поста вкупе с неудовлетворенностью текущей работой в министерстве, подтолкнули Шебеко согласиться на предложение Извольского [6, л. 5].

Затем в жизни дипломата последует длительный период работы в российских заграничных посольствах (1909–1914), прерванный началом Первой мировой войны. Н.Н. Шебеко не принял революцию 1917 г., вследствие чего вошел в антибольшевистский Совет государственного объединения России. Находясь с 1920 г. в эмиграции, он продолжал вести активную общественную деятельность, состоял членом Центрального комитета Русского народно-монархического союза и общества «Икона», председателем Союза Пажей. Н.Н. Шебеко ушел из жизни 21 февраля 1953 г. в г. Ментоне (Франция) в возрасте 89 лет.

Источники и литература (References):

1. Князев М.А. «Россия, видимо, переживает острый кризис, и никто не может угадать, чем все это кончится». Из писем первого секретаря посольства России во Франции Н.Н. Шебеко к жене. 1904–1905 гг. // Исторический архив. 2024. № 4. С. 166–175.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 33. Д. 806.

3. Селезнев Ф.А. Российско-румынские отношения в период Балканских войн по воспоминаниям и донесениям посланника в Бухаресте Н.Н. Шебеко (1912–1913) // Новая и новейшая история. 2024. № 5. С.126–138.
4. Селезнев Ф.А. Россия и политика Румынии в период балканских войн (1912–1913 гг.) // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: Сборник научных статей. Нижний Новгород: ННГУ, 2024. С. 315–326.
5. Селезнев Ф.А., Князев М.А. Дипломат Н.Н. Шебеко о взаимоотношениях России с Австро-Венгрией и Германией в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2025. № 1 (2). [в печати].
6. Шебеко Н. Воспоминания: исторический очерк причин войны 1914 года // Columbia University, Bakhtmeteff Archive of Russian & East European Culture. Bib id: 4078064.
7. Шебеко Николай Игнатьевич // Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 857–858.
8. Шебеко, Франц Иванович // Русский биографический словарь. Т. 23: Шебанов–Шютц. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1911. С. 2.
9. Schebeko N. Souvenirs: essai historique sur les origines de la guerre de 1914. Paris: Bibliothèque diplomatique, 1936. 331 p.

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОРТУГАЛИИ ВО ВРЕМЯ МИРОВОГО КРИЗИСА
1900–1903 ГГ.****THE ECONOMIC SITUATION OF PORTUGAL DURING THE WORLD CRISIS
OF 1900-1903****Мустафаев И.З.
Mustafayev I.Z.***Гянджинский государственный университет, г. Гянджа, Азербайджан
Ganja State University, Ganja, Azerbaijan*

Аннотация. В статье исследуется влияние мирового экономического кризиса 1900–1903 годов, произошедшего в начале двадцатого века, на португальскую экономику и общество. Цель исследования – показать проблемы, вызванные кризисом в сельском хозяйстве, промышленности и финансовом секторе, и то, как эти проблемы привели к политическим изменениям. Исследование проводилось на основе исторических источников и экономических показателей. Результаты показывают, что кризис привел к росту социального недовольства в Португалии, усилению республиканских идей и, в конечном итоге, падению монархии. В статье анализируются долгосрочные экономические и политические последствия этих процессов.

Abstract. The article examines the impact of the world economic crisis of 1900–1903, which occurred at the beginning of the twentieth century, on the Portuguese economy and society. The purpose of the study is to show the problems caused by the crisis in agriculture, industry and the financial sector, and how these problems led to political changes. The study was conducted on the basis of historical sources and economic indicators. The results show that the crisis led to an increase in social discontent in Portugal, the strengthening of republican ideas and, ultimately, the fall of the monarchy. The article analyzes the long-term economic and political consequences of these processes.

Ключевые слова: экономический кризис, Португалия, финансовая нестабильность, социально-политические последствия.

Keywords: economic crisis, Portugal, financial instability, socio-political consequences.

В начале XX века мировая экономика столкнулась с одним из первых глобальных экономических кризисов нового столетия – спадом 1900–1903 годов. Это событие оказало значительное влияние не только на индустриальные державы, но и на периферийные экономики, включая Португалию. Развитие Португалии как периферийной экономики европейского пространства отражает тенденции, выявленные в исследовании инфраструктурного неравенства [3]. Уже находясь в состоянии экономической стагнации и политической нестабильности, страна оказалась особенно уязвимой перед лицом внешних потрясений.

Падение цен на экспортную продукцию, ограничение доступа к кредитам и рост государственного долга усугубили существующие структурные проблемы. Экономический кризис затронул все ключевые сферы: сельское хозяйство, промышленность, торговлю и финансовый сектор. Это, в свою очередь, вызвало серьезные социальные последствия – рост безработицы, массовую миграцию и усиление республиканских настроений в обществе.

Настоящее исследование направлено на анализ экономических и политических последствий мирового кризиса 1900–1903 годов для Португалии. Основное внимание уделяется причинам уязвимости страны, механизмам воздействия кризиса на ключевые сектора экономики, действиям правительства и долгосрочным изменениям, приведшим к революции 1910 года.

На рубеже XIX–XX веков Португалия оставалась преимущественно аграрной страной с ограниченным уровнем индустриализации. Основу ее экономики составляли экспортные культуры: вино, пробковый дуб, оливковое масло. Эти товары, в силу зависимости от мировых цен, делали экономику уязвимой к внешним шокам. Аграрный сектор отличался низкой производительностью и преобладанием мелких хозяйств, едва сводивших концы с концами [12, р. 54].

Промышленность страны развивалась неравномерно и была сконцентрирована в Лиссабоне и Порту. Большая ее часть находилась под контролем иностранного капитала, что означало отток прибыли за рубеж и отсутствие стимулов для локальных инвестиций [1, р. 27].

Финансовая система зависела от иностранных заимствований. Государственный долг постоянно рос, а бюджетный дефицит становился хроническим явлением. Это вынуждало правительство обращаться к международным кредиторам, особенно из Великобритании, что усиливало внешнюю зависимость Португалии [4 р. 46].

Политическая ситуация.

В начале XX века Португалия находилась в состоянии острого политического кризиса, сопровождавшегося частыми сменами правительств, фрагментацией партий и слабостью парламентской системы. Партийная система страдала от отсутствия стабильных коалиций, а политические институты не обладали достаточным авторитетом для проведения реформ. Разочарование населения в монархии усиливалось на фоне растущего экономического давления и социальной нестабильности [10, р. 97].

Постоянная борьба между либеральными и консервативными силами мешала принятию согласованных антикризисных решений. Усиление протестных настроений в городах сопровождалось ростом популярности республиканского движения, которое выступало за секуляризацию власти, реформу государственного управления и отказ от авторитарного правления.

Во внешнеполитическом аспекте Португалия оставалась тесно связанной с Великобританией, которая играла роль не только главного торгового партнера, но и кредитора. Такая зависимость означала ограниченность внешнеполитического маневра Лиссабона. Параллельно сохранялись колониальные обязательства – в Африке и Азии – требовавшие серьезных финансовых и военных ресурсов, несмотря на усиливающееся давление республиканцев, призывавших перераспределить средства на нужды внутреннего развития.

Влияние мирового кризиса на экономику Португалии.

Финансово-экономический кризис 1900–1903 годов оказал разрушительное воздействие на все основные сектора португальской экономики, усугубив уже существующие внутренние проблемы. Особенно уязвимым оказался сельскохозяйственный сектор – главный источник доходов и занятости в стране. Снижение мирового спроса на традиционные экспортные товары, такие как вино и оливковое масло, привело к обвалу цен. Фермеры, потеряв доступ к кредитам, были вынуждены сокращать производство, а часть мелких хозяйств и вовсе прекратила свою деятельность [5, р. 233].

Кризис также поразил промышленный сектор. Компании, ориентированные на экспорт, столкнулись с падением спроса и трудностями в получении инвестиций. Ограниченный доступ к капиталу препятствовал модернизации производства, в результате чего промышленность замедлила рост, а в отдельных отраслях начался спад.

Внутренняя торговля также понесла ущерб. Падение покупательной способности населения и снижение деловой активности привели к сокращению оборота в городах. Закрытие предприятий вызвало волну безработицы, спровоцировав миграцию сельских жителей в поисках заработка в Лиссабон и Порту, где кризис также ощущался остро.

Особую тревогу вызывала ситуация в банковской системе. Португальская банковская система испытала серьезный отток ликвидности, что зафиксировано в отчетах международных финансовых организаций [2]. Массовое изъятие вкладов и ограничение кредитования вызвали кризис доверия к финансовым учреждениям. Угроза банкротства зависимых от международного капитала банков стала еще одним звеном в цепочке разрушительных последствий экономического спада.

Экономический кризис 1900–1903 годов стал не просто внешним потрясением для Португалии – он вскрыл структурные слабости и ускорил процессы социальной и политической трансформации. Наиболее разрушительное воздействие ощутил аграрный сектор, который в силу своей экспортной направленности и зависимости от мировых цен оказался первым под ударом. Падение цен на вино и оливковое масло привело к потере доходов, массовым банкротствам и оттоку рабочей силы. Эти процессы происходили на фоне отсутствия государственной поддержки, что лишь усилило масштаб бедствия.

Индустриальный сектор, и без того слабо развитый, также продемонстрировал неспособность адаптироваться к новым условиям. Ограниченность внутреннего рынка, зависимость от внешнего финансирования и нехватка технологий затрудняли модернизацию и рост.

Вместо того чтобы стать локомотивом восстановления, промышленность замедлила развитие, способствуя нарастанию социального напряжения в городах.

Банковский сектор показал свою уязвимость перед глобальными рисками: изъятие вкладов, нехватка ликвидности, невозможность рефинансирования долгов стали симптомами системного кризиса доверия. Это подтверждает, что португальская экономика начала XX века находилась в тесной зависимости от внешнеэкономических факторов, не имея внутренних механизмов защиты или компенсации.

Таким образом, рассматриваемый период не только демонстрирует хрупкость национальной экономики, но и позволяет увидеть, как внешние кризисы могут становиться триггерами внутренних реформ и политических преобразований. Он предвосхищает будущие события – от усиления республиканского движения до Революции 1910 года – показывая, что экономическая нестабильность нередко становится основой для смены общественного и политического курса.

После завершения глобального экономического кризиса 1900–1903 годов Португалия столкнулась с необходимостью долгосрочной стабилизации. Процесс восстановления оказался медленным и неравномерным, сопровождавшимся постоянными политическими колебаниями. Правительство предприняло ряд инициатив, направленных на реформу финансов и стимулирование промышленного и инфраструктурного роста.

Одним из приоритетов стала реструктуризация государственного долга, накопленного в предкризисные и кризисные годы. Португалия начала пересмотр условий внешних заимствований, добиваясь отсрочек и более благоприятных условий обслуживания долга. Однако зависимость от британского и французского капитала сохранялась.

Для выхода из стагнации власти также запустили инвестиционные проекты в сфере транспорта и инфраструктуры. В стране активизировалось строительство железных дорог, портов и улучшение внутренних связей, что должно было стимулировать экономическую интеграцию регионов и оживить внутреннюю торговлю. Однако отсутствие надежных институтов, коррупция и неустойчивость административного аппарата существенно ограничивали эффективность проводимых программ [1, р. 31].

Правительство пыталось поддерживать сельское хозяйство за счет субсидий и дешевых кредитов для фермеров, но ресурсы оставались ограниченными. Промышленность получала инвестиции в модернизацию, но сохранялась высокая доля иностранных владельцев, что продолжало вызывать отток прибыли из страны и сдерживало развитие внутреннего капитала.

Социальные реформы, направленные на улучшение условий труда, вводились точечно: принимались законы, регулирующие рабочий день и минимальную оплату труда, однако они часто оставались на бумаге. Политическое противостояние и нехватка бюджетных средств мешали полноценному развитию системы социальной защиты.

Таким образом, несмотря на ряд стратегически верных шагов, восстановление экономики Португалии оказалось фрагментарным. Оно не смогло устранить фундаментальные дисбалансы, сформировавшиеся задолго до кризиса. Эта неполнота экономического оздоровления во многом определила дальнейшую политическую радикализацию и рост недоверия к монархическому режиму.

Долгосрочные последствия кризиса.

Экономический кризис 1900–1903 годов оказал глубокое и продолжительное влияние на развитие Португалии, выходящее далеко за пределы краткосрочных экономических показателей. Его последствия ощущались на протяжении последующих десятилетий и проявлялись как в финансовой, так и в политико-социальной сферах.

Во-первых, усилилась зависимость страны от иностранных заимствований. Даже после частичной реструктуризации внешнего долга Португалия не смогла выработать устойчивую финансовую модель, способную заменить внешний капитал внутренними источниками. И в 1920-х годах страна продолжала использовать внешние заимствования, увеличивая свою зависимость от иностранных кредиторов [7]. В результате любые внешнеэкономические колебания продолжали оказывать сильное воздействие на макроэкономическую стабильность.

Во-вторых, кризис оголил институциональную слабость государства. Неспособность властей своевременно и адекватно реагировать на вызовы вызвало утрату доверия к политическим институтам. Проблемы в системе государственного управления, коррупция и неспособность реализовать заявленные реформы стали постоянной чертой политического ландшафта Португалии в начале XX века.

Социальные последствия были не менее значительными. Рост безработицы, неравенство в доступе к ресурсам и отсутствие эффективной социальной защиты способствовали радикализации общественного мнения. Республиканское движение получило мощный импульс, активно

распространения идеи реформ, демократизации и свержения монархии. Это движение стало ядром политических преобразований, завершившихся революцией 1910 года [11, p. 114].

Кроме того, кризис обозначил необходимость пересмотра экономической политики. В профессиональных кругах началось осмысление важности промышленной модернизации, более гибкой налоговой системы и сокращения зависимости от импорта. Однако эти идеи требовали длительной институциональной подготовки и не могли быть реализованы быстро.

Таким образом, кризис начала столетия стал переломным моментом, после которого Португалия окончательно вступила в эпоху политической нестабильности и социального напряжения, приведшую к системным преобразованиям в государственном устройстве.

Кризис 1900–1903 годов стал для Португалии не просто экономическим испытанием, но и переломным моментом, обозначившим переход от старого порядка к новым политическим и социальным реалиям. Экономика страны, и без того находившаяся в состоянии хронической нестабильности, оказалась не способной выдержать давление мирового спада. Слабость финансовой системы, примитивность аграрного сектора и зависимость от иностранных инвестиций сделали Португалию особенно уязвимой.

Принятые правительством меры оказались в значительной степени реактивными и не позволили устранить глубинные дисбалансы. Хотя были предприняты попытки модернизации, реструктуризации долга и поддержки ключевых отраслей, в условиях политической нестабильности и ограниченности ресурсов они не дали устойчивого результата.

Социальные последствия кризиса усилили недовольство монархическим режимом. Рост безработицы, миграция, несправедливое распределение налоговой нагрузки и слабость социальной защиты стали катализаторами политических перемен. Именно в этот период республиканские идеи начали распространяться с особой интенсивностью, заложив основу для последующей революции 1910 года [6, p. 88].

Таким образом, влияние мирового кризиса начала XX века на Португалию выходит за рамки чисто экономического анализа. Это был системный вызов, продемонстрировавший пределы прочности устаревших институтов и необходимость глубоких реформ, которые спустя несколько лет воплотились в смене государственного строя [8].

Источники и литература (References):

1. Amaral L. Imperfect but Tough Competition: The Portuguese Banking Sector in the Golden Age (1950–1973). Lisbon: Nova School of Business and Economics, 2012.
2. Bank for International Settlements. Historical Economic Review – Portugal Chapter. URL: <https://www.bis.org/review/r191202d.htm> (дата обращения: 30.05.2025).
3. Cambridge University Press. Integration of Railways and Uneven Development on the European Periphery, 1870–1910. Published online, 2021.
4. Fernandes J.M. Economic History of Portugal: A Brief Overview. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
5. Fishlow A. Origins and Consequences of Import Substitution in Latin America and Southern Europe. Princeton: Princeton University Press, 1985.
6. Pinto A.C. Contemporary Portugal: Politics, Society and Culture. Lisbon, 2000.
7. SSRN. The Role of External Debt in Portuguese Economic History. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2268003 (дата обращения: 30.05.2025).
8. Lains P. História económica de Portugal. URL: <https://www.ics.ulisboa.pt/fcteval/books/Lains16.pdf> (дата обращения: 30.05.2025).
9. Reis J. A economia portuguesa no século XIX: mudanças estruturais e evolução do sistema financeiro. Lisboa: Imprensa Nacional, 1993.
10. Silva A. Economia política de Portugal: da monarquia à república. Lisboa: Instituto de Ciências Sociais da Universidade de Lisboa, 2005.
11. Telo A.J. Portugal na Primeira Era Global: Transição Económica e Revolução Política. Lisboa: Gradiva, 1996.
12. Valério N. História do sistema bancário português. Lisboa: Banco de Portugal, 2001.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ, СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

УДК 94(47).084.96195/1969

DOI: 10.5281/zenodo.17012228

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИИ В КАРИКАТУРАХ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ ГАЗЕТ¹

EVERYDAY LIFE IN THE PROVINCES IN CARICATURES ON THE PAGES OF SOVIET NEWS- PAPERS

Попова А.Д.
Popova A.D.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань
Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan

Аннотация. Исследование анализирует процесс отображения в карикатурах, опубликованных на страницах газет и журналов проблем повседневной жизни, заявленные в письмах граждан. Автором проанализирован ряд карикатур, помещенных в центральных и региональных изданиях в 1950-1960-х годах. Показано, что карикатуры отображали целый ряд проблем повседневной жизни данного периода: дефицит товаров или их низкое качество, неудовлетворительная работа сферы услуг, равнодушие работников коммунальных служб. Кроме того, изучение карикатур дает возможность показать, какие пороки осуждались в обществе: пьянство, тунеядство, увлечение западными стилями в одежде.

Abstract. The study analyzes cartoons published in newspapers and magazines. The author examined their role in depicting the problems of everyday life that citizens wrote about in letters. The author analyzed a number of cartoons that were placed in central and regional publications in the 1950s and 1960s. He showed that the cartoons depicted a number of problems of everyday life during this period: shortages of goods or their low quality, unsatisfactory work of the service sector, indifference of utility workers. The cartoons showed vices condemned in society: drunkenness, parasitism, passion for Western styles of clothing.

Ключевые слова: карикатура, письма граждан, периодика, общественное сознание, образ внутреннего врага.

Keywords: cartoon, letters from citizens, periodicals, public consciousness, image of the internal enemy.

Одним из ярких средств воспитания общества является использование визуального изображения, таковым являются плакат и карикатура. И то, и другое активно использовалось в советской пропаганде. Как отмечается в научной литературе: «... под карикатурой понимается любое изображение, где сознательно создается комический эффект, где художник совмещает реальность и фантастику, преувеличивает, акцентирует специфические черты людей, изменяет соотношения их с окружающим миром и использует неожиданные сравнения» [4, с. 70]. Особенностью карикатуры как формы воздействия на сознание человека является возможность в утрированной и концентрированной форме отразить идеи, которые наиболее важны для момента ее создания. Как верно отметил А.Г. Голиков: «Откликаясь на злобу дня, художник-карикатурист обращался не только к сознанию человека, но, прежде всего, к эмоциональному восприятию им общественно-значимых событий» [1, с. 70]. Художник говорит визуальными образами, что делает карикатуру очень доступной – для ее восприятия даже не надо уметь хорошо читать. При этом, в отличие от фотографа, художник может использовать более широкий арсенал средств воздействия на эмоции человека: утрировать явления и события, изображать людей любого размера по отношению к окру-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01217 «Советская повседневная жизнь в письмах граждан во власть 1950–70-х годов», <https://www.rscf.ru/project/24-28-01217/>.

жающим предметам (выше дома или наоборот меньше бытовых предметов), одушевлять животных, растения или предметы, вписывать их в любые ситуации, соединять различные персонажи, которые в реальной жизни никогда не повстречались бы (исторические персонажи, герои литературных произведений).

Карикатуры активно публиковались как в дореволюционной периодике, так и в советское время. Советская власть рассматривала юмор как важнейший инструмент борьбы с врагом, мобилизации населения на решение тех или иных задач, борьбу с различными внутренними и внешними врагами. Можно выделить военную карикатуру, политическую. Однако и для решения задач повседневной жизни карикатура активно использовалась. Периодика 1950–1960-х применяла этот инструмент воздействия на сознание масс. Даже были специализированные издания, которые в основном свою площадь отдавали именно под этот жанр творчества. На всю страну был известен журнал «Крокодил». Его тираж постоянно рос. Если в мае 1945 года тираж журнала составлял 100 тысяч экземпляров, то в начале 1970-х годов он достиг 5 миллионов. Выше тираж был только у журналов «Работница» и «Крестьянка» [6, с. 124].

В Казани издавали свой аналогичный журнал «Чаян». Как уже отмечалось, часто на страницах газет и журналов появлялись политические карикатуры, но этот жанр использовался и для борьбы с внутренними врагами, высмеивая тех, кто не соответствовал облику идеального советского человека. Если военная или политическая карикатура должна была мобилизовать силы на борьбу с врагом, аккумулировать внутреннюю агрессию, то карикатуры на бытовую тему имели несколько иную задачу. Они должны были выставить на общее осуждение тот или иной недостаток, пристыдить виновного, предупредить подобные явления у других. Часто поводом к созданию и опубликованию той или иной карикатуры служили конкретные жалобы граждан. Иногда рисунок помещался под небольшой информацией, где виновный назывался прямым текстом. Однако под такой публикацией обычно понимался, не только конкретный виновный, но и достаточно распространенный недостаток. Понятно, что при всей строгости советской цензуры, подобная критика была достаточно дозированной. Однако результативность была высокой, обычно по всем публикациям газеты следовали оргвыводы.

Особое внимание письмам граждан уделяли региональные издания. Для них это было и решением вопроса наполняемости номера материалом. В то же время можно не сомневаться, что обращение в газету стало одним из важнейших механизмов решения тех или иных проблем, и диалога власти и общества.

Одной из проблем, которые граждане поднимали в своих письмах в газету – это была нехватка тех или иных товаров. Товарный дефицит уже обозначился и поэтому на страницах газет появлялись письма с весьма говорящими заголовками: «Не могу купить картошки», «Нет красок и кистей», «Каждому ребенку – школьную форму». Дефицит приобретал самые необычные и трудно объяснимые формы. Порой не хватало именно тех товаров, которые в той или иной местности должны быть в достатке. Так, жители Крыма в своих письмах жаловались на нехватку в торговых точках овощей, фруктов и рыбы.

Газета «Керченский рабочий» от 20 августа 1958 г. опубликовала письмо под говорящим названием «Почему в магазинах так мало рыбы?». Вопрос был актуален не только для жителей Крыма. В других городах на берегу Черного моря, в частности, в Геленджике, тоже сталкивались с подобной проблемой. Не случайно газета этого города «Красное знамя» 25 июля 1958 года поместила письмо местного жителя под заголовком «В магазине мелкая, на базаре – крупная», где он жаловался, что нормальную рыбу можно купить только на рынке по базарным ценам. А в магазинах продавали мелочь.

Все газеты курортных городов периодически обсуждали эту проблему в публикациях, в том числе поднимая проблему работы общепита и питания в санаториях и домах отдыха. Типичной является публикация в газете «Крымский комсомолец» в номере за 21 марта 1958 году «О свежем огурце и «Золотой рыбке»». Там не просто говорилось о проблемах с поставкой овощей и рыбы в крымские магазины и точки общепита, но и о нехватке других товаров. Например, кисломолочных продуктов, газированной воды. Нехватка товаров будила творческую фантазию карикатуристов. Так в газете «Радянский Крим» («Советский Крым» – газета издавалась на украинском языке) от 22 мая 1958 года было опубликовано письмо жителя Севастополя, призывающего улучшить торговлю овощами в этом городе. Гражданин констатировал, что нельзя купить свежего салата, редиски, даже на рынке картофеля привозят всего несколько машин. Публикация сопровождалась актуальной карикатурой, на которой продавец овощного ларька останавливает хозяйку, несущую сетку с овощами, вопросом, где она их покупала.

Не менее богатой темой для карикатуристов был вопрос о качестве выпускаемой продукции. Нарекания вызывали обувь, мебель, одежда, что отражалось в творчестве карикату-

ристов. Художник газеты «Радянский Крим» (номер от 21 мая 1958 года) очень емко отобразил жалобы на качество продукции, предлагаемой в Симферопольском мебельном магазине: ошарашенный покупатель замер перед косо сколоченным ящиком, который выставлен в витрине в качестве шифоньера.

Как следует из текста заметки, которую иллюстрировала карикатура, в магазине были проблемы не только со шкафами: столик разваливался сразу после продажи. И очень популярным сюжетом у карикатуристов становилась тема качества выпускаемой одежды. Журнал «Чаян» тоже уделил этому внимание. Карикатуристы «отправили» директора швейной фабрики к опытному частному портному, чтобы он сшил хороший костюм, дабы директор не позорился в продукции своего производства (Чаян. 1956. № 17).

Сфера услуг тоже вызывала нарекания граждан. Они жаловались, что некоторые услуги предоставляются низкого качества, а другие трудно получить из-за отсутствия соответствующего учреждения. Например, газета «Красный маяк» в Елатье (Рязанская область) изображала работников местных колхозов с большими лохматыми бородами, так как привести в порядок себя негде из-за отсутствия парикмахерской. Часто критиковали и соответственно рисовали общепит. Традиционными проблемами были не только отсутствие овощей и фруктов в меню, но и узость ассортимента, дурное приготовление блюд, а также незаконная торговля спиртным. Последняя ситуация была отражена в карикатуре, опубликованной в газете «Победа» (г. Феодосия) от 27 ноября 1959 г.

Буфетчица стала обладательницей уникального аппарата, в котором самовар совмещен с большой бутылкой водки. Художник тульской газеты «Красное знамя» в номере от 2 марта 1958 года изобразил диалог посетителя кафе и официанта, в котором обрываются мечты посетителя вкусно поесть. На вопрос, что лучше взять на обед, она говорит, что не имеет смысла выбирать, так как у них все блюда на один вкус. Проще всего было художникам, которые высмеивали изготовление бракованной продукции. Достаточно было просто изобразить в гротесковой форме неправильные формы изделия, например, ассиметричные платья или пальто, пошитые в ателье.

Еще одна болезненная точка повседневной жизни, которая часто находила отражение в письмах граждан и потом давала творческий импульс карикатуристам – это работа коммунальных служб, мелких руководителей, отвечающих за те или иные сферы городского хозяйства, председателей колхозов, забывших свою обязанность заботиться о быте людей. Состояние дорог, дворов, тротуаров, организация движения – тема привычная и живая для критических замечаний.

Газета «Слава Севастополя» была вынуждена обращать внимание на ситуацию, которая сложилась в летом 1958 года на улице Большой Морской в Севастополе. Там на одном из перекрестков светофор не просто не работал, а работал очень своеобразно: мог включить красный свет на несколько часов, что становилось причиной затора движения. Карикатурист изобразил огромную очередь из троллейбусов, машин, растерянных прохожих. Особенно следует подчеркнуть, что для 1950-х годов «пробки» на дорогах не были делом привычным, поэтому ситуация оказалась «достойной» пера карикатуристов. Также перо художника часто отображало выбоины на дорогах, грязные тротуары, захламленные дворы, как бытовые, так и хозяйственные.

С помощью гротеска карикатурист из другой крымской газеты «Победа», выпускаемой в Феодосии, показывал, что на одном из хозяйственных дворов беспорядок такой, что жертвой травмы становятся не только люди, но и животные (номер от 18 апреля 1958 г.): перед читателями появлялся расстроенный кот на костылях с забинтованной лапой, дающий обещание никогда не бегать по этому двору. Еще одна тема, которая часто фигурировала в письмах граждан и попадала на карандаш – это работа домоуправления по ремонту жилья. Нехватка воды или отсутствие электричества были достаточно частыми темами, с которыми граждане обращались в органы власти, писали письма в газеты и журналы, прося о помощи.

«Уж не ты ли воду нашу выпил, дорогой Крокодил?», – вопрошалось в одном из писем, которое получил этот известный сатирический журнал. Не только в этом издании, но в других появлялись достаточно схожие карикатуры на эту тему. Например, карикатура в крымской газете «Колхозная правда» от 25 апреля 1961 года созвучна с иллюстрацией в журнале «Чаян» № 3 за 1956 год. В крымской газете уличная колонка стонет, что хочет пить, а в казанском журнале этот уличный атрибут цивилизации просто повесил перед расстроенными гражданами табличку «Воды нет».

Еще одна проблема, которая давала хлеб художникам в редакциях периодических изданий – это холод в домах, школах или других учреждениях. То лектор в клубе вынужден совмещать чтение лекции с танцами, так как ему холодно, то в классе главной темой становится замерзание жидкостей и наглядностью выступают сосульки в классе. В прибрежных курортных городах граждане в письмах поднимали проблемы, связанные с состоянием

пляжей. Граждан не устраивало многое: отсутствие «грибочков» или навесов для тени, наличие в воде опасных предметов – камней, арматуры, малое число торговых точек, где можно было бы купить воду или продукты. И это тоже попадало на карандаш карикатуристов. Так «Радянський Крим» в номере от 8 сентября 1958 года предлагал посмотреть на несчастных отдыхающих, которые вынуждены обустраивать «грибочки» из газет, чтобы получить тень.

Карикатуры не просто констатировали эти бытовые проблемы, но и формировали образ конкретных виновных – работников домоуправления, показывая их равнодушие. Образ таких работников появляется в газете «Слава Севастополя» от 9 апреля 1956 г., показывает работника, который сидит под табличкой «Домоуправление». Работа этого сотрудника заключается в том, что он пишет на длинной ленте слова «обещания, обещания», а его помощник наматывает эту бумажную ленту на огромный вал. В другой крымской газете – «Радянський Крим» от 7 сентября 1958 года, где поднимается проблема отсутствия освещения в ряде домов в Ялте, работники домоуправления показаны в виде огромных монстров, которые нависли над домом и показывают друг на друга пальцем, перекалывая ответственность. Газета «Керченский рабочий» показала бездействие работников АТС, на которое жаловался работник одного из керченских заводов: работник возлежал в расслабленной позе на рычагах телефона вместо трубки.

Письма и карикатуры были направлены не только на решение бытовых проблем, но и на критику и осуждение аморальных явлений. И тут граждане проявляли активность в письмах, проявляя свою позицию, осуждая или обсуждая те или иные явления. Граждане выражали непримиримую позицию по отношению к нарушителям трудовой дисциплины, пьяницам, уклоняющимся от общественного труда. Причем они могли не просто высказывать обобщенное абстрактное мнение, осуждающие те или иные явления, но и проявить активность по отношению к конкретной ситуации: заметив аморальный образ жизни своего соседа, знакомого, товарища по работе, могли написать обращение с требованием принять меры к его руководству, начальству, в партком. Подобные письма сохранились в архиве органов народного контроля Крыма.

Газеты сами инициировали подобные обсуждения, публикуя соответствующий материал. Например, газета «Слава Севастополя» в 1958 году (номер от 12 января) опубликовала письмо группы учащихся строительной школы, в котором они осуждают поведение своей одноклассницы: она бросила учебу, не работает и не учится, сидит на шее у родителей. Впоследствии целый ряд номеров публиковал письма читателей, которые осуждали поведение девушки, рекомендовали ей вернуться в учебное заведение. Понятно, что это обсуждение было инициировано специально, чтобы активизировать общественное отношение по отношению к лицам, которые нигде не работают. Образ легкомысленных молодых людей, избегающих трудоустройства, часто встречается в карикатурах. Как правило, легкомысленный образ подчеркивался броской косметикой, легкомысленным взглядом, яркими нарядами. Он перекликается с образом еще одного внутреннего врага, который активно осуждался как в индивидуальных письмах граждан, так и в карикатурах, аккумулируя позицию власти – это стиляги. На страницах газет всех уровней можно было видеть письма, где граждане осуждали яркие прически, нестандартную манеру одеваться. К этому обязательно приписывался легкомысленный взгляд на жизнь, нежелание постигать науки, работать. Именно такими изображали стиляг на страницах газет и журналов. Особенно это было удобно для цветных журналов типа «Крокодила» и «Чаяна». При этом аморальность понималась достаточно широко. Так, осуждалась не просто вызывающая одежда, но отклонение от общепринятых стереотипов. Например, в 1950–1960-е ношение женщиной брюк многими не принималось, рассматривалось как аморальное поведение. Журнал «Крокодил» специально публиковал материалы, в котором высмеивал стиль одежды, смягчающий гендерные отличия: широкие брюки, длинные волосы [2, с. 130].

Даже уклонение от общественно полезного труда (тунеядство) трактовалось не буквально как безделье, а например, как работа на должности, которая по мнению общества слишком легкая для крепких и физически здоровых людей. Например, журнал «Чаян» отразил такой подход в карикатуре, на которой мужчина торгует газированной водой, а его зовут помочь в уборке урожая. Подобные настроения встречались достаточно часто в общественном сознании. Даже в Верховный Совет направлялись письма, требующие принять радикальные меры по отношению, например, к отставным военным, которые, находясь в трудоспособном возрасте, нигде не работали. Или колхозники с возмущением писали, что во время страды вынуждены смотреть на отдыхающих на берегу реки, которые загорают под июньским солнцем вместо того, чтобы тоже принимать участие в битве за урожай. При этом вариант, что отдыхающие находятся в законном отпуске, авторами письма даже не предполагался.

Карикатуристы использовали достаточно широкую палитру формирования желаемых образов. Мог использоваться такой прием как очеловечивания животных (кот, который сломал в Севастополе лапу), очеловечивания предметов и даже овощей. Интересно, что в повседневной карикатуре далеко не везде сложились такие стереотипные образы тех или иных явлений, подобно политической или военной карикатуре. Так, буржуй традиционно изображался толстым, в пенсне, в цилиндре. Священник, точнее поп в советской идеологии – тоже толстый с длинной бородой. Также сложился хрестоматийный образ Гитлера и других политических деятелей.

И про положительных персонажей сформировались некоторые обобщенные черты. Если изображали человека науки, то это обязательно мужчина пожилого возраста в пиджаке с галстуком. Или как вариант молодой человек в халате, в очках. Хотя в науке женщин тоже достаточно много, но в карикатурах женщина – это как правило напыщенная и неумного вида девица, которая явно ошиблась дверью [3, с. 85].

Если говорить о повседневной карикатуре, то тут образ внутреннего врага не имел таких выраженных черт. Бюрократы и бездельники, в сфере услуг часто выглядели так же, как и пострадавшая сторона, только подписи и выражение лиц уточняли их позицию в ситуации. Более ярко обобщенные черты сформировались у двух внутренних врагов – пьяниц и стилиаг. Пьяницы обычно изображались худыми, со щетиной на лице, в обвисшем пиджаке и сползающих брюках. Стилиаги-девушки, как правило, имели яркие формы, высокие прически, большие губы и ресницы. Естественно, что одежда их отличалась яркими красками, и обязательным было высокомерное выражение, взгляд, стремящийся в потолок. Иногда эти персонажи изображались в семейном окружении. Тогда родители приобретали округлые формы, на матери обязательно красуется яркий халат и украшения, которые обычно дома не носят, а отец обряжен в пижаму. Внешний вид подчеркивал сытое благополучие, помноженное на равнодушие к общественным проблемам.

Таким образом, публикация карикатур была распространенной реакцией периодических изданий на проблемы граждан, обозначенные в их обращениях. Это играло значительную роль в воспитании общества, выступало на одном уровне с фельетонами, стихами и даже частушками [5, с. 62]. На перо художников попадали все вопросы, которые дозволялось критиковать и обсуждать в прессе – низкое качество отдельных товаров, плохая работа торговых точек и сферы услуг. Как и все критические публикации, они представляли негативные явления не массовыми, а отдельными случаями, которые связаны с недостатками экономической системы, а объясняются недоработкой отдельных лиц. При этом активно использовались все традиционные приемы для этого жанра: визуальная гипербола, очеловечивание животных, растений, предметов. Карикатуристы сформировали и обобщенный образ некоторых явлений, которые должны были подлежать осуждению – пьяницы, бездельники, стилиаги. Творчество художников-карикатуристов ярко отражает не только проблемы повседневной жизни, а отношение общества к этим явлениям, иллюстрирует систему социальных ценностей своей эпохи.

Источники и литература (References):

1. Голиков А.Г. Журналы с карикатурами – долгожители отечественной периодики // История Отечественных СМИ. 2015. № 1. С. 70–76.
2. Гринько И.А., Швецова А.А. «Крокодил»: смех и грех. Как советская карикатура сурово боролась с аморальным поведением граждан // Родина. 2023. № 8. С. 126–130.
3. Гринько И.А., Швецова А.А. «Никому не нужно»: как советских ученых видела официальная карикатура // Этнодиалоги. 2019. № 2. С. 82–110.
4. Середина Е.В. Визуальная метафора в политической карикатуре // Вестник Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 3. 70–73.
5. Федорова В.В. Качества советского чиновника в сатирических и обличительных рубриках уссурйской газеты «Коммунар» 1965–1970 гг. // Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания. 2015. № 27. С. 59–64.
6. Червяков Р.Ю. «Надо бить смехом»: журнал «Крокодил» и советские карикатуристы в годы холодной войны (конец 1940-х – начала 1990-х гг.) // Российская история. 2023. № 5. С. 121–138.

**«ПОМОГИ, БРАТЕЦ ЕРШ!» (ПИСЬМА ГРАЖДАН В ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ОТДЕЛЫ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ СОВЕТСКОЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ)¹**

**«HELP, BROTHER YERSH!» (LETTERS FROM CITIZENS TO THE HUMOR SECTIONS OF
REGIONAL PERIODICALS AS A REFLECTION OF THE PROBLEMS OF SOVIET EVERYDAY
LIFE)**

**Попова О.Д.
Popova O.D.**

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань
Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan*

Аннотация. В статье анализируются юмористические рубрики на страницах региональной периодики. Показано, что содержание рубрик формировалось на основе писем граждан в редакцию. Автор показывает, что подобные рубрики высмеивали недостатки советского быта, критиковали лодырей и пьяниц. Однако подобные недостатки подавались как отдельные факты, не как недостатки всей системы. Партийное руководство рассматривало такие публикации как механизм решения конкретных негативных фактов. Чиновники должны были реагировать и давать ответы редакции.

Abstract. The article focuses on humorous sections in regional periodicals. It shows that the content of these sections was based on letters from citizens to the editorial office. The author demonstrates that these sections satirized the shortcomings of Soviet life and criticized lazy and drunken individuals. However, these shortcomings were presented as individual facts rather than systemic issues. The party leadership viewed these publications as a mechanism for addressing specific negative aspects. Officials were expected to respond and provide answers to the editorial office.

Ключевые слова: письма граждан, региональная периодика, советская повседневность, проблемы быта.

Keywords: letters from citizens, regional periodicals, Soviet everyday life, problems of everyday life.

Юмор широко использовался в системе агитации и пропаганды. Богатый опыт в этом и у советской идеологии. Одним из самых известных таких механизмов является журнал «Крокодил». Он был основан в 1922 г. и просуществовал до 2000 г. Символом издания является рисунок – красный крокодил с вилами. Тираж журнала достигал 6,5 млн экземпляров. В его тематике основной упор делался на недостатки обычной жизни, неустроенный быт. Журнал «гвоздил» дезорганизаторов в различных сферах народного хозяйства, разгильдяев и пьяниц, жуликов и туенядцев. Не обошел он вниманием и вопросы культуры. «Крокодил» разоблачал халтурщиков от искусства, нытиков и паникеров, идейных противников страны Советов [4, с. 17].

Однако журнал существовал не просто как независимое издание, критикующее недостатки общества, а как идеологическое орудие государства. Как указывает Ж.Г. Попова, с принятием в апреле 1927 г. постановления ЦК ВКП(б) «О сатирико-юмористических журналах», усиливался государственный контроль над сатирической прессой и увеличивался конформизм его авторов [13, с. 115].

Нельзя не согласиться с мнением Т. Дашковой: это сатирическое издание за долгие годы своего существования создало свой параллельный мир, некое советское Зазеркалье, в котором отразились/преломились многие актуальные события и культурные тенденции. Особенной изощренности создатели журнала достигали в гротесковом изображении звериного лица капитализма, событий и персонажей западного мира. Но как указывает Дашкова, большое место в критике журнала занимали и проблемы повседневности, сельского хозяйства, культуры быта [3, с. 313]. Особенно активно данные аспекты начали подниматься в 1960-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01217 «Советская повседневная жизнь в письмах граждан во власть 1950 -70-х годов», <https://www.rscf.ru/project/24-28-01217/>.

е годы. Именно в этот период власти начали детально обращаться к проблемам быта людей, качеству их жизни. Большое внимание уделялось строительству домов культуры, развитию библиотек. Многие села, которые так или иначе входили в зону промышленного развития, стали счастливыми обладателями «лампочки Ильича», началась газификация городов и сел. Только проблема состояла в том, что все бытовые улучшения в Советском государстве происходили очень неравномерно, поэтому неравномерность социальной сферы вызвала множество возмущений и недовольства. Порой на одной улице могли жить и те, кто мог слушать радио, наслаждаться чтением книг при свете электричества, и те, что продолжал использовать керосиновую лампу и более того, был озабочен покупкой этого самого керосина.

Поэтому весьма солидную основу для публикаций в «Крокодиле» составляли обращения самих рядовых граждан, в журнале в качестве постоянной была рубрика «Дорогой Крокодил». Авторы обращались в издание с различными проблемами. Название рубрики определяло и сам стиль обращения авторов к журналу – не как к начальству, а как другу, существу, который стоит на равных, и с которым допустим ироничный тон. Например, одна из читательниц журнала, подписавшись как «Мама», обращалась в редакцию по поводу низкого качества крупы «геркулес», из которой в детских садах готовили кашу детям: *«Любишь ли ты кашу из крупы "геркулес"? Дети очень любят. Очень вкусно и полезно. Но к сожалению для детей она не годится. Геркулес делается из засоренного и не отборного овса и поэтому требует тщательной переборки перед приготовлением. Но одно дело перебрать зерна, а другое хлопья. И одно дело сделать это для каши одного ребенка, а другое для каши целого детского учреждения»*. Завершалось это обращение весьма оригинальным предложением: *«Дорогой Крокодил. Я очень прошу попробовать каши "геркулес", а еще лучше угостить ей директора комбината, только не советую садиться напротив него за обеденным столом, а то он начнет плевать. Как это делают дети, я видела сама»* [2].

Важность журнала «Крокодил» состоит в том, что практика критического реагирования посредством юмора реализовалась не только в этом отдельном журнале. На рубеже 1950–1960-х годов критические юмористические рубрики существовали во многих изданиях. Многие из таких рубрик носили названия по аналогии с «Крокодилом», например, в районной газете Утевского райкома КПСС Куйбышевской области «Сталинский луч» функционировал «Утевский Крокодил», а в заводской газете Минского тракторного завода «Трактор» была своя рубрика «Крокодил». В ряде газет существовали аналогичные рубрики с звероподобным названием: в Керчи в газете «Керченский рабочий» была рубрика «Керченский Ерш», в газете «Коммунар», выходившей в городе Уссурийске Приморского края, существовала рубрика «Еж», в газете Брестского обкома КП Белоруссии действовала рубрика «Прибуский зубр», в газете Березовского райкома КП Белоруссии «Пламя» существовала рубрика «Дятел», в издании Ивенецкого райкома Коммунистической партии Белоруссии регулярно публиковались материалы под названием «Наш Ежик», в издании центрального комитета коммунистической партии Белоруссии «Колхозная правда» функционировал «Наш крокодил».

Представляется, что обращение к таким звероподобным названиям и их выбор не случаен. Можно предположить, что названия подбирались по аналогии с названием «Крокодил», у которого были определенные качества животного – острые зубы. Это регулярно напоминали читателям – с первого выпуска журнала (1922 г.) на каждой второй странице было описание Крокодила, но не как самого журнала, а именно животного, живущего у истоков Нила, у которого острые зубы [4, с. 18]. Этот образ усиливался и символом самого журнала – красный крокодил с вилами. Поэтому у всех животных, которые становились основой названия, было что-то острое – клюв, шипы, зубы, рога. При этом в оформлении рубрик эти качества особо подчеркивались, и даже усиливались. Например, на заставке к рубрике «Дятел» – эта птица изображалась с длинным клювом, «Прибуский зубр» украшал зубр, который нанизывал на свой рог нерадивых чиновников. Одновременно следует отметить и определенную связь с местностью и деятельностью людей. Ерш в Керчи имел непосредственную связь с рыболовным промыслом региона, Дятел и Зубр – отсылка к традициям Белоруссии. И даже совершенно далекий от берегов Нила «Наш крокодил» на страницах белорусской газеты «Колхозная правда», был одет в белорусскую национальную рубашку.

Безусловно, не все названия таких рубрик носили звероподобный характер. Остроумие главных редакторов обращалось и другим аналогиям. Например, в рязанской газете «Приокская правда» была рубрика «Как Вам нравится? (КВН)» – отсылка к популярной тогда передаче «Клуб веселых и находчивых», в «Колхозной правде», органе центрального комитета КП Белоруссии, в 1960 году «Наш крокодил» сменился на «Почту деда Михеда–апелляция к жизненной мудрости».

Однако звероподобное существо в качестве заголовка рубрики создавало ряд неоспоримых преимуществ для подачи материала. С одной стороны, с ним можно было вести диалог, как с человеком, причем в дружеском, а иногда и в язвительном тоне. С другой стороны, это

существо можно было наделить определенными человеческими качествами, при этом весьма активными, которые не пасуют перед начальством и партийной властью. Многие из них имеют весьма символические человеческие атрибуты мудрого и внимательного существа: они носят очки, умеют пользоваться карандашом и фотоаппаратом. Например, керченский Ерш, это – неведомое существо, которые спокойно разгуливает по редакции журнала, может прийти на планерку 1 января, выступить с речью, а может по письму читателя пуститься в дорогу.

Также весьма активным и мобильным был «Наш крокодил» из «Колхозной правды», который путешествовал по белорусским селам. Поводом для таких поездок были обращения читателей: *«Крокодил читал очередную почту, поступившую в отдел юмора и сатиры «Колхозной правды».* Постепенно добродушная улыбка сходила с его лица. *«Нет, на пенсию мне уходит еще не время, думал он, просматривая письма. А ну-ка проедусь я по этим адресам!»* Стукнул он вилами, сунул письма в карман и поехал» [11].

Если общероссийский «Крокодил» касался и политической тематики, много внимания уделял формированию негативного образа капитализма, то региональные юмористические рубрики в основном касались бытовых вопросов, злоупотребления служебным положением чиновников были очень близки и понятны читателям. При этом порой использовался очень хлесткий и злобредный тон общения. В.В. Федорова, которая занималась исследованием наполнения рубрики «Еж» в Уссурийской газете «Коммунар», определяя содержание публикаций, применяет термин «пропесочивать», т.е. слово, которое мы определяем как сильный выговор, и применяем обычно при обозначении воспитательных мер воздействия [14, с. 62].

Например, одно из обращений читателей «Ивенецкой правды» в рубрику «Наш Еж», началось со слов: *«Помоги, братец Еж».* И далее авторы сообщали, что работники Иванецкого пожарного депо занимаются браконьерством, ловят рыбу сетями. Заканчивалось обращение словами: *«Помоги, братец, Еж, избавиться от браконьеров»* [6].

В целом юмористические рубрики касались той же тематики, что и письма, которые просто публиковались в разделе «Письма читателей»: проблемы строительства, быта, торговли, состояние сельских клубов. Например, во время путешествия по белорусским селам «Наш крокодил» попытался сходить в кино в селе и обнаружил, что детей на сеансы не пускают, а специальных фильмов для детей не привозят [11].

Особенно активно критиковали в таких районных изданиях алкоголиков и тунеядцев, весьма язвительно описывали деятельность героев и просили содействия оказать на них воздействие. При этом даже напрямую указывались имя, фамилия, место работы: *«Дорогой Еж! Узнай, пожалуйста, какой болезнью болеет колхозник колхоза 40-летия Октября Е.Ч. (имя и фамилия сокращены автором – О.П.) Он целыми днями ходит без дела и ищет, где хлебнуть хмельного».* Завершалась публикация просьбой: *«Пропиши, пожалуйста, братец Еж, “больному” такие лекарства, чтобы весь хмель из головы вышел»* [5].

Однако особенность таких рубрик состояла в том, что проблема излагалась в особо хлесткой манере. Иногда такие материалы сопровождались стихами, карикатурами, фотографиями. Звероподобные существа, стоящие во главе рубрики, хорошо владели фотоаппаратом и карандашом. Например, слесарь Керченского судоремонтного завода жаловался в «Керченский Ерш», что крыша цеха протекает, вода портит оборудование, создает невыносимые условия труда. Это обращение сопровождалось карикатурой, которая изображала процесс работы под зонтиками. Здесь же размещались стихи [9].

Очень легко под карикатурные изображения ложились обращения читателей, связанные с состоянием жилья и дорог. Огромная лужа перед стадионом в Миргороде стала основой для соответствующей карикатуры и стихов в «Керченском Ерше» [7].

Выступления, которые публиковались в этих рубриках, как и все материалы издания, получали реакцию. Общероссийский «Крокодил» направлял поступающие письма в местные органы исполнительной власти, требовал разобраться в ситуации и ждал ответа. Например, Краснодарский крайисполком был вынужден давать редакции журнала «Крокодил» ответ на обращение работниц швейной фабрики в г. Ейске, которым председатель фабричного комитета заявил, что рыба, которую планировалось реализовать рабочим фабрики, будет продаваться только тем, кто принесет металлом. В ответе на это обращение был задействован горисполком Ейска. Чиновники убеждали редакцию журнала, что председатель фабричного комитета сказал это в шутку, и рыба продавалась всем сотрудникам фабрики [1].

На местном уровне ответственные лица также были вынуждены давать ответ редакции, и эти ответы печатались на страницах издания. Например, в письме читательница Н. Ревзина в рубрику «Дятел» газеты «Пламя» жаловалась на беспорядки на рынке. Через несколько номеров сообщалось, что данное обращение было обсуждено на заседании испол-

нительного комитета горсовета. По результатам обсуждения упорядочены правила торговли, оборудованы стоянки для велосипедов и др. [12].

Порой такие ответы были в тон самой рубрике. Например, на публикацию в рубрике «Наш крокодил» в «Колхозной правде» о плохом ремонте машин колхоза «Первое мая» отвечал сам директор Хойникского авторемзавода: *«Правильно ты подцепил нас на свои вилы. А виноваты в первую очередь мастер-контролер и начальник цеха. На них наложены взыскания»* [10]. Безусловно, такие ответы печатались с тем, чтобы показать, что имеющиеся недостатки устранены, а это была лишь досадная случайность в бесперебойной советской системе.

Однако нет уверенности, что результаты действительно были эффективны. Порой ответственное лицо, попавшее «на перо», щедро раздавало обещание, что недостатки будут устранены, а вот было ли это так или нет – это уже отдельная история. Например, заведующий Горкомхозом города Керчи в ответ на выступление о состоянии канализации молокозавода, соглашался, что необходим ремонт и обещал в течение апреля провести канализационной коллектор. История умалчивает, насколько это было реализовано в действительности [8].

Таким образом, юмористические рубрики на страницах газет создавались на основе обращений читателей, но в отличие от рубрик «Письма читателей» или «Нам пишут», они были более злыми и язвительными по содержанию. Гораздо чаще содержали прямое указание на виновника ситуации, сопровождалась карикатурами и конкретными фотографиями. Наличие звероподобных существ во главе рубрики позволяло создать диалог, причем очень острый, и одновременно создавала ощущение сказочного мира, где все недостатки советского общества случайны и быстро решаются. Использование юмористического стиля давало возможность показать негативные стороны советской системы, выявить определенные проблемы, но при этом сохранять ощущение, что это исключение из правил. Большинство таких сигналов было персонализировано: указывался конкретный алкоголик, конкретное место, где не работает клуб или море разливается из-за лужи.

Безусловно, наличие такой рубрики санкционировалось партийным руководством и строго контролировалось. Однако власть допускала признание недостатков именно как исключение из правил, как недобросовестность отдельных лиц. Расчет делался на то, что виновники быстро исправят ситуацию: пьяницы перестанут пить, чиновники будут качественно выполнять работу, а клубы заработают. При этом никогда эти рубрики не касались проблем всей системы советского общества.

Источники и литература (References):

1. Государственный архив Краснодарского края. Р-687. Оп. 3. Д. 1703. Л. 1.
2. Государственный архив экономики, ф. 8543, Оп. 1. Д. 1853. Л. 24–24 об.
3. Дашкова Т. «Расскажи мне, бабушка, сказку про стилинг»: контексты представления моды в журнале «Крокодил» 1950–1960-х годов // Теория моды: одежда, тело, культура. 2021. № 2 (60). С. 313–334.
4. Жмурова А.А. Сатирический журнал "крокодил": история, жанрология, тематика // Журналистика и медиакоммуникации в цифровой среде - 2024. Сборник научных трудов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 2024. С. 16–19.
5. Ивенецкая правда. 1960. 14 мая.
6. Ивенецкая правда. 1960. 4 июня.
7. Керченский рабочий. 1958. 16 февраля.
8. Керченский рабочий. 1958. 20 апреля.
9. Керченский рабочий. 1958. 26 января.
10. Колхозная правда. 1959. 13 сентября.
11. Колхозная правда. 1959. 8 сентября.
12. Плямя. 1958. 24 октября.
13. Попова Ж.Г. Журнал «Крокодил» 1920–1930-х гг.: информационный потенциал и методы количественной обработки контента // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2010. № 36. С. 115–116.
14. Федорова В.В. Качества советского чиновника в сатирических и обличительных рубриках уссурийской газеты «Коммунар» 1965–1970 гг. // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2015. № 27. С. 59–64.

КАРЛИЗМ В ОГНЕ: ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ (1936–1939 гг.)

CARLISM ON FIRE: THE TRADITIONALISTS IN THE SPANISH CIVIL WAR (1936-1939)

Акимов Е.С.
Akimov E.S.

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 31 г. Йошкар-Олы»
Municipal budgetary educational institution «Secondary School No. 31 in Yoshkar-Ola»

Аннотация. В статье изучена роль карлистского движения в Гражданской войне в Испании (1936–1939 гг.) в контексте кризиса традиционализма в XX веке. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления места консервативных идеологий в гражданских конфликтах, а также их влияния на современные правые движения. На основе анализа монографии и работ современных историков реконструировалась военная и политическая стратегия карлистов. Уделено особое внимание противоречиям между их монархическим идеалом и франкистской диктатурой. В результате исследования выявлено, что, несмотря на значительный вклад карлистов в победу националистов, карлисты были маргинализированы в послевоенной Испании из-за несовместимости их программы с авторитарным режимом. Работа вносит вклад в дискуссию о судьбе традиционалистских движений в условиях революций и войн, предлагая сравнительные параллели с современными политическими процессами.

Abstract. The article examines the role of the Carlist movement in the Spanish Civil War (1936-1939) in the context of the crisis of traditionalism in the 20th century. The relevance of the topic is due to the need to rethink the place of conservative ideologies in civil conflicts, as well as their influence on modern right-wing movements. Based on the analysis of monographs and works by modern historians, the military and political strategy of the Carlists was reconstructed, paying special attention to the contradictions between their monarchical ideal and the Francoist dictatorship. The study revealed that, despite the significant contribution of the Carlists to the victory of the nationalists, the Carlists were marginalized in post-war Spain due to the incompatibility of their program with the authoritarian regime. The work contributes to the discussion of the fate of traditionalist movements in the context of revolutions and wars, offering comparative parallels with modern political processes.

Ключевые слова: карлизм, гражданская война, рекете, монархия, церковь, Франциско Франко, традиционализм.

Keywords: carlism, civil war, requeté, monarchy, church, Francisco Franco, traditionalism.

Гражданская война в Испании (1936–1939 гг.) стала не только столкновением левых и правых сил, но и ареной борьбы различных течений внутри самого лагеря националистов. Среди них особое место занимал карлизм – традиционалистское движение, выступавшее за восстановление монархии на основе средневековых фуэрос, католических ценностей и антилиберального порядка. Война поставила карлистов перед сложным выбором: с одной стороны, они видели в республике угрозу вере и традициям, с другой – их союз с франкистами оказался неоднозначным, поскольку конечные цели карлистов и генерала Франко существенно расходились.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что гражданская война в Испании (1936–1939 гг.) остается одним из ключевых конфликтов XX века, изучение которого позволяет глубже понять природу идеологических противостояний, роль традиционализма в эпоху модерна и механизмы формирования авторитарных режимов. В этом контексте исследование карлизма – одного из наиболее самобытных и устойчивых политических движений Испании – представляет значительный научный интерес.

Изучение карлизма в период Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) остается важной, но не до конца раскрытой темой в современной историографии. Несмотря на значительное количество работ, посвященных конфликту, роль традиционалистов в нем часто рассматривается фрагментарно – либо в контексте военной истории, либо как второстепенного элемента франкистской коалиции. Однако в последние десятилетия наметились новые подходы, позволяющие переосмыслить место карлизма в истории войны и испанского

консерватизма. В работе были использованы труды английского историка Мартина Блинкхорна «Карлизм и кризис в Испании, 1931–1939» в которой автор анализирует карлизм не как маргинальное реакционное движение, а как важную политическую силу, которая смогла мобилизовать массы в условиях кризиса [1]. Автор показывает, как карлисты стали одной из самых боеспособных сил националистов, формулирует их главные идеологические постулаты. Также были использованы работы испанского историка Паркера Александра, в которой автор подробно описывает историю создания идеологии карлистов, а также их влияние на националистов во время гражданской войны в Испании [3].

Практическая значимость обусловлена тем, что в современных правоконсервативных движениях Европы наблюдается реабилитация традиционализма как альтернативы либеральному порядку, а также использование исторической памяти о карлизме в политической риторике, в частности, испанской ультраправой партии «Голос».

Карлизм как политическое течение возник в 1830 году в результате издания королем Испании Фердинандом VII Прагматической санкции (1830). Она отменила действие салического закона, существовавшего с 1713 года, установила престолонаследие по женской линии, передала права на престол инфанте Изабелле и лишила наследственных прав дон Карлоса Старшего [1, р. 20]. Этот законодательный акт стал катализатором политического раскола и привел к возникновению карлизма как самостоятельного движения. На фоне радикальных изменений жизни в XIX веке возникло движение, которое привлекло множество (хотя и меньшинство) испанцев, в основном сельских жителей, к «крестовому походу» против доминирующих тенденций того времени: урбанизма и индустриализма в социально-экономической сфере; терпимости, скептицизма и атеизма в религиозной сфере; централизации управления, а в мире политики – либерализма и социализма.

Чтобы противостоять этим «ужасам», карлизм постепенно сформулировал программу, призывающую к установлению традиционной, но не абсолютной монархии; административной передаче полномочий во имя исторических фуэрос (прав, законов и привилегий) испанских регионов; корпоративной социальной и политической системе, гарантирующей всеобщее благополучие и гармонию и объединяющей все в «католическое единство», предполагающее единообразие веры, самовыражения и поведения [1, р. 21].

Трижды в течение XIX века, в 1846, 1872 и 1883 годах, карлисты брались за оружие и начинали войну против испанского либерализма, и трижды они терпели поражение. В дальнейшем эти войны получили название «Карлистских войн» [5, р. 17]. В период между восстаниями и вплоть до начала XX века спорадические вспышки карлистского насилия были общепринятой частью испанской политической сцены, и ни одно правительство в XIX веке не могло позволить себе полностью игнорировать карлизм.

До 1876 года угроза со стороны карлистов часто уязвимой либеральной системе была постоянной, а временами и острой; после этого опасность спала, но карлизм не сдавался. В течение более чем пятидесяти лет, по мере того, как их дело постепенно угасало, карлисты утешали себя предсказаниями о возможном падении ненавистной либеральной монархии. Отсюда их ликование в июле 1936 года, когда произошел путч военных в Испании. В то время, когда карлизм был в самом слабом состоянии, их, казалось бы, надоевшее и абсурдное пророчество внезапно и удивительно сбылось. Получив, таким образом, последний шанс на жизнь, умирающее карлистское движение вступило в новую фазу контрреволюционной активности, кульминацией которой стало то, что оно сыграло решающую роль в Гражданской войне в Испании и в создании режима, пришедшего ей на смену.

14 апреля 1931 года в Испании произошла революция, в результате которой была свергнута монархия и провозглашена республика. Новое республиканское правительство приступило к проведению военной и аграрной реформ, секуляризации образования, социальным мерам. Главным был вопрос секуляризации церковных земель и замены религиозного образования на светское [2, р. 66].

Карлисты решительно выступили против проводимых реформ, и на севере Испании образовали свою политическую партию «Традиционалистское сообщество». Традиционалистское сообщество занимало ультракатолическую, антисекулярную позицию и готовило военный переворот, придерживаясь крайне правых апокалиптических взглядов и говоря об окончательном столкновении с альянсом предполагаемых антихристианских сил [1, р. 167]. Самым крайним сторонником этих взглядов был Хуан Васкес де Мелла, который утверждал, что еврейский капитал финансировал либеральную революцию и теперь стоит за коммунистической революцией, чтобы в союзе с «мусульманскими ордами» уничтожить христианскую цивилизацию и навязать *«еврейскую тиранию всему миру»* [1, р. 189]. Карлисты начали готовиться к вооруженному столкновению с Республикой и ее различными левыми группировками. Карлисты сформировали свое военизированное подразделение, которое было

названное «Рекете» в честь 3-й наваррского батальона, именовавшегося «Рекете», который действовал во время первой Карлистской войны 1834 году [4, р. 209].

1932 году в «Рекете» произошла реорганизация структуры – низовая ячейка, состоящая из 5 человек (красных беретов) – кампания, состоящая из 246 человек – и, наконец, терция, в составе которой было 3 кампании. Около 150 боевиков прошли военную подготовку в фашистской Италии [4, р. 210]. В начале 1935 года «Рекете» уже приобрело убедительный военный характер, которого ему ранее не доставало; его численность составляла 20 000 человек. В конце весны 1936 года «Рекете» объединила 10 000 полностью вооруженных и обученных мужчин и 20 000 человек вспомогательного состава [1, р. 190].

В феврале 1936 года в Испании состоялись парламентские выборы, на которых левые партии достигли консолидации, сформировав коалиционное объединение под названием Народный фронт [1, р. 198]. После победы на выборах новое правительство активизировало проведение реформ, инициированных в предыдущий республиканский период (1932–1933 гг.). Ключевыми направлениями преобразований стали: сокращение численности генералитета и офицерского состава и чистка командного состава от консервативно настроенных и праворадикальных военных, последовательное проведение курса на отделение церкви от государства. Недовольные военные во главе с генералом Франциско Франко подняли мятеж 17 июля 1936 года, тем самым начав гражданскую войну в Испании, которая длилась 4 года.

Активное участие карлистов в восстании генерала Франко не означает, что они отказались от какого-либо пункта своей традиционной программы. Они были готовы отложить ее и поддерживать военное правление до тех пор, пока их программа не сможет стать практической политикой. Как заявил лидер карлистов Фал Конде в сентябре 1936 года, *«мы не могли оставаться равнодушными. Генерал Мола осознал ценность нашей поддержки и сотрудничества; и он решительно отказался выдвигаться, пока не сможет рассчитывать на поддержку рекете. Результатом этих переговоров с Молой стало активное сотрудничество карлистов с национальным движением. И мы пообещали генералу не настаивать ни на какой форме правления, пока длится война, и поддерживать военную директорию, которая возьмет на себя задачу восстановления порядка в стране»* [3, р. 66].

В большей степени, чем любой другой националистический элемент, карлисты рассматривали войну как событие, выходящее за рамки обычного гражданского или даже идеологического конфликта. Гражданскую войну они рассматривали как крестовый поход [1, р. 204]. Поэтому было естественно, что с самого начала военных действий воинственное крыло карлизма проявило чрезмерное рвение, благодаря которому оно прославилось или (в глазах своих врагов) приобрело дурную славу по всей Испании и за ее пределами. На фронте Рекете снискали себе репутацию наиболее агрессивного элемента в националистических армиях. В первые недели войны добровольцы рекете, возможно, составляли около 15% всех националистических войск на полуострове [3, р. 67].

В арьергарде, в течение первого года войны, Рекете, с энтузиазмом взявшая на себя роль главного героя, поддерживаемая гражданскими лицами-карлистами, усердно занималась очищением Наварры, Алавы, Логроньо, западной Андалусии и некоторых районов Сарагосы от левых взглядов и республиканизма. Масштабы этой бойни остаются неопределенными. В напряженной атмосфере войны, как сторонники, так и противники карлистских репрессий, были склонны преувеличивать их, и обычно приводились цифры от 7000 до 11000 смертей только в Наварре [1, р. 190].

Рекете шли в бой с религиозным рвением, распевая гимны Деве Марии и считая себя «воинами Христа» в священной войне против «безбожного коммунизма». Этот религиозный фанатизм, по свидетельствам современников, превращал рекете в одну из самых мотивированных и жестоких сил националистического лагеря. Как отмечает историк Блинкхорн, именно эта «сакрализация насилия» отличала рекете от других формирований националистов, делая их одновременно и эффективными бойцами, и проводниками жестоких внесудебных расправ [1, р. 191]. Парадоксальным образом религиозный фанатизм сочетался с четкой военной организацией, что позволило карлистам сохранить значительное влияние в первые годы войны, несмотря на их последующую политическую маргинализацию.

Во время гражданской войны между карлистами и Франко стал вопрос монархии. Карлистский претендент, дон Альфонсо Карлос, проживавший в Австрии, погиб в конце сентября 1936 года, и ему наследовал регент, дон Хавьер, проживавший во Франции. Последний дважды встречался с Франко в 1936 году, и оба лидера относились друг к другу крайне скептически. Франко предпочел поговорить с опытным наваррским лидером Конде Родезно.

Как и фаланга, карлисты пытались максимально использовать автономию, предоставленную военной администрацией. В октябре 1936 года их пропаганда уделяла больше внимания тому, что дон Хавьер стал регентом, а не Франко стал главой государства. А в

конце 1936 года заголовки карлистской прессы превозносили изгнанного лидера Фаль Конде как каудильо, оставляя за собой право на временное отстранение от власти [2, р. 66].

Этот символический конфликт предопределил сложный характер переговоров об объединении двух организаций. Франко, понимая важность карлистских военных формирований, тем не менее, последовательно ограничивал их политические амбиции. Как отмечает историк Паркер Александр, *«карлисты оказались в двойственном положении – их военный вклад был незаменим, но политические требования становились все более неприемлемыми для формирующегося франкистского режима»* [2, р. 67]. Переговоры о слиянии, начатые в конце 1936 года, с самого начала носили формальный характер, так как ни одна из сторон не была готова к реальным идеологическим уступкам.

Теоретические платформы Фаланги и Карлистов были поразительно разными. Первые продвигали синдикалистскую революцию и яростный испанский национализм, которые должны были быть объединены во всемогущее государство; вторые были привержены традиционной монархии, обществу, укоренившемуся в традиционных ролях, и децентрализованному государству, учитывающему местные баскские и каталонские свободы. Хотя оба они были одинаково враждебны демократии, парламентаризму и социализму, они не слишком уважали друг друга. Фалангисты считали карлизм полумертвым доисторическим реакционным пережитком, в то время как карлисты рассматривали фалангистов просто как «красную угрозу» [1, р. 212].

На практике после июля 1936 года отношения между ними были неоднозначными; формально являясь союзниками внутри националистического конгломерата, они, тем не менее, конкурировали за посты, активы и рекрутов. В то время как политики и ополченцы на передовой поддерживали, по крайней мере, корректные, если не дружественные отношения, в тылу драки на кулаках и столкновения между карлистами и фалангистами были отнюдь не редкостью, а иногда они перерастали в перестрелки. Они взаимно саботировали митинги соперников и доносили друг на друга военным властям.

В конце 1936 года руководство карлистов и фаланги получило информацию о планах Франко по созданию единой политической структуры. Оставаясь в неведении относительно конкретных условий этого объединения и сомневаясь в эффективности возможного сопротивления, обе группировки пришли к стратегическому соглашению. Они сочли, что достижение взаимно согласованного компромиссного решения предпочтительнее, чем принятие директив, односторонне навязанных военным командованием. Как отмечает историк Блинкхорн, *«этот вынужденный альянс отражал прагматичное понимание того, что без поддержки армии ни одна из гражданских политических сил не сможет реализовать свою программу»* [1, р. 247].

Однако, как показали последующие события, Франко использовал переговоры об объединении, прежде всего, для укрепления личной власти, последовательно устраняя элементы реального плюрализма в националистическом лагере. 19 апреля 1937 года он подписал декрет, по которому две крупнейших организации объединялись в единую партию под названием «Испанская Традиционалистская Фаланга союзов национал-синдикалистского наступления». Все остальные политические партии и движения он запретил.

Реакция в карлистских кругах была неоднозначной. Часть рядовых членов и среднего руководства, особенно в Наварре, приняла новый порядок, надеясь сохранить хотя бы часть влияния через местные структуры. Однако традиционалистская элита восприняла унификацию как предательство карлистских идеалов. Как писал в мемуарах карлистский деятель Хуан Мануэль Валера: *«Мы обменяли свою душу на место за столом победителей, и в итоге потеряли и то, и другое»* [1, р. 278].

Парадоксальным образом, военные формирования карлистов сохранили некоторую автономию вплоть до конца войны, оставаясь важной частью националистической армии. Однако, как показывает историк Р. Касас де ла Вега, их политическое влияние неуклонно снижалось по мере укрепления франкистского режима [6, р. 194]. Этот процесс ярко иллюстрирует общую динамику отношений между Франко и его политическими союзниками – от тактического сотрудничества в начале войны до полного подчинения в послевоенный период. Унификация 1937 года стала не концом политической борьбы в националистическом лагере, а лишь ее переходом в скрытую фазу, где карлисты постепенно превращались из субъекта в объект испанской политики.

В 1939 году гражданская война в Испании закончилась победой националистов. Рекете были расформированы, хотя организация продолжала существовать как часть местных карлистских структур. Особую сложность представлял монархический вопрос. В то время, как Франко откладывал решение о восстановлении монархии, карлисты продолжали поддерживать альтернативную (карлистскую) ветвь Бурбонов. Как пишет М. Блинкхорн, *«даже в*

условиях франкистского единовластия карлисты сохраняли свою династическую лояльность, хотя и вынуждены были делать это крайне осторожно» [1, р. 265].

Гражданская война в Испании (1936–1939) стала для карлизма периодом одновременно наивысшего влияния и начала политического упадка. Как показало проведенное исследование, карлистское движение, опиравшееся на традиционалистскую идеологию, религиозный фанатизм и региональную идентичность (особенно в Наварре), внесло значительный вклад в победу националистов, прежде всего через свои военные формирования – рекете. Однако после 1937 года карлисты быстро утратили политическую самостоятельность, став жертвой унификации, проводимой Франко. Парадокс карлистского движения заключался в том, что, будучи одной из ключевых сил антиреспубликанского лагеря, оно так и не смогло реализовать свою главную цель – восстановление традиционной монархии. Вместо этого карлисты оказались маргинализированы в рамках франкистской системы, где не было места ни плюрализму, ни альтернативным центрам власти. Тем не менее, их опыт демонстрирует устойчивость традиционалистских идеологий в условиях модернизационных кризисов, а также сложность взаимодействия между консервативными движениями и авторитарными режимами.

Изучение роли карлистов в Гражданской войне позволяет не только углубить понимание внутренней динамики националистического лагеря, но и провести важные параллели с современными политическими процессами, где традиционализм, регионализм и религиозная идентичность вновь становятся инструментами мобилизации. Таким образом, история карлизма в 1936–1939 гг. остается актуальной не только для испанской историографии, но и для более широких дискуссий о природе гражданских конфликтов, консервативных идеологий и механизмах политической адаптации в условиях диктатур.

Источники и литература (References):

1. Blinkhorn.M Carlism and crisis in Spain, 1931-1939. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 394 p.
2. Blinkhorn.M Carlism and the Spanish Crisis of the 1930s // Journal of Contemporary History. 1972. Vol. 7, No. 3/4. P.65–88.
3. Parker.A.A. Carlism in the Spanish Civil War // Studies: An Irish Quarterly Review. 1937. Vol. 7, No. 3/4. P. 65-68.
4. Parker.A.A. History and Policy of Carlism // Studies: An Irish Quarterly Review. 1937. Vol. 26, No. 102. P. 207–222.
5. Parker.A.A. History of Carlism in Spain // Studies: An Irish Quarterly Review. 1937. Vol. 26, No. 101. P. 16-25.
6. Vega.R Las milicias nacionales en la guerra de España. Madrid: Editora Nacional, 1974. 215 p.

**«ЮЖНЫЙ ВОПРОС» КАК ИСТОРИКО-СТРУКТУРНАЯ ПРОБЛЕМА В КОНЦЕПЦИИ
АНТОНИО ГРАМШИ**

**THE "SOUTHERN QUESTION" AS A HISTORICAL AND STRUCTURAL PROBLEM IN ANTONIO
GRAMSCI'S CONCEPT**

**Русинова А.С.
Rusinova A.S.**

*Центр итальянского языка и культуры Данте, г. Мариуполь
Dante Center for Italian Language and Culture, Mariupol*

Аннотация. Статья посвящена анализу «южного вопроса» в исторической концепции Антонио Грамши как одного из центральных элементов его теории гегемонии и критики капиталистического государства. Исследуется, как исторически сложившееся социально-экономическое и культурное неравенство между Севером и Югом Италии переосмысливается Грамши в терминах «внутренней колонизации», «исторического блока» и «идеологического подчинения». Показано, что «южный вопрос» у Грамши – это не просто региональный конфликт, а универсальная модель исторического анализа структурной зависимости, классовой борьбы и механизмов гегемонии. Рассматриваются также роль интеллигенции, возможности революционного альянса между пролетариатом Севера и крестьянством Юга, а также интернациональные параллели. Статья подчеркивает актуальность грамшианского подхода для исторического анализа современных форм неравенства и центр-периферийных отношений.

Abstract. This article explores Antonio Gramsci's interpretation of the "Southern Question" as a key element of his theory of hegemony and critique of the capitalist state. The author examines how the socio-economic and cultural inequality between Northern and Southern Italy is reinterpreted by Gramsci in terms of internal colonization, the historical bloc, and ideological subjugation. The "Southern Question" is presented not as a merely regional issue but as a universal analytical model of structural dependence, class struggle, and hegemonic mechanisms. The article also discusses the role of the intelligentsia, the potential for a revolutionary alliance between the northern proletariat and southern peasantry, and international parallels. It highlights the enduring relevance of the Gramscian framework in analyzing contemporary inequalities and center-periphery dynamics.

Ключевые слова: Антонио Грамши, южный вопрос, гегемония, внутренняя колонизация, исторический блок, интеллигенция, капитализм, марксизм, Италия.

Keywords: Antonio Gramsci, Southern Question, hegemony, internal colonization, historical bloc, intelligentsia, capitalism, Marxism, Italy.

Антонио Грамши занимает особое место в европейской интеллектуальной истории XX века как политический деятель, марксистский теоретик, историк и критик. Его размышления о природе власти, культуре и гегемонии стали поворотным пунктом в развитии западного марксизма. Одной из ключевых проблем, к которым он неоднократно обращался и в публицистике, и в «Тюремных тетрадах», был так называемый «южный вопрос» – исторически сложившееся социально-экономическое и политико-культурное неравенство между Севером и Югом Италии. В грамшианской интерпретации «южный вопрос» выходит за рамки региональной специфики и представляет собой универсальную модель анализа структурной зависимости, внутреннего колониализма и классовой гегемонии.

Дискуссии о «вопросе Юга» берут свое начало в период после Рисорджименто. После объединения Италии в 1861 г. стало очевидным, что интеграция южных территорий (в частности, бывшего Королевства обеих Сицилий) в новое государство осуществлялась не на равных условиях. Юг Италии оказался в положении социальной и экономической периферии, лишенной автономного промышленного развития и зависимой от финансово-промышленной политики Севера.

Ранние историографические трактовки «южного вопроса» исходили из культурной или «антропологической» неполноценности южного населения. Например, Паскуале Виллари, автор популярных «Писем о Юге», представлял его население как морально и политически незрелое, требующее «просвещения» и включения в цивилизованное пространство нации [10, р. 88–89]. Этот дискурс патерналистского модернизма доминировал до конца XIX в. Уже в

начале XX в. ряд социалистов и республиканцев (в частности, Джованни Бовио и Газтано Сальвемини) начали рассматривать Юг не как отсталую область, а как жертву структурной эксплуатации со стороны Северного промышленного капитала [9, р. 104].

Грамши, формирующийся как мыслитель в годы кризиса итальянского либерализма, унаследовал критику североцентрической модели, но переработал ее в русле исторического материализма. Для него «южный вопрос» – это не только дисбаланс в развитии регионов, но и проявление более глубокой противоречивости капиталистического государства, основанного на союзе классов, чьи интересы структурно неравны.

После Первой мировой войны обострились противоречия внутри итальянского общества: усилилась классовая борьба, активизировались профсоюзы, крестьянские движения, возникли советские формы самоуправления (фабричные советы в Турине и Милане). На этом фоне проблема национального единства вновь вышла на передний план. Коммунистическая партия Италии, в становлении которой Грамши принимал участие, стремилась предложить свою интерпретацию национальной проблемы как производной классового конфликта.

Юг в этой схеме играл роль не просто «отсталой» территории, а критической зоны воспроизводства капиталистической эксплуатации. В статье 1926 г. «Некоторые темы южного вопроса» (*«Alcuni temi della questione meridionale»*) Грамши утверждает, что Север (особенно Турин, Генуя, Милан) выступает как метрополия, а Юг – как внутренняя колония, в которой осуществляются аграрная эксплуатация, принудительное администрирование, подавление политической субъектности [5, р. 15–18].

Важным положением грамшианской теории является идея союза между промышленной буржуазией Севера и земельной аристократией Юга. Этот союз, или «исторический блок», по сути, функционирует как альянс господствующих классов, обеспечивающих воспроизводство власти через комбинацию насилия и согласия [7, р. 1973–1974]. Формально демократические институты – парламент, школа, армия – становятся инструментами гегемонии, а не подлинного народного представительства.

Одним из ключевых вкладов Грамши в теорию общества стало переосмысление роли интеллигенции. Он делит ее на «традиционную» (воспроизводящую себя как автономную) и «органическую» (связанную с конкретными классами). В контексте южного вопроса интеллигенция играет роль посредника между структурами власти и массами, легитимируя существующий порядок.

Грамши утверждает, что южная интеллигенция, формально либеральная или даже прогрессивная, часто фактически воспроизводит идеологию гегемонии, маскируя структурное подчинение Юга под риторику национального единства. Она говорит от имени нации, но выражает интересы исторического блока [6, р. 52]. Это проявляется в школьной программе, прессе, муниципальной политике и даже в использовании итальянского литературного языка как инструмента символического насилия над диалектами и локальными идентичностями [2, р. 20–23].

Именно поэтому Грамши ставит задачу создания новых органических интеллектуалов, связанных с народными массами Юга – прежде всего с крестьянством. Они должны нести новую идеологию, способную разрушить монополию господствующего класса на объяснение действительности. Отсюда его внимание к вопросам образования, культурной работы, переосмысления истории.

Центральное положение в интерпретации южного вопроса занимает концепт внутренней колонизации. Юг в грамшианской модели – это не «архаическое» пространство, а территория, намеренно удерживаемая в состоянии зависимости. Такой статус закрепляется через институциональные, экономические и идеологические механизмы, создающие эффект «естественной отсталости» [3, р. 135–136].

Это позволяет Грамши рассматривать национальное государство как форму классовой власти, замаскированную под механизм «общего интереса». Буржуазия Севера использует Юг как территорию выкачивания аграрной ренты, трудовых ресурсов и политической лояльности, одновременно воспроизводя дискурс о «миссии» по цивилизованному управлению. Таким образом, модель итальянского единства оказывается несостоятельной в качестве универсального общественного проекта: она воплощает интересы только части населения.

На этом фоне Грамши формулирует задачу создания нового блока – революционного союза между промышленным пролетариатом Севера и крестьянством Юга. Он понимает, что пролетариат не способен в одиночку осуществить гегемонию, не будучи подкреплён народной массой сельского населения. Но такой союз возможен лишь при условии изменения культурной логики: необходимо переосмыслить политическую субъектность крестьянства, его исторический опыт, формы самоорганизации [8, р. 210–211].

Задача коммунистической партии, по Грамши, не только в мобилизации масс, но и в воспитании новой политической культуры, способной разрушить традиционные схемы

мышления – клиентелизм, местничество, слепую лояльность. В этом смысле южный вопрос становится неотъемлемой частью борьбы за социалистическое преобразование Италии.

После смерти Грамши его идеи подвергались разнообразной интерпретации. В послевоенной Италии они легли в основу политики Итальянской компартии, особенно в южных регионах, где партия пыталась сформировать «народный блок». В 1960–1980-х годах теория внутреннего колониализма получила новое развитие в исследованиях Л. Кафанья, Э. Капечелатро, П. Помбени [4, р. 75–85]. Внимание обращалось на сохранение патронажной системы, экономического неравенства, слабости институтов гражданского общества.

Грамшианская модель также оказалась продуктивной в глобальном контексте. Исследователи Латинской Америки, Индии и Восточной Европы применяли понятия гегемонии, органической интеллигенции и исторического блока к анализу внутренних противоречий национального развития. Южный вопрос в таком подходе становится метафорой для всей логики «центра и периферии» внутри государства [1, р. 18–20].

Южный вопрос в концепции Антонио Грамши – это не просто региональная проблема, а ключ к пониманию механизма социальной и политической гегемонии в капиталистическом обществе. Он выступает как теоретическая модель для анализа отношений центра и периферии, культуры и власти, насилия и согласия. Внимание к этой проблеме позволяет по-новому прочитать не только историю Италии, но и динамику неравенства в современном мире. Теоретическое наследие Грамши по-прежнему актуально – как в академическом анализе, так и в критике социальной действительности.

Источники и литература (References):

1. Anderson P. The Antinomies of Antonio Gramsci // *New Left Review*. 1976. № 100. P. 5–78.
2. Bobbio N. *Destra e sinistra*. Roma: Donzelli, 1994. 221 p.
3. Cafagna L. *Nord e Sud non fare a pezzi l'unità d'Italia*. Venezia: Marsilio, 1994. 155 p.
4. Capecelatro E. *Industrie meridionali preunitarie*. Milano: Laterza, 1990. 342 p.
5. Gramsci A. Alcuni temi della questione meridionale. Parigi, gennaio 1930, *Lo Stato Operaio*, n. 1, A. IV, 1930.
6. Gramsci, A. *La questione meridionale*. Gaeta: Ali Ribelli, 2019. 107 p.
7. Gramsci, A. *Quaderni del carcere*. Edizione critica dell'Istituto Gramsci. Torino: Einaudi, 2014. Vol.3. 3370 p.
8. Pombeni P. *La tradizione politica dell'Italia unita*. Bologna: Il Mulino, 1995. 283 p.
9. Salvemini G. *La sinistra e la questione meridionale*. *Corriere della Sera*, 2011. 147 p.
10. Villari P. *Le lettere meridionali ed altri scritti sulla questione sociale in Italia*. Le Monnier, 1878. 335 p.

МОЛОДЕЖЬ И КОМСОМОЛЬЦЫ ДАГЕСТАНА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945 ГГ.)

YOUTH AND KOMSOMOL MEMBERS OF DAGESTAN IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Асланбекова Э.А., Махадов А.К., Гусейнова А.А., Акаев М.А.
Aslanbekova E.A., Makhadov A.K., Guseynova A.A., Akaev M.A.

МБОУ «Гимназия 37» им. героя РФ М. Нурбагандова,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»

*MBOU Gymnasium 37 named after Hero of the Russian Federation M. Nurbagandov
Dagestan State University
Dagestan State University of National Economy*

Аннотация. В статье изучен вклад комсомольцев и других представителей молодежи дагестана в победу Советского народа в Великой Отечественной войне. Проанализированы данные о количестве призванных на фронт молодых дагестанцев, в том числе добровольцев, а также вклад представителей дагестанской молодежи (в основном девушек) в трудовом подвиге в тылу. Сделан вывод, что дагестанская молодежь внесла значительный вклад в Победу Советского народа над врагом.

Abstract. The article examines the contribution of Komsomol members and other representatives of Dagestan youth to the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. The data on the number of young Dagestanis called up to the front, including volunteers, as well as the contribution of Dagestan youth (mostly girls) to the labor feat in the rear are analyzed. It is concluded that Dagestan youth made a significant contribution to the Victory of the Soviet people over the enemy.

Ключевые слова: Дагестан, молодежь, комсомолы, ЦК ВЛКСМ, Красная Армия.

Keywords: Dagestan, youth, Komsomols, Komsomol Central Committee, Red Army.

22 июня 1941 года без объявления войны нацистская Германия напала на Советский Союз. Началась долгая и кровопролитная Великая Отечественная война советского народа. На рубежи защиты Родного Отечества со всеми народами Советского Союза вышла и молодежь во главе с ВЛКСМ. Общественно-политическая деятельность молодежи СССР с началом войны вышла на первый план. С началом войны ЦК ВЛКСМ принял ряд постановлений – «О работе комсомольских организаций в связи с войной СССР против гитлеровских захватчиков» (22.06.1941 г.), «О мероприятиях по военной работе в комсомоле» (23.06. 1941 г.) [1, с. 32–33]. Они готовили организации молодежи к беспощадной борьбе с врагом.

Молодежь и комсомолы Дагестана одними из первых откликнулись на агрессию Нацистской Германии на Советский Союз. 22 и 23 июня 1941 года по всему Дагестану прошли митинги и демонстрации. В них приняло участие более 7 тысяч человек, в том числе значительная часть молодежи [2, с. 50]. Более тысячи молодых колхозников и рабочих, представителей интеллигенции, служащих, студенты и учащиеся с начала войны пришли в военкоматы и комитеты комсомола с просьбой принять их в ряды Красной Армии. Целые коллективы молодежи и комсомольцев изъявили желание отправиться на фронт. Состоялось собрание более чем 40 первичных комсомольских организаций, на которых молодежь Страны Гор открыто выразила желание быть в рядах защитников Отечества. В историю комсомола Дагестана навсегда вошло решение первичной комсомольской организации села Викри Дахадаевского района от 23 июня 1941 года: «Просим райвоенкомат отправить нашу комсомольскую организацию в количестве 19 человек в действующую Красную Армию. Председатель Алиев. Секретарь Салихов. Протокол №5 от 23 июня 1941 г.» [3, с. 22].

В обстановке патриотического подъема организовано и при активном участии организации молодежи и комсомола была проведена мобилизация. К концу 1941 года в Красной Армии боролись с врагом более 7 тысяч представителей молодежи и комсомольцев Дагестана [4, с. 247]. С начала и до конца войны молодежь и комсомольцы Дагестана принимали

активное участие во всех ключевых сражениях, операциях и битвах против нацистской Германии. Они сражались за Брест, Москву, Сталинград и за Кавказ, поднимали Знамя Великой Победы над рейхстагом в Берлине в мае 1945 года. Также молодежь и комсомольцы из Дагестана принимали участие в боях за освобождение стран Центральной и Восточной Европы. Участвовали в разгроме милитаристской Японии.

В годы Великой Отечественной Войны добровольно и по мобилизации ушли на фронт свыше 19 тысяч комсомольцев и представителей молодежи. Комсомольская организация Дагестана сократилась за годы войны на 6,5 тысяч человек.

Одним из факторов, который обеспечил Победу советского народа в Великой Отечественной войне, была самоотверженная борьба советских людей в тылу врага. Народная борьба на оккупированных территориях развернулась в разных формах, главными из которых были деятельность подпольных организаций и партизанское движение в захваченных врагом городах и населенных пунктах. Молодежь и комсомольцы Дагестана стали активными участниками подпольной борьбы и партизанского движения в РСФСР, Белоруссии и на Украине. Деятельность представителей комсомола и молодежи получила освещение в работах историков Дагестана, журналистов и публицистов. Составной частью борьбы против Германии стало движение Сопротивления, которое развернулось в первые годы Второй Мировой Войны в странах Центральной и Восточной Европы. В рядах борцов Сопротивления за мир против нацизма была и молодежь Дагестана.

Немало представителей молодежи и комсомольцев из Дагестана совершили ратные подвиги, проявив мужество и героизм в боях за Родину. Молодежь и комсомольцы из Дагестана проявили на фронтах войны настоящую воинскую доблесть и самоотверженность. Родина высоко оценила боевые и фронтовые заслуги отважных дагестанцев.

Победный исход Великой Отечественной войны решался не только на фронтах и полях сражений, но и в тылу. Лозунг тех лет «Все для фронта! Все для победы!» стал определяющим в деятельности молодежных организаций страны. Молодежь стала инициатором многих самых важных патриотических начинаний, которые затем выливались в массовые движения. Например, 3 июля 1941 года горьковский комсомолец Ф. Букин выступил с инициативой *«Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт!»*. Эту инициативу подхватили рабочая молодежь Омска, Горького, Махачкалы, Куйбышева, Челябинска. Впоследствии это вылилось в движение двухсотников (2% выполняющих нормы), затем трехсотников и пятисотников. Это движение охватило и молодежь Дагестана. Первые двухсотники появились на промышленных предприятиях Махачкалы. Это ремонтно-механический завод, рыбоконсервный завод, железнодорожный транспорт. К концу 1941 года 2 тысячи молодых рабочих стали двухсотниками. А к концу 1942 года в нем принимало участие уже до 4 тысяч человек комсомольцев и молодежи республики. На протяжении всей войны молодежь республики проводила вахты как одну из форм участия молодежи и комсомольцев в деле оказания помощи фронту. В республиканском соревновании за право нести вахту принимали участие рабочие коллективы молодежи ремонтно-механического завода, рыбоконсервного завода, фабрики имени III Интернационала, хлебозавода Махачкалы, кожевенного завода Буйнакска, Двигательстроя (г. Каспийск) [5, с. 1, 3–4].

Появились такие формы трудовых объединений юношества и молодежи, как комсомольско-молодежные фронтовые бригады. Они выполняли заказы фронта и начали соревноваться за звание фронтовых. Первые фронтовые бригады возникли по инициативе молодежи Урала и Центральной России осенью 1941 года. Благодаря энергии и энтузиазму, фронтовые бригады возникли на промышленных предприятиях городов Дагестана – Махачкалы, Хасавюрта, Буйнакска и Каспийска. В 1942 году в Дагестане уже насчитывалось 64 молодежные фронтовые бригады. Одной из первых это звание было присвоено бригаде А. Блянка (Буйнакский кожевенный завод). Бригаду наградили Почетной Грамотой ЦК ВЛКСМ. Она выполняла задание на 150–350%, не имели брака в работе, отлично освоила военное дело, занималась во Всеобуче, принимала активное участие в строительстве оборонительных сооружений.

Безусловный вклад в Победу над нацизмом внесла сельская молодежь республики. Она обеспечивала продуктами и продовольствием Красную Армию, а города, заводы и фабрики – сырьем. Только в Дагестане в 1944 году в сельхозработах принимало активное участие более 70 тысяч молодежи, которые были объединены в 426 комсомольско-молодежных производственных бригад, а также 1400 звеньев высокого урожая. Благодаря труду молодежи было отремонтировано свыше 3 тысяч сельскохозяйственных машин, техники и орудий [6, с. 209].

Комсомольские организации сел республики стали инициаторами многих патриотических начинаний, в том числе движения «Девушки, на трактор!». К концу 1942 года успешно работали 316 трактористок и 64 прицепщицы из горянок Хасавюртовского,

Кумторкалинского, Сергокалинского, Ахтынского, Магарамкентского, Бабаюртовского и других районов республики.

Благодаря труду молодежи республика значительно увеличила поставку продукции сельского хозяйства, что позволило улучшить снабжение Красной Армии и населения промышленным сырьем и продовольствием. Более 141 тысячи дагестанцев были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», большую часть которых составляли представители молодежи [7, с. 50].

Самоотверженный труд молодежи и комсомольцев Дагестана на фронте и в тылу способствовал тому, что республика внесла существенный вклад в увеличение поставок фронту боеприпасов и сырья, вооружения, продуктов питания. Это стало одним из залогов Великой Победы СССР над нацистской Германией.

Источники и литература (References):

1. Акмурзаева З.М. Молодежное движение в Дагестане в первой половине XX века. Махачкала, 2006. 518 с.
2. Аликберов З.М. Комсомол Дагестана в цифрах и фактах. Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 1960. 73 с.
3. Аликберов З.М., Керимов И.К. на фронте и в тылу. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. 115 с.
4. Дагестан в годы Великой Отечественной Войны (1941-1945 гг.) // Документы и материалы. Махачкала, 1995. 765 с.
5. Дагестанская правда. 1941. 16 октября. №261. С.1; 19 октября. №264. С.4; 23 октября. №268. С.3; 30 октября. №275. С. 3.
6. История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. М.: Просвещение, 1983. 368 с.
7. Патриотический и трудовой подвиги трудящихся Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Махачкала. Даг. филиал АН СССР. ИИЯЛ, 1983. 216 с.

ИНВЕСТИЦИИ И КОНКУРЕНЦИЯ В СЕКТОРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА В 2016–2020 ГОДАХ

INVESTMENT AND COMPETITION IN THE ICT SECTOR OF AZERBAIJAN IN 2016–2020

Арзу Халилзаде
Arzu Khalilzade

Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан
Baku State University, Baku, Azerbaijan

Аннотация. В статье изучено развитие сектора ИКТ в Азербайджане 2016–2020 гг. Проанализирована динамика доступа в интернет, государственные инициативы в этой сфере, инвестиционная активность и конкурентная среда. Рассмотрены ключевые проекты: Online Azerbaijan, G -Cloud, ASAN Service и их влияние на развитие «электронного правительства», доступность цифровых услуг и онлайн-транзакций. Проведен анализ усилий по поддержке стартапов, включая создание Агентства по инновациям, запуск венчурных фондов (InMerge, Caucasus Ventures) и результаты конкурса Yeni Fikir. Особое внимание уделено структуре инвестиций: хотя нефтегазовый сектор остается лидером, ИКТ уверенно выходит на второе место по объему прямых иностранных инвестиций. Отмечена зрелость рынка мобильной связи и слабая конкуренция на рынке фиксированного интернета. Оценены цифровые изменения в сегменте МСП: рост присутствия в Интернете, но низкая степень цифровизации. Сделан вывод, что пандемия COVID-19 стала катализатором развития сферы ИКТ, но выявила структурные ограничения – нехватку регуляторной независимости, цифровых навыков и охвата инфраструктурой.

Abstract. The article studies the development of the ICT sector in Azerbaijan in 2016–2020. The dynamics of Internet access, government initiatives in this area, investment activity, and the competitive environment are analyzed. The key projects are considered: Online Azerbaijan, G Cloud, ASAN Service and their impact on the development of e-government, the availability of digital services, and online transactions. An analysis of efforts to support startups is conducted, including the establishment of the Innovation Agency, the launch of venture funds (InMerge, Caucasus Ventures), and the results of the Yeni Fikir competition. Particular attention is paid to the investment structure: although the oil and gas sector remains the leader, ICT is confidently moving into second place in terms of foreign direct investment. The maturity of the mobile communications market and weak competition in the fixed-line Internet market are noted. Digital changes in the SME segment are assessed: an increase in Internet presence, but a low degree of digitalization. It is concluded that the COVID-19 pandemic has become a catalyst for the development of the ICT sector, but has revealed structural limitations - a lack of regulatory independence, digital skills and infrastructure coverage.

Ключевые слова: ИКТ, электронное управление, инвестиции, стартапы, цифровая грамотность.

Key words: ICT, e-governance, investment, startups, digital literacy.

Текст статьи на русском языке

В современном мире, где информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) играют определяющую роль в структурной трансформации экономики, изучение их развития становится ключевым элементом понимания глобальных и национальных трендов. Статья посвящена анализу состояния инвестиционного процесса и конкурентной среды в секторе ИКТ Azerbaijan за период с 2016 по 2020 год – период, характеризующийся активной реализацией «Стратегических дорожных карт» и новой динамикой цифровизации.

Цель исследования – оценить, как инвестиции в сектор ИКТ способствовали усилению конкуренции, а также выявить основные достижения и проблемы, с которыми столкнулась республика в процессе цифровизации. Особое внимание уделяется государственным инициативам, трансформации регулирующих институтов, а также активности иностранных и частных инвесторов.

Методологическую основу исследования составили официальные данные Госкомстата, Министерства цифрового развития и транспорта Республики Азербайджан, отчеты международных организаций (ОЭСР, Всемирный банк), публикации специализированных СМИ и экспертные оценки. Комплексный подход позволяет охватить как макроэкономические показатели (объемы инвестиций, темпы роста, долю ИКТ в ВВП), так и микроуровень – динамику конкурентоспособности ведущих операторов, развитие инфраструктуры и цифровизацию бизнеса.

В течение анализируемого периода темпы роста сектора ИКТ оставались стабильно высокими. Так, по данным Всемирного банка, с 2005 года сектор развивается со среднегодовым приростом 25–30%, что обусловлено либерализацией телекоммуникационной инфраструктуры, расширением «электронного правительства» и модернизацией сетей [7, с. 5–6].

При этом отмечается значительный рост проникновения интернета в сферу повседневной жизни. По оценкам DataReportal, по состоянию на январь 2020 года около 80% населения Азербайджана имело доступ к сети, что свидетельствует о преодолении барьера в ~75% пользователей около двух лет назад. Эти цифры согласуются с информацией автора соответствующей статьи в Википедии о цифровизации государственных услуг к 2020 году – именно в этот период отмечалось активное развитие «электронного правительства» [13].

Объемы капитализации отрасли также демонстрируют впечатляющую динамику: еще в 2013 году прогнозировался рост выручки до 8–9 млрд долларов США к 2020 году [2, с. 9]. Хотя фактические данные на конец 2020 года могут несколько отличаться, уже заявленные ориентиры отражают амбиции государства сделать ИКТ вторым по величине источником дохода после нефтегазового сектора [15].

Для ясности и структурированности представляем основные показатели в сравнительной таблице:

Индикатор	Значение	Источник
Средний годовой прирост, %	25–30% (2005–2020)	Всемирный банк
Проникновение Интернета (по состоянию на январь 2020 г.)	~80%	DataReport
Доходы сектора ИКТ (прогноз 2020 г.)	8-9 миллиардов долларов США	АзерТАГ, Тренд

Таким образом, в 2016–2020 годах сектору ИКТ Азербайджана удалось сохранить высокие темпы роста, добиться широкого охвата населения интернетом и выйти на новый уровень рентабельности. Это создало устойчивую платформу для последующих инфраструктурных преобразований, создания цифровых сервисов и укрепления конкурентной среды в секторе.

Государство сыграло ключевую роль в цифровизации: в 2015 году было утверждено 12 «Стратегических дорожных карт» развития экономики, включая «Дорожную карту развития телекоммуникаций и ИКТ» на 2016–2020 годы [2, с. 5]. Приоритетными направлениями являются построение эффективного механизма государственного управления, либерализация рынка телекоммуникаций, цифровизация государственных услуг и развитие электронного здравоохранения.

По данным ОЭСР, «Дорожная карта определяет три стратегические цели и десять ключевых приоритетов политики» [4, с. 7–9], совершенствование структур управления и укрепление сектора ИКТ, включая создание независимого регулятора, либерализацию рынка и привлечение инвестиций в мобильную инфраструктуру. Повышение производительности и эффективности бизнеса за счет расширения электронных платежей, внедрения ИКТ в образование, роста цифровой грамотности, использования технологий в бизнес-среде и совершенствования электронных систем государственных органов. Цифровизация государственного и социального сегментов, выражающаяся в модернизации информационных систем и создании сквозной инфраструктуры электронного здравоохранения.

Ответственность за реализацию этих инициатив возлагалась на Министерство цифрового развития и транспорта (ранее – МЦРТ) [9]. В рамках проектов «Онлайн Азербайджан» и «Оптика в дом» активно расширялись сети широкополосного доступа в отдаленные регионы, а сеть Public Wi-Fi обеспечивала бесплатный интернет в общественных местах столицы [10].

Таким образом, государственные инициативы сформировали четкую стратегическую платформу, направленную на модернизацию управления, расширение инфраструктуры и активную цифровизацию государственных услуг и здравоохранения. В основе стратегии лежит переход от регулирующего воздействия к созданию стимулов для частного сектора и укреплению государственных цифровых услуг [4, с. 10–11].

В рамках проекта «Онлайн Азербайджан», запущенного Министерством цифрового развития и транспорта, с 2017 года модернизируется устаревшая медная инфраструктура и масштабно внедряются волоконно-оптические сети на базе технологии GPON. Проект реализован по модели государственно-частного партнерства при участии Aztelekom, Baktelecom, Azeronline и Smart Systems Technology [10]. Использование GPON позволило обеспечить стабильный доступ на скорости до 1 Гбит/с, заменить медные магистрали на оптику и построить распределенную оптическую сеть. С 2021 года сеть активно расширяется в регионы, что привело к 13-кратному увеличению числа подключенных домохозяйств – до ~3 млн пользователей [17].

По состоянию на апрель 2024 года около 74% домохозяйств и организаций получили доступ к широкополосному интернету со скоростью не менее 25–35 Мбит/с, в Баку охват составил около 86,5%. В рамках проекта к концу 2024 года планируется обеспечить таким подключением более 99% территории страны [17]. При этом средняя скорость фиксированного интернета увеличилась с ~27 Мбит/с в 2022 году до ~35 Мбит/с в 2023 году [18].

Следующим крупным шагом стало внедрение Optics In Home и сети Public Wi-Fi. С 2017 года в Баку стартовали пилотные проекты бесплатного муниципального Wi-Fi, которые продолжают активно развиваться. Благодаря этим инициативам высокоскоростной доступ стал доступен в общественных местах, что способствовало сокращению цифрового неравенства среди городского населения [10].

Параллельно правительство приступило к созданию G-Cloud (Government Cloud). Согласно указу президента Ильхама Алиева от 3 июня 2019 года, была разработана соответствующая концепция, которая возложила на Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций задачу создания централизованной, безопасной и устойчивой инфраструктуры для государственных систем [10]. AzInTelecom запускает услуги IaaS и BaaS, направляя данные крупных организаций, таких как SOCAR, в дата-центры, соответствующие уровню TIER III и сертифицированные по стандартам ISO 20000 и ISO 27001. К февралю 2024 года более 110 государственных учреждений перенесли свои системы в облако [17].

Так, проект Online Azerbaijan обеспечил практически полное покрытие страны оптоволоконным интернетом, проекты Optics In Home и Public Wi-Fi расширили локальный доступ, а GCloud заложил основу «цифрового государства». Эти инициативы не только модернизировали инфраструктуру, но и создали условия для дальнейшей цифровизации сферы услуг, образования и здравоохранения, сократив цифровой разрыв между городом и регионом [10].

С конца 2018 года деятельность Инновационного агентства Азербайджана (МАР), а с октября 2021 года – Инновационного агентства по цифровому развитию (ИАРЦР), стала важным звеном государственной поддержки стартапов и технологических инноваций. Эти институциональные меры направлены на создание современной экосистемы венчурного финансирования: агентство предоставляет гранты, льготные кредиты и активно участвует в создании венчурных фондов [15].

Ключевым событием стала инициатива создания первых двух венчурных фондов: Caucasus Ventures (около 11,3 млн манатов, долевое участие IDDA, PASHA Holding и частных инвесторов), ориентированного на проекты post seed и Astage, охватывающие Кавказский регион, Турцию, Центральную Азию и Восточную Европу; и INMerge Ventures (уставный капитал ≈ 4 млн долларов США), созданного осенью 2024 года при поддержке IDDA, PASHA Holding, Trendyol и Азербайджанской инвестиционной компании. В ближайшее время планируется создание третьего фонда с управляемыми активами около 15 млн. долларов США для увеличения объема капитала, доступного для стартапов [15].

Эти фонды дали качественный импульс региональному стартап-ландшафту: в 2023 году Caucasus Ventures уже заключила около 15 сделок. INMerge Ventures, в свою очередь, предоставляет доступ к капиталу, менторской сети и международным партнерствам, в частности, с Trendyol и международными экспертами [15]. Такие инструменты способствуют коммерциализации технологий и повышают привлекательность Азербайджана как венчурной юрисдикции.

Параллельно с этим устойчиво развивается специализированная поддержка стартапов через инкубаторы и конкурсы. С момента запуска конкурса «Йени фикир» («Новая идея») в 2013 году было проанализировано и отобрано 977 стартапов, из которых около 40 получили поддержку в виде инкубационных и посевных инвестиций на общую сумму около 260 000 долларов США к 2019 году [12]. Помимо финансовой поддержки, участники получают консультации, обучение и менторскую поддержку от университетов и частных партнеров.

Эти инициативы интегрированы в более широкую экосистему: IDDA координирует программы акселерации и инкубации, взаимодействуя с международными игроками, такими как Startup Wise Guys, SABAH.Hub и Technest, а также содействует развитию бизнес-ангелов (Technovate SABAH, DIVIDA, LTC Angels) и созданию регуляторных «песочниц» для технологических проектов [11].

В результате, Стратегия комплексной поддержки – от государственных структур до частного капитала – начала приносить плоды: финансирование улучшилось, увеличилась интенсивность сделок, появилась инфраструктура для развития венчурной среды. Однако для устойчивого развития необходимо масштабирование финансирования, расширение доступа к капиталу на ранних стадиях и углубление международного сотрудничества [11].

В то время, как нефтегазовый сектор остается доминирующим направлением иностранных инвестиций, привлекая более 80% прямых иностранных инвестиций в экономику страны (например, 87,6% в первом квартале 2024 года), динамика свидетельствует об увеличении инвестиций в другие сектора, включая ИКТ [16]. Последние данные Центрально-

го банка Азербайджана показывают, что в первой половине 2020 года в нефтегазовый сектор поступило 328,6 млн долларов США прямых иностранных инвестиций, что на 38% больше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [15]. Это символизирует изменение стратегического аспекта: ИКТ постепенно становится вторым по привлекательности сектором для инвестиций.

В глобальном исследовании компании StrategEast, специализирующейся на восточноевропейском стратегическом анализе, подчеркивается, что ИКТ является «вторым по прибыльности сектором после углеводородного», а также одним из основных бенефициаров иностранных инвестиций [15]. Аналогичная позиция представлена в докладах МСЭ и МСЭ: отрасль развивается быстрее других секторов экономики и генерирует значительный объем доходов и налогов в секторе, замещающем нефть [20].

Важно отметить, что условия регулирования для иностранных инвесторов в сфере телекоммуникаций не только либерализованы, но и по ряду параметров более удобны по сравнению со средними показателями стран ОЭСР [4, с. 12–14]. Это свидетельствует о благоприятном деловом климате для инвестиций в сегмент ИКТ-инфраструктуры.

Таким образом, хотя нефтегазовый сектор остается лидером по объему прямых иностранных инвестиций, наблюдается явный сдвиг: ИКТ укрепляет свои позиции как вторая по значимости сфера получения доходов и привлечения иностранного капитала. Оптимизация нормативно-правовой среды, либерализация рынка и демонстрация успешных проектов повысили доверие инвесторов и желание инвестировать в цифровую инфраструктуру, программирование и инновационные услуги [15].

Либерализация рынка телекоммуникаций позволила расширить присутствие операторов мобильной связи и интернет-провайдеров. Сегодня в Азербайджане активно действуют три крупных оператора мобильной связи: Azericell, Bakcell и Nar (Azerfon), которые охватывают практически всю территорию страны: Azericell обеспечивает покрытие 98% населения и 94% территории, Nar – до 99%, а Bakcell – 99% населения и 92,6% территории [15]. Такое насыщение стало возможным благодаря частным инвестициям, внедрению LTE и расширению инфраструктуры [18].

В секторе фиксированного интернета (ШПД) сохраняется влияние государственно-частных операторов – например, Aztelekom и Delta Telecom занимаются магистральной инфраструктурой, а первичный рынок обслуживают более мелкие провайдеры [19]. Несмотря на наличие конкурентоспособных игроков, доступ к инфраструктуре и ценовая политика остаются слабо дифференцированными, особенно в малых городах [4, с. 11–13].

Что касается доступности, то, согласно последним данным МСЭ, стоимость фиксированного широкополосного доступа составляет 1,34% ВВП на душу населения, а мобильного пакета – 1,14% [20]. Эти показатели значительно ниже целевого показателя ООН (<2%), что делает интернет доступным для большинства граждан [5]. Открытые тарифы и конкуренция между операторами мобильной связи обеспечили положительную динамику цен в последние годы [15, с. 3–4].

Однако рынок фиксированной связи остается проблемным: менее 10% пользователей получают скорость выше 4 Мбит/с, что свидетельствует о недостаточной модернизации инфраструктуры и низкой конкуренции среди провайдеров [8]. При этом инфраструктурный разрыв между городом и регионом пока не преодолен: в сельской местности проникновение широкополосного доступа колеблется на уровне 75%, тогда как в городах достигает 82% [6, с. 22].

Суть в том, что мобильный сегмент представляет собой зрелый и конкурентный рынок с высокой доступностью и покрытием, в то время как фиксированный сегмент по-прежнему ограничен слабой конкуренцией в сфере инфраструктуры и низкими скоростями. Дальнейший рост требует стимулирования частных инвестиций в региональную инфраструктуру и усиления конкуренции между операторами [2].

Важным показателем цифровой трансформации стало активное внедрение электронного правительства. Портал e-gov.az и платформа «Online Azerbaijan» к 2020 году предлагали более 140 электронных услуг, интегрированных с 27 государственными органами [9], [10]. Централизованная система с единым шлюзом обеспечивала быстрый обмен данными между учреждениями и удобный интерфейс «одного окна» для граждан [1].

В период 2016–2020 годов наблюдался стремительный рост количества транзакций через эти платформы: с сотен тысяч в год до нескольких миллионов, что свидетельствует о значительном повышении цифровой активности населения и бизнеса [15]. Появление сервиса ASAN, обслуживающего почти 36 миллионов заявок, также укрепило доверие граждан к цифровым решениям, повысив эффективность и снизив коррупционные риски [12].

Сдвигом в цифровизации малого и среднего бизнеса стал высокий уровень проникновения интернета: в 2019 году 51% МСП имели доступ к интернету по сравнению с 13% в 2009 году [4, с. 19]. Однако лишь 9,8% компаний имели собственный веб-сайт, тогда как

средний показатель по ОЭСР составлял около 76% таких компаний [4, с. 17]. Это свидетельствует о значительном потенциале цифрового развития деловой среды.

Несмотря на этот прогресс, сохраняются основные препятствия:

1. Недостаток цифровых и стратегических навыков у предпринимателей, особенно в сфере электронной коммерции и цифрового маркетинга [4, с. 22–23].
2. Ограниченный доступ к капиталу для МСП, что затрудняет внедрение ИКТ-решений [7, с. 17].
3. Неравномерные условия, при которых региональные компании сталкиваются с большими барьерами для цифровизации по сравнению с городскими [6, с. 12–14].

Таким образом, хотя цифровизация формы государственного управления, бизнеса и общества уже значительно продвинулась, для полной реализации ее потенциала необходима целенаправленная работа по повышению цифровых компетенций, улучшению доступа к финансам и сокращению неравенства между регионами и секторами.

К 2020 году сектор ИКТ Азербайджана добился значительных успехов.

1. Расширение доступа к интернету и инфраструктуре – средняя скорость увеличилась с 10 Мбит/с в 2020 году до 73 Мбит/с к 2025 году, а покрытие волоконно-оптической сетью охватывает практически всю страну [20, с. 5];

2. рост доходов сектора ИКТ прочно удерживает позиции второго по значимости сектора после нефти и газа; также привлечены стабильные иностранные инвестиции [15, с. 3], [18];

3. Такие ключевые цифровые проекты, как «Онлайн Азербайджан», G Cloud, ASAN Service, обеспечили качественный скачок в предоставлении электронных услуг населению и государственным органам [9; 10; 12].

Однако сохраняется ряд нерешенных проблем.

1. Фактические скорости широкополосного доступа оставались низкими до 2020 года: менее 10% подключений обеспечивали скорость выше 4 Мбит/с [20, с. 8].

2. конкуренция за инфраструктуру в фиксированной сети – рынок фиксированного доступа характеризуется ограниченным предложением, особенно за пределами крупных городов; жесткий контроль сетей ограничил их диверсификацию [8, с. 21].

3. Слабая цифровизация МСП: несмотря на рост проникновения интернета, большинство компаний остались офлайн; цифровые навыки и капитал остаются ограниченными [4, с. 24], [5].

4. Узкий показатель прямых иностранных инвестиций – доля иностранных инвестиций в ИКТ все еще уступает нефтегазовому сектору, хотя и показывает положительную динамику, ее объемы и уровень зрелости нуждаются в дальнейшем укреплении [16], [19].

В 2020 году пандемия COVID-19 оказала краткосрочное воздействие на экономику в целом: экономическая активность снизилась на 4,3%, МСП понесли значительные потери, но ИКТ-инфраструктура и цифровые услуги оказались ключевыми инструментами смягчения последствий кризиса [7, с. 12–13]. Несмотря на растущий спрос на удаленные и онлайн-решения, долгосрочные структурные проблемы, такие как цифровое неравенство, слабая база навыков и отсутствие гибкости инфраструктуры, оставались нерешенными [6, с. 17].

Таким образом, в 2016–2020 годах Азербайджан добился значительного прогресса в цифровизации и формировании сектора ИКТ, однако для его превращения в драйвер устойчивого роста необходимо будет преодолеть существующие барьеры: усилить конкуренцию в сфере инфраструктуры, повысить цифровую грамотность, стимулировать частные инвестиции.

Text of the article in English

In the modern world, where information and communication technologies (ICT) play a decisive role in the structural transformation of the economy, the study of their development becomes a key element in understanding global and national trends. The article is devoted to the analysis of the state of the investment process and the competitive environment in the ICT sector of Azerbaijan for the period from 2016 to 2020 - a period characterized by the active implementation of the "Strategic Roadmaps" and the new dynamics of digitalization.

The purpose of the study is to assess how investments in the ICT sector have contributed to increased competition, as well as to identify the main achievements and challenges that the republic has faced in the process of digitalization. Particular attention is paid to government initiatives, the transformation of regulatory institutions, and the activity of foreign and private investors.

The methodological basis of the study is formed by official data of the State Statistics Committee, the Ministry of Digital Development and Transport of the Republic of Azerbaijan, reports of international organizations (OECD, World Bank), publications of specialized media and expert assessments. An integrated approach allows to cover both macroeconomic indicators (investment

volumes, growth rates, share of ICT in GDP) and the micro level – competitive dynamics of leading operators, infrastructure development and business digitalization.

During the analyzed period, the growth rate of the ICT sector remained consistently high. Thus, according to the World Bank, the sector has been developing with an average annual growth of 25-30% since 2005, which is due to the liberalization of the telecom infrastructure, the expansion of e-government and network modernization [7, pp. 5–6].

At the same time, a significant increase in internet penetration is noted. According to DataReportal estimates, as of January 2020, about 80% of the population of Azerbaijan had access to the network, which indicates that the barrier of ~75% of users was overcome a couple of years ago. These figures are consistent with Wikipedia information on the digitalization of public services by 2020 – active development of e-government was noted during this period [13].

The industry's capitalization volumes are also showing impressive dynamics: back in 2013, revenue growth was predicted to reach USD 8–9 billion by 2020 [2, p. 9]. Although the actual data at the end of 2020 may differ slightly, the already announced benchmarks reflect the state's ambitions to make ICT the second largest source of income after the oil and gas sector [15].

For clarity and structure, we present the key indicators in a comparative table:

Indicator	Meaning	Source
Average annual growth, %	25–30% (2005–2020)	World Bank
Internet Penetration (as of Jan 2020)	~80%	DataReport
ICT Revenues-sectors (forecast 2020)	8-9 billion USD	AzerTAG, Trend

Thus, in 2016–2020, the ICT sector of Azerbaijan managed to maintain high growth rates, achieve broad Internet coverage of the population and reach a new level of profitability. This formed a stable platform for subsequent infrastructure transformations, creation of digital services and strengthening of the competitive environment within the sector.

The state has played a key role in digitalization: in 2015, 12 “Strategic Roadmaps” for economic development were approved, including the “Roadmap for the Development of Telecommunications and ICT” for 2016–2020 [2, p. 5]. The priorities include building an effective governance mechanism, liberalizing the telecom market, digitalizing public services, and promoting e-health.

According to the OECD, “The Roadmap defines three strategic objectives and ten key policy priorities” [4, pp. 7–9].

Improving governance structures and strengthening the ICT sector, including creating an independent regulator, liberalizing the market and attracting investment in mobile infrastructure.

Improving business productivity and efficiency through the expansion of electronic payments, the introduction of ICT in education, the growth of digital literacy, the use of technologies in the business environment and the improvement of electronic systems of government agencies.

Digitalization of the state and social segments, expressed in the modernization of information systems and the creation of an end-to-end e-health infrastructure.

The Ministry of Digital Development and Transport (formerly MDDT) was responsible for the implementation of these initiatives [9]. Within the framework of the Online Azerbaijan and Optics In Home projects, broadband networks were actively expanded in remote regions, and the Public Wi-Fi provided free internet in public spaces of the capital [10].

Thus, government initiatives have formed a clear strategic platform aimed at modernizing governance, expanding infrastructure, and actively digitalizing government services and health-care. The core of the strategy is the transition from regulatory influence to creating incentives for the private sector and strengthening public digital services [4, pp. 10–11].

Within the framework of the Online Azerbaijan project, launched by the Ministry of Digital Development and Transport, the outdated copper infrastructure has been modernized and fiber-optic networks based on GPON technology have been introduced on a large scale since 2017. The project was implemented using the public-private partnership model with the participation of Aztelekom, Baktelecom, Azeronline and Smart Systems Technology [10]. The use of GPON made it possible to ensure stable access at speeds of up to 1 Gbit/s, replace copper highways with optics and build a distributed optical network. Since 2021, the network has been actively expanding to the regions, which has led to a 13-fold increase in the number of connected households - up to ~3 million users [17].

As of April 2024, about 74% of households and organizations received access to broadband internet with a minimum speed of 25–35 Mbps; in Baku, the coverage was about 86.5%. The project is planned to provide more than 99% of the entire country with such a connection by the

end of 2024 [17]. Meanwhile, the average fixed-line internet speed increased from ~27 Mbps in 2022 to ~35 Mbps in 2023 [18].

The next major effort was the introduction of Optics In Home and the Public Wi-Fi network.-Fi. Since 2017, pilot projects of free municipal Wi have been launched in Baku-Fi, which are still being actively developed. Thanks to these initiatives, high-speed access has become available in public places, which has helped to reduce the digital divide within the urban population [10].

In parallel, the government began to create G-Cloud (Government Cloud). According to the decree of President Ilham Aliyev dated June 3, 2019, a corresponding concept was developed, which assigned the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media with the task of creating a centralized, secure, and sustainable infrastructure for government systems [10]. AzInTelecom launches IaaS and BaaS services, migrating data from large organizations such as SOCAR to TIER III-compliant data centers certified according to ISO 20000 and ISO 27001. By February 2024, more than 110 government agencies have migrated their systems to the cloud [17].

Thus, Online Azerbaijan provided almost complete coverage of the country with fiber-optic Internet, the Optics In Home and Public Wi projects-Fi has expanded local access, and G-Cloud laid the foundation for a digital state. These initiatives not only modernized the infrastructure, but also created conditions for further digitalization of services, education and healthcare, reducing the digital gap between the city and the region [10].

Since the end of 2018, the operation of the Innovation Agency of Azerbaijan (IDA), and since October 2021 – the Innovation Agency for Digital Development (IDDA), has become an important link in the state support of startups and technological innovations. These institutional measures aim to create a modern ecosystem of venture financing: the agency provides grants, concessional loans and is actively involved in the creation of venture funds [15].

The key event was the initiative to create the first two venture funds: Caucasus Ventures (about 11.3 million AZN, equity participation of IDDA, PASHA Holding and private investors), focused on post-seed and A-stage projects covering the Caucasus region, Turkey, Central Asia and Eastern Europe; and INMerge Ventures (authorized capital ~ 4 million USD), established in the fall of 2024 with the support of IDDA, PASHA Holding, Trendyol and the Azerbaijan Investment Company. The creation of a third fund with managed assets of about 15 million USD was planned soon to increase the amount of capital available for startups [15].

These funds have given the regional startup landscape a qualitative boost: Caucasus Ventures has already completed around 15 deals in 2023. INMerge Ventures, in turn, provides access to capital, a mentoring network, and international partnerships – in particular with Trendyol and international experts [15]. Such instruments facilitate the commercialization of technologies and increase the attractiveness of Azerbaijan as a venture jurisdiction.

In parallel, specialized support for startups is steadily developing through incubators and competitions. Since the launch of the Yeni Fikir (New Idea) competition in 2013, 977 startups have been analyzed and selected, of which about 40 have received support in the form of incubation and seed investments, a total of about USD 260,000 by 2019 [12]. In addition to financial support, participants receive consultations, training, and mentoring support from universities and private partners.

These initiatives are integrated into a wider ecosystem: IDDA coordinates acceleration and incubation programs, interacting with international players such as Startup Wise Guys, SABAH.Hub and Technest, and also promotes the development of angel clubs (Technovate SABAH, DIVIDA, LTC Angels) and the creation of regulatory sandboxes for technology projects [11].

Bottom line: The strategy of comprehensive support – from government agencies to private capital – has begun to bear fruit: funding has improved, deal intensity has increased, and the infrastructure for the growth of the venture environment has emerged. However, sustainable development requires scaling up funds, increasing access to capital at early stages, and deepening international cooperation [11].

While the oil and gas sector remains the dominant target of foreign investment, attracting more than 80% of FDI in the country's economy (e.g. 87.6% in Q1 2024), the dynamics indicate an increase in investments in other sectors, including ICT [16]. The latest data from the Central Bank of Azerbaijan show that in the first half of 2020, the non-oil sector received \$328.6 million in FDI, an increase of 38% compared to the same period of the previous year [15]. This symbolizes a change in the strategic aspect: ICT is gradually becoming the second most attractive sector for investment.

The global study by StratEast, the Eastern European Strategist, emphasizes that ICT is “the second most profitable sector after the hydrocarbon sector,” and is also one of the main beneficiaries of foreign investment [15]. A similar position is presented in the ITU and ITU reports: the industry is developing faster than other sectors of the economy and generates a significant amount of income and taxes in the oil substitute sector [20].

It is important to note that the regulatory conditions for foreign investors in telecommunications are not only liberalized, but also in a number of respects more convenient compared to the average indicators of OECD countries [4, pp. 12–14]. This indicates a favorable business climate for investment in the ICT infrastructure segment.

Thus, although the oil and gas sector remains the leader in terms of FDI volume, there is a clear shift: ICT is strengthening its position as the second most important area of income generation and attraction of foreign capital. Optimization of the regulatory environment, market liberalization and demonstration of successful projects have increased investor confidence and the desire to invest in digital infrastructure, programming and innovative services [15].

Liberalization of the telecommunications market has allowed for the expansion of the presence of mobile operators and Internet providers. Today, three major mobile operators are actively operating in Azerbaijan: Azercell, Bakcell and Nar (Azerfon), which cover almost the entire territory of the country: Azercell provides 98% coverage of the population and 94% of the territory, Nar - up to 99%, and Bakcell – 99% of the population and society in 92.6% of the territory [15]. Such saturation was made possible by private investment, the introduction of LTE and the expansion of infrastructure [18].

In the fixed internet (broadband) sector, the influence of public-private operators remains – for example, Aztelekom and Delta Telecom are engaged in the backbone infrastructure, and the primary market is served by smaller providers [19]. Despite the presence of competitive players, access to infrastructure and pricing policy remain weakly differentiated, especially in small towns [4, pp. 11–13].

In terms of affordability, according to the latest ITU data, the cost of a fixed broadband connection is 1.34% of GNI per capita, while a mobile package is 1.14% [20]. These figures are well below the UN target (< 2%), making the Internet accessible to most citizens [5]. Open tariffs and competition among mobile operators have ensured positive price dynamics in recent years [15, pp. 3–4].

However, the fixed-line network market remains problematic: less than 10% of users receive speeds above 4 Mbps, indicating insufficient infrastructure modernization and low competition among providers [8]. At the same time, the infrastructure gaps between the city and the region have not yet been overcome: in rural areas, broadband penetration fluctuates at 75%, while in urban areas it reaches 82% [6, p. 22].

The bottom line is that the mobile segment is a mature and competitive market with high availability and coverage, while the fixed segment remains constrained by limited infrastructure competition and low speeds. Further growth requires stimulating private investment in regional infrastructure and increasing competition among providers [2].

An important indicator of digital transformation was the active implementation of e-government. The e-gov.az portal and the Online Azerbaijan platform offered more than 140 electronic services integrated with 27 government agencies by 2020 [9; 10]. A centralized system with a single gateway ensured rapid data exchange between institutions and a convenient “single window” interface for citizens [1].

The period 2016–2020 has seen a rapid growth in transactions through these platforms: from hundreds of thousands per year to several million, indicating a significant increase in the digital engagement of the population and businesses [15]. The emergence of ASAN Service, which provides service to almost 36 million applications, has also strengthened citizens' trust in digital solutions, increasing efficiency and reducing corruption risks [12].

The shift in the digitalization of small and medium-sized businesses has been the high level of internet penetration: in 2019, 51% of SMEs had access to the internet, compared to only 13% in 2009 [4, p. 19]. However, only 9.8% of companies had their own website, while the OECD average was about 76% of such companies [4, p. 17]. This highlights the significant potential for digital development of the business environment.

Despite this progress, key barriers remain:

1. Lack of digital and strategic skills among entrepreneurs, especially in the field of e-commerce and digital marketing [4, pp. 22–23].
2. Limited access to capital for SMEs, making it difficult to implement ICT solutions [7, p. 17].
3. Uneven conditions, where regional companies face greater barriers to digitalization compared to urban ones [6, p. 12–14].

Thus, although the digitalization of the form of government, business and society has already advanced significantly, to fully realize its potential, targeted work is required to increase digital competencies, improve access to finance and reduce inequality between regions and sectors.

By 2020, Azerbaijan's ICT sector has achieved significant success.

1. Expanding access to the internet and infrastructure - average speed increased from 10 Mbps in 2020 to 73 Mbps by 2025, with fiber-optic network coverage covering almost the entire country [20, p. 5];

2. Growth in sector revenues – ICT firmly holds its position as the second most important sector after oil and gas; stable foreign investment has also been attracted [15, p. 3], [18];

3. Key digital projects such as “Online Azerbaijan”, G Cloud, ASAN Service, have ensured a qualitative leap in the provision of electronic services to the population and government agencies [9], [10], [12].

However, a number of persistent challenges remain.

1. Actual broadband speeds remained low until 2020, with less than 10% of connections providing speeds above 4 Mbps [20, p. 8];

2. infrastructure competition in the fixed network - the fixed access market is characterized by limited supply, especially outside large cities; tight control of networks has limited their diversification [8, p. 21];

3. weak digitalization of SMEs - despite the growth of internet penetration, most companies remained offline; digital skills and capital remain limited [4, p. 24; 5];

4. Narrow rate of FDI – the share of foreign investment in ICT is still inferior to the oil and gas sectors, although it shows positive dynamics, its volumes and level of maturity need to be further strengthened [16; 19].

Already in 2020, the COVID-19 pandemic had a short-term impact: economic activity fell by 4.3%, SMEs suffered significant losses, but ICT infrastructure and digital services turned out to be key tools for mitigating the crisis [7, pp. 12–13]. Despite the growing demand for remote and online solutions, long-term structural problems – such as digital inequalities, a weak skills base, and a lack of infrastructural flexibility – remained unresolved [6, p. 17].

Thus, in 2016–2020, Azerbaijan has made significant progress in digitalization and the formation of the ICT sector, but to turn it into a sustainable growth driver, it will be necessary to overcome existing barriers: strengthen infrastructure competition, improve digital literacy, and stimulate private investment.

Источники и литература (References):

1. Abbasov N.M. Launch of e-government in Azerbaijan: key challenges and prospects // Procedia Computer Science. 2013.
2. Azerbaijan. Strategic Roadmap for the Development of Telecommunications and ICT in the Republic of Azerbaijan for 2016–2020. – Baku, 2016.
3. Chubukova S.G., mamedov N.M. Development of the concept of electronic government: the experience of the Republic of Azerbaijan // Bulletin of cybersecurity and innovation. 2018.
4. OECD. Promoting Enterprise Digitalization in Azerbaijan. Paris: OECD Publishing, 2022.
5. UN DESA. EGovernment Survey 2022: Azerbaijan Profile. New York: United Nations, 2022.
6. UNECE. Science, Technology and Innovation Gap Assessment of Azerbaijan. Geneva, 2021.
7. World Bank. SouthCaucasus GovTech for Azerbaijan: A WholeofGovernment Approach. Washington, 2021.
8. Asian Development Bank. Azerbaijan: Country Digital Development Overview (2016–2020). Manila, 2018.
9. Ministry of Digital Development and Transportation of Azerbaijan. Tool «Online Azerbaijan» // official website.
10. "G-Cloud" (Government cloud) – concept and implementation. Baku: Mintsiftrtrans, 2019.
11. Yusifov F. Cloud in Digital Government: Problems and Perspectives in the Case of Azerbaijan. ResearchGate, 2023.
12. ASAN Service Centre: report of the International Competition "Global mobileGov Awards" (2017).
13. Digitalization in Azerbaijan: development e-gov, e-health, digital signature. // – Wikipedia, 2025.
14. Azerbaijan Cybersecurity Governance Assessment. DCAF, 2021.
15. Report.az. Azerbaijan's ICT sector: Digital economy as a new driver of sustainable development. Baku, 2025.
16. Report.az. Production in Azerbaijan's ICT sector grows by about 8% (Q1 2025).
17. AzerNews.az. “Azerbaijan's GCloud ushers in new era of public service delivery.” 2025.
18. AzerNews.az. “ICT among the fastest growing economic sectors in Azerbaijan.” 2020.
19. Trade.gov. Azerbaijan – Information and Communications Technology Guide. 2024.
20. ITU. ICT statistics in Azerbaijan: national priorities and access indicators. ITU, 2024.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ, СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 94(477.75)''1941–1945''

DOI: 10.5281/zenodo.17012307

ВЫСТАВКА В ЯЛТИНСКОМ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ: ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

EXHIBITION AT THE YALTA HISTORICAL AND LITERARY MUSEUM: REFLECTION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Цветкова А.А.¹

Tsvetkova A.A.

Ялтинский историко-литературный музей, г. Ялта
Yalta Historical and Literary Museum, Yalta

Аннотация. В статье представлен обзор выставки «Минувших лет живая память» в Ялтинском историко-литературном музее, которая была приурочена к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. На выставке представлены картины и документы, фотографии, вещи, связанные с событиями военных лет, с целью сохранения памяти о героическом подвиге советского народа, а также передачи памяти будущим поколениям. Сделан вывод, что данная выставка является не просто музейным мероприятием, но и способствует сохранению исторической памяти и передаче знаний о Великой Отечественной войне будущим поколениям. Она представляет собой диалог с прошлым, построенный через реальные предметы и судьбы. Представленные экспонаты позволяют посетителям прочувствовать исторический контекст, оценить вклад Крыма и Ялты в победу, а также осмыслить цену мира и свободы.

Abstract. The article presents an overview of the exhibition "Living Memory of Past Years" in the Yalta Historical and Literary Museum, which was dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. The exhibition presents paintings and documents, photographs, things related to the events of the war years, with the aim of preserving the memory of the heroic feat of the Soviet people, as well as passing on the memory to future generations. It is concluded that this exhibition is not just a museum event, but also contributes to the preservation of historical memory and the transfer of knowledge about the Great Patriotic War to future generations. It is a dialogue with the past, built through real objects and destinies. The exhibits on display allow visitors to feel the historical context, assess the contribution of Crimea and Yalta to the victory, and understand the price of peace and freedom.

Ключевые слова: выставка, музей, Великая Отечественная война, 80-летие Победы, экспонаты, патриотизм, герои, документы.

Key words: exhibition, museum, Great Patriotic War, 80th anniversary of Victory, exhibits, patriotism, heroes, documents.

В мае 2025 года в Ялтинском историко-литературном музее представили выставку «Минувших лет живая память» (рис. 1), посвященную 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Она стала значимым событием в культурной жизни города и страны, и призвана напомнить о подвигах наших предков, о жертвах и страданиях, которые они перенесли, и о важности сохранения памяти о прошлом [3, с. 89–92].

¹ Выражаю искреннюю благодарность коллективу Ялтинского историко-литературного музея за организацию выставки. Особая признательность – заместителю директора Надежде Владимировне Никитиной, заведующей отделом научно-просветительской работы Елене Анатольевне Москатовой, ведущему методисту Лилии Анатольевне Лисовой, а также всем сотрудникам музея, принимавшим участие в ее организации – *авт.*

Главной задачей кураторов выставки стало стремление не просто представить военные артефакты, но и пробудить у посетителей чувство сопричастности к историческим событиям, подчеркнув ключевое значение сохранения памяти.

Среди приоритетных задач выставки следует выделить формирование у посетителей устойчивого патриотического мировоззрения, повышение интереса к изучению истории Отечества, формирование единой культурной идентичности и углубленное осмысление личностного вклада участников войны в Победу.

Структура экспозиции строится по тематико-хронологическому принципу, что позволяет последовательно и логически ознакомиться с материалами, которые раскрывают ход военных событий и их влияние на регион.

Крым, в частности, город Ялта, как южная здравница Советского Союза, во время Великой Отечественной войны оказались в эпицентре трагических и героических событий. Оккупация города, партизанское движение в Крыму, эвакуация, а также послевоенное восстановление составляют важные страницы истории, которые находят отражение в музейных экспонатах.

Деятельность ЯИИМ традиционно включает исследование и популяризацию исторического наследия региона. Новая выставка продолжает эту линию, вводя современные интерактивные элементы. Например, в одной из витрин используется электронная фоторамка и демонстрирует гостям музея фотографии тех лет.

На выставке представлены разнообразные экспонаты: документы, фотографии, оружие, картины, посвященные событиям военного периода. Особенно впечатляют личные вещи участников войны, которые делают происходившее тогда более реальным и близким. Визуальные и текстовые предметы предоставляют уникальную возможность приблизиться к историческому опыту современников того времени, а картины – ощутить ее атмосферу.

Одним из интереснейших экспонатов, с которым нас знакомит выставка, является самовар. Можно сказать, что он подлинный свидетель истории, ведь использовался во время Крымской (Ялтинской) конференции [1, с. 45–53] в феврале 1945 года, когда проходили встречи лидеров стран антигитлеровской коалиции: Уинстона Черчилля, Франклина Делано Рузвельта и Иосифа Сталина (рис. 2). По архивным данным, подтвержденным исследованием главного хранителя музея А.С. Фроловой, именно из этого самовара подавался чай во время неформальных встреч делегаций.

Экспонат поступил в музей 30 декабря 1967 года в дар от Георгия Федоровича Бахтина – советского партийного деятеля, депутата Верховного Совета СССР VIII–XI созывов, который в разное время занимал должности агронома, партийного организатора и председателя исполнительного комитета Крымского областного совета народных депутатов [4, с. 168]. Его личное участие в сохранении исторической памяти делает экспонат еще более значимым.

Не менее интересен и трогателен подлинный документ времен войны – медицинская карточка эвакуации раненого С. Комарова (рис. 3). Датируемая 1941–1945 годами, карточка, несмотря на следы времени – потертости и загрязнения, остается уникальным свидетельством той масштабной гуманитарной работы, которая велась в тылу для спасения жизней.

Она не только иллюстрирует систему медицинского обеспечения в годы войны, но и вызывает личностное восприятие трагедии и героизма через судьбу конкретного человека. Неподдельный научный интерес представляет анализ почерка, записей о состоянии здоровья и маршрутах эвакуации, содержащихся в этом документе.

Отдельная витрина выставки посвящена боевым наградам времен Великой Отечественной войны – как символам мужества, самоотверженности и патриотизма (рис. 4).

Представленные здесь ордена и медали украшают выставку, а также представляют глубокую историческую ценность. Среди экспонатов:

- Ордена Отечественной войны I и II степени (учреждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 года) – первые советские награды, введенные в период войны. Орден I степени вручался за исключительные боевые заслуги, проявленные в боях, II степени – за отвагу, содействие успеху боевых операций. В музее представлены подлинные экземпляры с номерной гравировкой, что позволяет отнести их к ранним выпускам 1942 г. [6, с. 54–63].
- Орден Александра Невского – вручен Е.А. Ишаханову в середине XX века за успешное командование и проявленную личную отвагу. Учрежден 29 июля 1942 года, орден предназначался исключительно для офицеров Красной армии [6, с. 54–63].
- Орден Богдана Хмельницкого III степени (учрежден в октябре 1943 года). Присуждался за умелое руководство боями при освобождении территорий СССР. III степень вручалась командирам рот, батальонов, партизанским отрядам [6, с. 109–115].

- Орден Суворова III степени – одна из престижных наград, вручавшаяся младшему командному составу за грамотное ведение наступательных операций. Его вручение считалось высоким признанием тактического мастерства и личного вклада в достижение победы на фронте [6, с. 109–115].

- Медаль «За оборону Севастополя» – учреждена Указом от 22 декабря 1942 года. Ее удостоились участники 250-дневной обороны Севастополя – как бойцы, так и гражданское население, поддерживавшее город. Медаль уникальна тем, что создавалась в условиях действующего фронта, часто вручалась посмертно [6, с. 109–115].

- Медаль «За оборону Сталинграда» – также учреждена в 1942 году, вручалась более миллиону человек [6, с. 109–115].

В дополнение к перечисленным орденам и медалям, в витрине также представлены и другие награды.

Особую атмосферу выставке придают картины. Важное место в экспозиционном пространстве занимает живописное полотно «Партизанская весна» (1984–1994) кисти М.П. Чуриновой. Это – художница, чья творческая деятельность тесно связана с Крымом и Ялтой. Картина создана на протяжении десяти лет и представляет собой глубокую, эмоционально насыщенную интерпретацию темы народного сопротивления на Южном берегу Крыма в годы Великой Отечественной войны. Изображая крымских партизан в весеннем горном пейзаже, автор подчеркивает не только трагизм и героизм времени, но и внутреннюю красоту подвига, совершаемого в родных, узнаваемых ландшафтах.

В экспозиции также представлены портретные полотна талантливой художницы Валентины Павловны Цветковой. Она – народная художница Украины и почетный гражданин Ялты. Картина «Портрет С.Я. Троценко. Участник обороны Севастополя» (1974) изображает фронтовика, участвовавшего в героической защите города-героя. Она выполнена в строгой реалистической манере, подчеркивающей мужественные и собранные черты героя. Ее другая работа – «Портрет М.В. Борисова» (1947) – представляет собой одно из ранних произведений художницы, написанное вскоре после войны. Портрет, на мой взгляд, подчеркивает достоинство и внутреннюю силу изображенного ветерана.

Эти произведения не просто дополняют экспозицию – они органично вплетены в ее концепцию [2, с. 58–62].

Посещение выставки оказывает сильное эмоциональное воздействие, заставляя задуматься о подлинной цене Победы. Через вещи, документы, медицинские инструменты, оружие и художественные образы раскрывается человеческая боль и подвиг советского народа, что способствует более глубокому пониманию ее исторического значения.

На выставке также представлены экспонаты, связанные с малоизвестными, но значимыми событиями Великой Отечественной войны. Например, некоторые документы и фотографии рассказывают о жизни в тылу, о работе на фронте и о подвигах обычных людей [5, с. 138–145].

Таким образом, выставка, подготовленная Ялтинским историко-литературным музеем, является не просто музейным мероприятием, но и способствует сохранению исторической памяти и передаче знаний о Великой Отечественной войне будущим поколениям [7, с. 33–40]. Это, можно сказать, диалог с прошлым, построенный через реальные предметы и судьбы. Представленные экспонаты позволяют посетителям прочувствовать исторический контекст, оценить вклад Крыма и Ялты в победу, а также осмыслить цену мира и свободы.

Источники и литература (References):

1. Аграновский А. Л. Ялта: Конференция трех держав. Февраль 1945 года. М.: Политиздат, 1985.
2. Зуев В. М. Реликвии Победы: Музейные коллекции военного времени. СПб.: Музейное дело, 2010.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 4. М.: Воениздат, 1962.
4. Моя Малая Родина: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Н.П. Бердяковой. Вып. 16. Пенза: ГАОУ ДПО ИРР ПО. 2018.
5. Петров Н. В. История Крыма в годы Великой Отечественной войны. Симферополь: Крымучпедгиз, 1990.
6. Шумейко В. А. Награды Великой Отечественной войны: история, люди, подвиги. М.: Вече, 2005.
7. Юдин А. В. Архивные документы как основа музейных экспозиций. М.: МГУКИ, 2013.

Рис. 1. Общий вид выставки «Минувших лет живая память»

Рис. 2. Самовар. Наркомат тяжелой промышленности Тульский Краснознаменный патронный завод. СССР, г. Тула. 30-е гг. XX в. (апрель 1936 г.) Ялтинский историко-литературный музей, КП 89731 В-2838

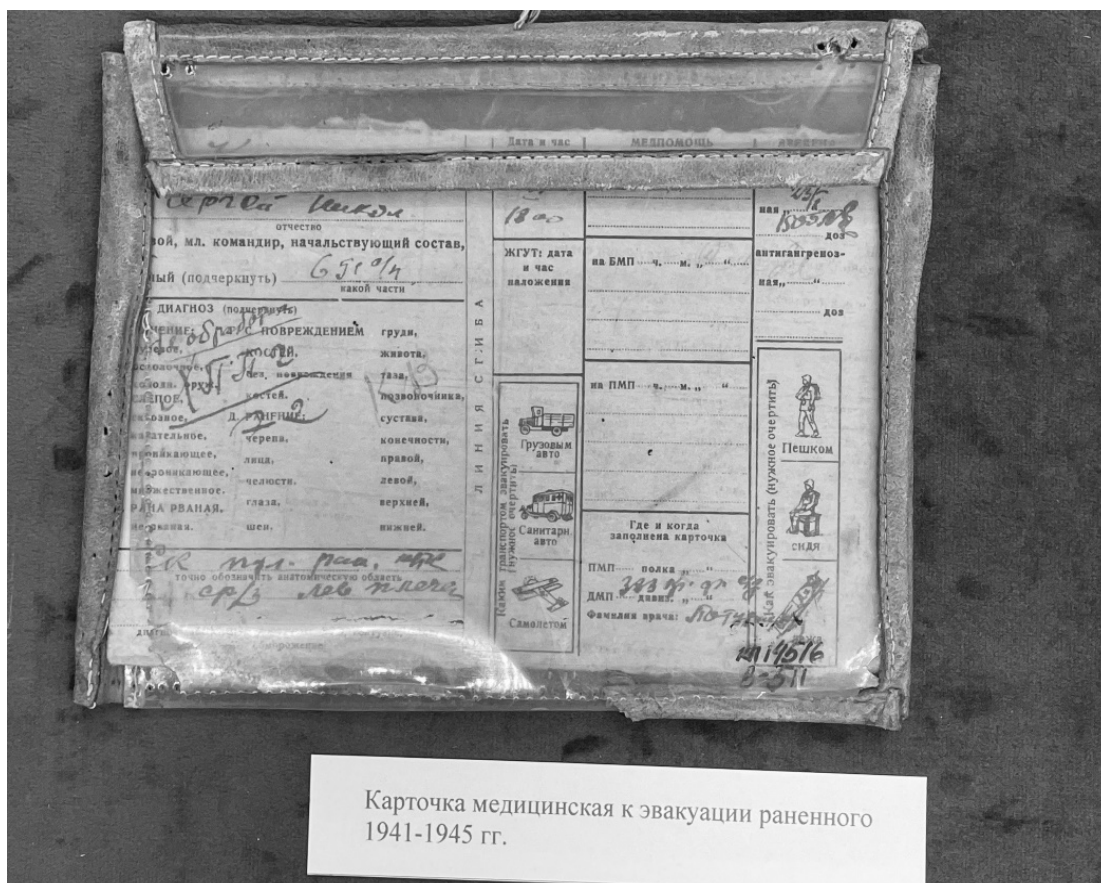

Рис. 3. Карточка медицинская к эвакуации раненого С. Комарова. 1941-1945 гг. Ялтинский историко-литературный музей, КП 32052 Д-4566

Рис. 4. Витрина с наградами Великой Отечественной войны

ПОТЕМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СТАТЬИ СТУДЕНТОВ
БАКАЛАВРИАТА**

АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

УДК 94(495).01

DOI: 10.5281/zenodo.17012320

ЧЕТВЕРТЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР. ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЭЛИТ

THE FOURTH ECUMENICAL COUNCIL. THE CONFRONTATION OF THE ELITES

Белоусов И.М.¹

Belousov I.M.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University

Аннотация. К середине V века Империя Ромеев столкнулась со сложной внутривосточной ситуацией. С одной стороны противостояние элит Византии, с другой богословские противоречия создавали раскол общества. Внешнеполитические угрозы со стороны гуннов и Персии побуждали к решительным действиям для объединения и укрепления империи. Со смертью слабого императора Феодосия II и воцарением новой императрицы Пульхерии, перед ней встала основная задача – укрепление единства империи. Ее брак с Маркианом был лишь формальным, поскольку Пульхерия дала обет безбрачия. Поэтому Маркиан нужен был ей только как соправитель, опытный военачальник и надежный помощник в решении политических, религиозных, и главное, национальных противоречий, которые накопились к 450 году.

Abstract. By the middle of the 5th century, the Roman Empire faced a difficult internal political situation. On the one hand, the confrontation of the Byzantine elites, on the other, theological contradictions created a split in society. Foreign policy threats from the Huns and Persia prompted decisive action to unite and strengthen the empire. With the death of the weak emperor Theodosius II and the accession of the new Empress Pulcheria, she faced the main task of strengthening the unity of the empire. Her marriage to Marcian was only formal, as Pulcheria had taken a vow of celibacy, so she needed Marcian only as a co-ruler, an experienced military commander, and a reliable assistant in resolving the political, religious, and most importantly, national contradictions that had accumulated by 450.

Ключевые слова: Четвертый Вселенский собор, Третий Вселенский собор, монофизитство, несторианство, догматизм, ересь, богословская школа.

Key words: The Fourth Ecumenical Council, the Third Ecumenical Council, Monophysitism, Nestorianism, dogmatism, heresy, the theological school.

К середине V века Империя Ромеев столкнулась со сложной внутривосточной ситуацией. С одной стороны противостояние элит Византии, с другой богословские противоречия создавали раскол общества. Внешнеполитические угрозы со стороны гуннов и Персии побуждали к решительным действиям для объединения и укрепления империи [1, с. 239-245].

Со смертью слабого императора Феодосия II и воцарением новой императрицы Пульхерии, перед ней встала основная задача – укрепление единства империи. Ее брак с Маркианом был лишь формальным, поскольку Пульхерия дала обет безбрачия, поэтому Маркиан нужен был ей только как соправитель, опытный военачальник и надежный помощник в решении политических, религиозных, и главное, национальных противоречий, которые накопились к 450 году [4, с.166-177].

Несмотря на формальное единство, к этому времени страна находилась в состоянии раскола между центром и его окраинами [6]. Непокойная ситуация во внешней политике, вызванная постоянной угрозой со стороны Персии, и внутренние политические противоре-

¹ Научный руководитель – Фомин Михаил Владимирович, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

чия в борьбе за власть сопровождались идеологическими распрями христианских элит и церковного духовенства [7]. Несмотря на то, что формально Церковь оставалась единой, после второго Эфесского собора произошло фактическое ее разделение на сторонников Диоскора и его противников. Между ними шла ожесточенная борьба, которая сопровождалась и насилием, и политическим преследованием [2]. Все это вело к тому, что тот, кто имел покровительства во власти больше, имел больше ресурсов для преследования и уничтожения своих оппонентов. Страна находилась под угрозой гражданской войны [2]. Поэтому стало необходимым введение четкой легитимности в отношении новой власти, новых законов, новых порядков, которые смогли бы регулировать отношения между всеми противоборствующими сторонами [4, с. 186-196]. Именно таковым стал Четвертый Вселенский Собор.

Стремление полностью соответствовать легитимности по отношению к законам империи и к догматам Церкви было обусловлено необходимостью проводить собор в полном соответствии с традициями и сделать его непререкаемым, особенно в ситуации Маркиана, который не был прямым наследником правящей династии [1, с. 279-281]. Финансирование и организация всего собора легли на государство и самого императора Маркиана [5 с. 263-276]. Чтобы сохранить преемственность всех решений на соборе законными, место его проведения было выбрано то же, что и Первого – город Никея. Поскольку именно в результате Первого Вселенского Собора были провозглашены основные догматические учения христианства, а полностью руководил тогда собором император Константин [7]. Таким образом, Маркиан стремился создать максимальное соответствие Четвертого Собора Первому, тем самым показать преемственность Халкидонского Собора Никейскому.

Однако объединение гуннов и их регулярные нападения с севера, как угроза столице Византии, вынуждала Маркиана оставаться близ Константинополя для сохранения мобильности военного управления (Маркиан был Византийским военным начальником). Таким образом, непосредственная необходимость участия самого императора в Соборе стала причиной переноса места проведения Четвертого Вселенского Собора из запланированной Никеи в Халкидон [1 с. 279-281]. Именно поэтому на решение богословских задач было выделено много средств, и уже по итогам Собора, на котором свершился суд над архиепископами Александрии, было принято решение об официальном осуждении, низложении и изгнании, прежде всего, архиепископа Диоскора с его сторонниками [7]. Это дало повод для развития других противоречий, однако такое решение позволило стабилизировать ситуацию внутри империи равно с их противоречиями на некоторое время [4, с. 210-216].

Но проблема также носила национально-богословский характер. Четвертый Вселенский собор, созванный в Халкидоне в 451 году, стал символом догматического учения Ортодоксального христианства. И если множество ересей, возникших в 4 веке, очень быстро потеряли свою актуальность, то монофизитство и нестарианство сохранили своих глубоких сторонников и по сей день [2]. Это обусловлено тем, что ошибка заключалась не в понимании христианства какими-то отдельными епископами, а речь шла о разном идеологическом системном осмыслении мира. Все дело заключалось в наследии двух крупнейших богословских школ: Антиохийской и Александрийской, которые строились на противоречиях между философиями Платона и Аристотеля, которые на протяжении столетий до христианства выражались в соперничестве, как политическом, так и интеллектуально-культурном [1, с. 177-192].

Все изменилось в тот момент, когда Феодосий I закрыл все языческие школы. Вместо них стало активно изучаться богословие, которое воспринималось наследниками античных школ сквозь призму миропонимания Платона (в случае с Александрией), а в случае с Антиохией – Аристотеля [7]. Среди воспитанников новых богословских школ оказалась, по сути, вся образованная часть, как политиков, так и Церковных деятелей, в связи с чем начали появляться первые богословские ораторы. И если святитель Кирилл Александрийский не позволял отступлений от догматизма Македонского собора (Второго Вселенского), то его последователи, такие как Евтихий и Диоскор – на волне антинесторианского Эфесского собора, где было осуждено несторианство и восторжествовала Александрийская школа [7].

Смелость и покровительство Восточно-римского императора дало возможность Диоскору созвать Второй Эфесский собор, «разбойничий». Реакцией на это стал Томос папы римского Льва I, в котором осуждалась ересь Евтихия и монофизитства наравне с несторианством, а главенствующей кафедрой над Александрийской и Антиохийской признавался Константинополь, поскольку те себя дискредитировали [7]. Но Александрийская Церковь с этим мириться не собиралась. С самых первых времен, будучи прямыми последователями апостола и евангелиста Марка, архиепископы Александрии считали себя равными папе Римскому и называли себя папой Александрийским [2]. Именно поэтому Томос папы римского Льва I очень остро отвергался. Если для Константинополя вопрос богословия носил сугубо политический характер единства Церкви и империи, то для окраин особенности понимания богословия были символом их национальной идентичности [2].

С приходом к власти в Константинополе новой элиты, Александрийская кафедра оказалась в положении меньшинства, а Антиохийская активно способствовала осуждению монофизитства. Это приводило к тому, что коптская Церковь называла Антиохийскую несторианами, а Антиохийская коптскую – монофизитами [1, с. 281–286].

Конечно, на соборе основные идеологи еретических учений не признали свою вину, и их отлучили от Церкви. Поскольку речь шла о пастырях Церкви, у которых было множество последователей, то отделение восточных Церквей привело к Церковному расколу и получению автономии коптской, антиохийской и Армянской Церквей [2]. Но поскольку для окраин неподчинение решениям собора воспринималось как неподчинение протекторату греков, то непринятие положений собора местными национальными общинами вело за собой сепаратистскую деятельность, которая имела далекие последствия [6 с. 31–40].

Однако не стоит забывать про чрезвычайно влиятельную Церковь первую среди равных. Еще после Третьего Вселенского Собора (431) влияние Александрии усилилось, и Рим, некогда поддерживавший Александрию в лице Кирилла против Нестория, видя угрозой Александрию, начал поддерживать Константинополь в лице Флавия [4, с. 177–186]. Это все показывает весьма неоднозначную обстановку в политическом противоречии не только религиозных, но и политических элит. Смена власти в Константинополе в 451 году, меняла расстановку сил в пользу Рима, что позволило заручиться его покровительством против Александрии в лице Диоскора [4, с. 177–186]. Смена религиозной элиты Александрии, Кирилла на Диоскора также повлияло на взаимоотношения Рима с Александрией, причем в худшую для Александрии сторону. Рим, который в то время сам стоял на пороге гибели, поскольку регулярно подвергался нападениям со стороны Атилы и гуннов, оставался очень влиятельной политической фигурой, которая поддерживала то одну, то другую сторону, в ущерб тем, кто оказывался сильнее и опаснее для авторитета Рима [5 с. 276–286].

Таким образом, играя на взаимных противоречиях, Константинополю удалось сохранить благоприятные отношения с Римом, и избежать гражданской войны с Александрией. Однако все ошибки Феодосия II Маркиану исправить не удалось. Заключенный союз с Персией, угроза нападения племен гуннов не позволила помочь в критически важный момент. В результате Константинополь утратил важного союзника на всех Вселенских соборах. И если откупиться от гуннов не было большой проблемой для Византии, то в случае войны с Персией, угроза гражданской войны внутри империи была слишком велика, что не позволило в этот трудный для Армении момент помочь ей в борьбе с Персией до окончания Халкидонского собора [7]. Национальные противоречия оказались более сложными. Решить их мирным собором уже не представлялось возможным [7]. Это предопределило политику Константинополя в следующие десятилетия и привело к военным столкновениям и карательным экспедициям. Впоследствии именно национальные противоречия сыграли ключевую роль в стремительной потере Византией всего Ближнего Востока [7].

Источники и литература (References):

1. Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Том 4. Киев, 2007.
2. Единство империи и разделение христиан / Азбука веры / [Электронный ресурс] Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/edinstvo-imperii-i-razdelenija-hristian/6 (проверено: 10.05.2025)
3. Занимательная история Древней Церкви [Текст]: на пути к расколу / Владимир Соколов. Москва: Ломоносовъ, 2016. 296, [1] с.: ил.; 22 см. (История/ География/ Этнография).
4. Карташев А. В. Вселенские соборы. М., 1994.
5. Ю. А. Кулаковский / История Византии 3. изд., испр. и доп. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2003-2004 (Акад. тип. Наука РАН). (Серия "Византийская библиотека. Исследования"). / Т. 1.: 395-518 годы. 2003. 492 с.
6. Муравьев Н.И. Значение IV Вселенского Собора // Журнал Московской Патриархии 1951. № 5. / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://archive.e-vestnik.ru/page/index/195107387.html> (проверено: 23.08.2025)
7. Халкидонский собор и его последствия / Азбука веры / [Электронный ресурс] Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/edinstvo-imperii-i-razdelenija-hristian/6 (проверено: 07.04.2025).

ГОРОД ВИМИНАЦИЙ КАК ГЛАВНЫЙ ОПОРНЫЙ ПУНКТ НА ПЕРИФЕРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

THE CITY OF VIMINACIUM AS THE MAIN STRONGHOLD ON THE PERIPHERY OF THE ROMAN EMPIRE IN THE LATE ANTIQUE PERIOD

Колтунов А.Н.¹
Koltunov A.N.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород
Belgorod state national research university*

Аннотация. Виминаций – ключевой римский город в Верхней Мёзии, выросший из военного лагеря в крупную колонию. Расположенный на Дунае и пути Via Militaris, он был стратегическим и торговым центром, связывавшим восточные и западные провинции. После нашествия гуннов город пришел в упадок. Исследования Виминация помогают понять римское влияние на Балканах.

Abstract. Viminacium is a key Roman city in Upper Moesia, which grew from a military camp into a large colony. Located on the Danube and Via Militaris, it was a strategic and commercial center linking the eastern and western provinces. After the invasion of the Huns, the city fell into disrepair. Viminacius' research helps to understand Roman influence in the Balkans.

Ключевые слова: Виминаций, Римская империя, Верхняя Мезия, Via Militaris, колония.

Key words: Viminacius, Roman Empire, Upper Moesia, Via Militaris, colony.

Виминаций – римский город, прошедший путь от военного поселения-каструма до колонии, имевшей право чеканить монеты. Он важным стратегическим объектом, став столицей Верхней Мёзии. Город сыграл ключевую роль в построении пути Via militaris, использовавшейся для перемещения римских легионов. Благодаря своему расположению на речных путях, Виминаций всегда находился на пересечении культурных влияний из восточной и западной частей империи.

Важность Виминация также отражается в количестве его упоминаний в древних литературных источниках, начиная со II по IX век. Упоминания сделаны Птолемеем во II веке, Юлием Гонорием в его "Космографии" в V и частично VI веке.

Виминаций открывает огромный простор для работы археологов. Римский город занимает порядка 450 гектаров, которые пока что еще не полностью изучены. На территории городского поселения уже обнаружено 14 000 могил.

Во времена Римской империи северная часть города была расположена вдоль одного из ответвлений Дуная, в то время как с западной стороны его городские стены располагались рядом с рекой Млава. Удачное расположение на главных торговых путях в Европу положило начало бурному развитию города и превращению его в столицу Верхней Мёзии. Статус столицы притягивал потоки переселенцев. В Виминации обнаружено 5 некрополей, в которых исследователи выделили 7 антропологических типов, что может свидетельствовать о большом интересе различных торговцев к данному городу [1, с. 86].

На протяжении всей своей истории город был известен своим агрокомплексом, в который входили пшеница, подсолнечник, кукуруза, овес, рожь и другие культуры. Также есть данные и о выращивании клубники и инжира. Данная информация свидетельствует о Римском влиянии на сельское хозяйство региона. Вместе с сельским хозяйством Виминаций был достаточно важным городом, в котором добывали различные руды. Он был намного более удобным в своем географическом положении относительно городов Малой Азии, из которых происходил основной экспорт.

Виминаций являлся одним из городов, построенных на пути к Адриатическому морю, протяженность этого пути составляла порядка 1600 км. Этот торговый путь строили и

¹ Научный руководитель – Болгов Николай Николаевич, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ»; главный научный сотрудник Института истории и археологии Византии и Причерноморья СевГУ.

римские легионеры из состава VII Клавдиева Легиона, он служил соединителем между провинциями Верхняя Мезия и Дакция. На этом же пути найдено достаточно много археологических памятников, которые связываются с деятельностью легионеров [2, р. 4].

Аэрофотоснимки и археологические исследования настоящего времени дают информацию о возможном наличии речного порта на территории города, что делает его «посредником» в торговле Рима.

Виминаций, с получением статуса колонии в 239 году, имел право чеканить монеты, первый монетный двор был открыт в том же году при Гордиане III, второй уже во время правления Филиппа I (244–249 гг.), но к 259 году работа обоих предприятий была остановлена. Такое поспешное закрытие было связано с тем, что Виминаций являлся центром восстания Ингенция. После его пленения поступали сообщения о полном уничтожении города, в частности, Требоний Полий сообщает: «... После того, как Ингенций был убит, он (Галлиен) жестоко наказал граждан Мёзии, так что многие поселения остались без жителей». Город потерял все свои права и, вероятно, был сожжен и разрушен [5, р. 52].

Достаточно частыми были визиты римских императоров в Виминаций. Так, Адриан дважды организовывал императорские охоты в Виминации, Септимий Север также посещал город дважды. После него здесь побывали и другие императоры: Гордиан III, Филипп I, Требониан Галл, Гостилиан, Диоклетиан, Константин Великий, Констанций I, Юлиан и, последний из них, Грациан. Столь частые визиты были связаны с напряженной обстановкой в провинции и частыми набегами варваров [6, р. 12].

Также стоит отметить и церковное значение города. С 365 года Виминаций стал резиденцией одного из четырех Мёзианских епископов.

В городе были обнаружены римские широкие проспекты, пересекающиеся под прямым углом, форум, театры, бани, акведуки и крепостные стены.

От Прокопия Кесарийского (De aedif. IV. 5) мы узнаем, что старый Виминаций был стерт с лица земли, и император Юстиниан построил совершенно новый город. Перестроен город он по всем римским канонам: прямоугольной формы, с угловыми башнями из сланцевого камня, который был скреплен известковым раствором. Также были обнаружены 2 центральные башни, между которыми были проложены канализационные каналы [4, р. 122]. Главный канал был построен из сланца и покрыт каменными блоками, а дно выложено кирпичом. С северо-западной стороны был обнаружен ров шириной 17 м и глубиной 5 м, выложенный из камня [4, р. 145]. Амфитеатр Виминация являлся единственным действовавшим на территории Мёзии. Он, как и сам город, был перестроен из дерева в камень. Письменных упоминаний о проводившихся в нем гладиаторских боях нет, но археологические находки говорят об обратном. Восточнее амфитеатра располагалась базилика. За пределами города было найдено 2 акведука, построенных в I в. н.э. Один из акведуков был разрушен при нашествии гунов, а в другом были найдены бронзовые монеты. Акведуки хорошо сохранились, в первую очередь, из-за их нахождения под землей, и даже не смотря на разрушения, причиненные варварами, археологам удалось в полной мере изучить древние водопроводы [4, р. 208]. За пределами крепостных стен находилось достаточно большое количество villas, которые к настоящему времени полностью не изучены [4, р. 220].

Римские легионеры из состава VII Клавдиева легиона построили и первые общественные бани, расположенные внутри городских стен. Возведение этих зданий относится к правлению Марка Аврелия (161–180 гг. н. э.) [3, р. 1372–1373].

После разрушения гуннами Виминация в 441 г. город стал буферной зоной, которая была отрезана от управления императором. А с приходом аваров в 598/600 гг. упоминаний о городе в письменных источниках не имеется.

Найденные к настоящему моменту археологические материалы наглядно демонстрируют впечатляюще высокий уровень развития различных отраслей искусства и ремесел. Торговцы со всей империи приезжали сюда, чтобы продавать свои товары. Важным источником являются фрески в позднеантичных гробницах. Изучение истории и материальной культуры этого города будет иметь важное значение для дальнейшего исследования северо-балканской периферии поздней империи.

Источники и литература (References):

1. Д.С. Конопелькин, Н.Н. Гончарова, И.Ж. Микич Краниологическая характеристика и внутригрупповой анализ населения южного некрополя античного города Виминаций // Вестник Московского университета. Серия XXIII. 2018. №2. С. 85–93.
2. Ardeț A. Roman Road between Moesia Superior and Dacia, a possible Via Nova Traiana // BOOK OF ABSTRACTS Symposium: "Archaeological Heritage – its Role in Education, Presentation and Popularization of Science". 2012. P. 4.

3. Bondoc D. The Roman fortress and the detachment of Legio VII Claudia from Cioroiu Nou, Dolj County, Romania. // *Limes XXIII. Proceedings of the 24th International Congress of Roman Frontier Studies*. 2018. P. 1371–1381.
4. Korać M. *Viminacium urbs et castra legionis: Research, Protection, Presentation and Valorisation* Belgrade.: Institute of archaeology, 2019. 675 p.
5. Vojvoda M. Coins of the Viminacium mint FROM THE PEĆINE NECROPOLIS (VIMINACIUM) // *Archaeology and Science*. 2016. №12. P. 51–74.
6. Војвода М., Грашар Ј. А. Виминацијум – историјат и истраживања // *VIVERE IN VRBE VIMINACIVM*. 2022. Vol. 1. P. 9-16.

**ЛИДИЯ КАК ЦАРСТВО КОНТРАСТОВ В «ПИРЕ МУДРЕЦОВ»
АФИНЕЯ НАВКРАТИЙСКОГО**

**LYDIA AS A KINGDOM OF CONTRASTS IN THE "THE DEIPNOSOPHISTAE"
OF ATHENAEUS OF NAUCRATIS'S**

**Нукушов Р.М.¹
Nukushov R.M.**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород
Belgorod state national research university*

Аннотация. В статье изучено формирование образа Лидии в труде Афинея Навкратийского «Пир мудрецов». Автор анализирует, как Афинея, компилируя античные источники и используя мифологические сюжеты, представляет Лидию как царство контрастов (богатство/культурные достижения vs. моральное разложение), применяя греко-римский морализаторский подход. Через описания кухни, музыки и обычаев лидийцев Афинея трактует их роскошь и гедонизм как причины упадка и развращающее влияние на греков, создавая аллгорию об опасностях «варварской» изощренности. Исследование, основанное на источниковедческом анализе, вносит вклад в изучение механизмов конструирования негативных этностереотипов в античной историографии.

Abstract. The article examines the construction of Lydia's image in Athenaeus of Naucratis' The Deipnosophists. Through source study analysis, the author demonstrates how Athenaeus synthesizes ancient sources and mythological narratives to portray Lydia as a realm of contrasts (wealth/cultural achievements vs. moral decay), employing a Greco-Roman moralizing approach. By describing Lydian cuisine, music, and customs, Athenaeus interprets their luxury and hedonism as causes of decline and corrupting influences on Greeks, crafting an allegory about the dangers of "barbarian" refinement. This research contributes to understanding the mechanisms of negative ethnic stereotyping in ancient historiography.

Ключевые слова: Лидия, лидийцы, Крез, Афинея, морализаторство.

Key words: Lydia, lydians, Croesus, Athenaeus, moralizing.

Афинея – греческий писатель и грамматик II–III вв., автор труда «Пир мудрецов» (греч. «Δειπνοσοφισταί»). Это произведение представляет собой энциклопедический сборник, написанный в форме диалога, где участники пира обсуждают самые разные темы: от кулинарии и музыки до истории и философии. Афинея цитирует множество античных авторов, чьи труды до нас не дошли. Это делает его работу ценным источником для изучения античной культуры, быта и историографии.

Афинея родился в египетском городе Навкратис, что объясняет его интерес к эллинистической и восточной культурам [3, с. 459]. Его стиль изложения сочетает ученость с иронией, а подход к материалу часто носит морализаторский характер, что особенно заметно в описании «варварских» народов, таких как лидийцы.

Начнем с характеристики исторических персонажей и событий. Лидийские цари Гиг и Крез упоминаются как первые, кто принес золотые и серебряные дары в Дельфы, украсив святилище Аполлона [1, с. 294]. Это подчеркивает богатство Лидии и ее роль в религиозно-политической жизни Эллады. Феопомп отмечает, что до Гига пифийское святилище не имело драгоценных приношений. Это указывает на восприятие Лидии как источника роскоши и влияния на греческие центры.

Лидийский царь Камбет предстает как символ морального разложения: его каннибализм и самоубийство после осознания содеянного служат примером крайней деградации власти [2, с. 68–69]. Этот эпизод, вероятно, заимствован из трудов Ксанфа Лидийского и отражает стереотип о тиранической природе восточных правителей.

¹ Научный руководитель – Болгов Николай Николаевич, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ»; главный научный сотрудник Института истории и археологии Византии и Причерноморья СевГУ.

Мифологизированный рассказ о царице Омфале, отомстившей лидийцам за насилие над женщинами [2, с. 206], и царе Мидасе, «обабившемся» в роскоши, подчеркивает тему возмездия за распущенность. Автор (Клеарх) связывает упадок Лидии с моральным разложением элиты, акцентируя гендерный переворот как наказание за жестокость.

Отдельно стоит рассмотреть культурные аспекты Лидии у Афиней. Лидийцы ассоциируются с изысканной кухней: упоминаются «кандавл» (мясное блюдо с сыром и пряностями), лидийские смоквы и хлебопеки [1, с. 153], [2, с. 206–207]. Архестрат в «Гастрономии» называет лидийцев искусными пекарями, что отражает их репутацию мастеров гастрономии. Однако эти детали подаются через призму осуждения: «кандавл» символизирует сластолюбие, а связь с персидскими и ассирийскими царями подчеркивает гедонизм как черту «варварских» народов [2, с. 236–237].

Лидийский музыкальный лад, по мнению Гераклида Понтийского, – «варварский», заимствованный элинами через Пелопса [2, с. 334–335]. Его связывают с эмоциональной распущенностью, в отличие от «мужественного» дорийского лада. Это отражает восприятие лидийской культуры как эмоционально чрезмерной и чуждой греческой сдержанности.

Лидийцы описаны как народ, склонный к пьянству [2, с. 91], роскоши и сексуальным излишествами. Клеарх упрекает их за создание «тенистых садов» и насилие над женщинами, что, по его мнению, привело к утрате мужественности и власти тиранов-женщин [2, с. 206].

У Афиней мы находим сведения и о влиянии лидийцев на другие народы. Колофонцы, перенявшие у лидийцев моду на золотые украшения и пурпурные одежды, представлены как пример развращения греческих нравов [2, с. 216–217]. Аналогично Поликрат Самосский, подражая лидийским паркам, вводит «самосские цветы» – символы разврата [2, с. 231]. Эти сюжеты иллюстрируют античный троп о «восточном влиянии» как источнике упадка.

Афиней, компилируя источники (Ксанф, Клеарх, Феопомп), рисует Лидию как царство контрастов: богатство и культурные достижения соседствуют с моральным разложением. Роскошь лидийцев (золото, кулинария, музыка) трактуется через призму греко-римского морализаторства: изнеженность, пьянство и сексуальная распущенность становятся причинами политического упадка. Мифологические сюжеты (Омфала, Мидас) служат дидактическими примерами возмездия за гедонизм. При этом автор признает вклад Лидии в материальную культуру (хлебопечение, дары в Дельфы), но оценивает его амбивалентно – как источник соблазнов для эллинов.

Таким образом, история Лидии в греко-римской историографии становится аллегорией опасностей изобилия и «варварской» изощренности.

Источники и литература (References):

1. Афиней. Пир мудрецов. В пятнадцати книгах. М.: Наука, 2004. Книги I–VIII. 655 с.
2. Афиней. Пир мудрецов. В пятнадцати книгах. М.: Наука, 2010. Книги IX–XV. 597 с.
3. Левинская О.Л. Афиней и его книга // Афиней. Пир мудрецов. В пятнадцати книгах. М.: Наука, 2004. Книги I–VIII. С. 459–474.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА ПРИ ИНТЕГРАЦИИ ГОРОДА В СОСТАВ ИМПЕРИИ РОМЕЕВ**TRANSFORMATION OF THE ADMINISTRATIVE SYSTEM OF LATE ANTIQUE CHERSONESOS DURING THE INTEGRATION OF THE CITY INTO THE EASTERN ROMAN EMPIRE****Радюк Е.П.¹****Radyuk E.P.**

*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University, Sevastopol*

Аннотация. Статья посвящена трансформациям в административной системе позднеантичного Херсонеса на фоне интеграции города в орбиту влияния Восточной Римской империи. Вопросы политической жизни Херсонеса IV–VI вв. и трансформации властных структур «города-союзника» при превращении его в имперский провинциальный центр остаются дискуссионными, несмотря на сравнительно небольшой период их исследования. Изучен статус города в правовом поле империи, проанализированы взгляды различных исследователей на трансформацию местных властных структур при взаимодействии с имперскими чиновниками, описаны механизмы, применяемые имперской администрацией для укрепления своих позиций в городе.

Abstract. The article examines transformations in the administrative system of Late Antique Chersonesos against the backdrop of the city's integration into the sphere of influence of the Eastern Roman Empire. Questions concerning the political life of Chersonesos in the IV–VI centuries and the transformation of the administration of this "allied city" as it evolved into an imperial provincial center remain subjects of scholarly debate, despite the relatively short duration of this period as a focus of research. The study explores the city's status within the empire's legal framework, analyzes various scholarly perspectives on the transformation of local governing structures through interaction with imperial officials, and describes the mechanisms employed by the imperial administration to consolidate its position within the city.

Ключевые слова: Византия, Херсонес, Северное Причерноморье, трансформация, административная система, интеграция.

Key words: Byzantium, Chersonesos, Northern Black Sea region, transformation, administrative system, integration.

Трансформации, происходившие в администрациях провинциальных центров Восточной Римской империи в процессе перехода от античности к раннему средневековью, сегодня остаются недостаточно изученными. Обширная география провинциальных центров, этнически различное население, различные исторические контексты существования центров и многие другие факторы наделяют позднеантичные-раннесредневековые системы управления определенными особенностями. Уникален в этой связи и Херсонес-Херсон переходного периода. С началом Великого переселения народов город остался фактически единственным форпостом Империи в Таврике, а его особый статус и сохранение в нем полисных институтов местного самоуправления свидетельствуют о необычности его положения.

Актуальность исследования обусловлена неоднозначностью интерпретации источников по данному вопросу и наличием неутраченной дискуссии о политической жизни города в IV–VI вв. Несмотря на то, что вопросы политической жизни города и трансформации его вертикали власти в указанный период долгое время оставались без внимания, расширение источниковой базы в конце XX в. вызвало повышенный интерес исследователей к истории Херсонеса. Так, за короткий срок появилось множество разнообразных мнений по данному вопросу. Несмотря на весьма обширную историографию, накопленную за сравнительно небольшой период изучения различных аспектов политической жизни города, вопросы политической истории Херсонеса-Херсона не утратили своей актуальности и активно исследуются в современной науке.

¹ Научный руководитель – Фомин Михаил Владимирович, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

Изучение некоторых аспектов административной жизни византийского Херсона началось еще во второй половине XIX в. Исследование византийской администрации города активизировалось на рубеже XIX–XX вв. и постоянно углублялось по мере обогащения источниковой базы. В начале XX в. введены в научный оборот, систематизированы и интерпретированы некоторые эпиграфические источники, содержащие информацию об административном аппарате города [1, с. 520–524]. Тогда Херсонес был слабо изучен археологически, и исследователи руководствовались, как правило, немногочисленными нарративными и эпиграфическими источниками.

В историографии конца XIX – начала XX в. выработаны основные тезисы касательно администрации города позднеантичного-раннесредневекового периода. Тогда же зарождается дискуссия о статусе Херсона в IV–VI вв. В дальнейшем, в середине – третьей четверти XX в. эти теоретические положения получили развитие. А с пополнением источниковой базы в конце XX – начале XXI вв. были дополнены старые и разработаны новые концепции развития административной жизни города в позднеантичный – раннесредневековый период. В частности, несколько новых гипотез было выдвинуто С.Б. Сорочаном [2, с. 118–122], а концепция континуитета власти в средневековом городе разрабатывалась Н.И. Храпуновым [3]. Концепция С.Б. Сорочана акцентировала радикальный разрыв с полисными традициями и доминирующую роль имперской администрации уже с IV–V вв., подчеркивая упадок местного самоуправления под прямым контролем Византии. Концепция Н.И. Храпунова, напротив, постулирует эволюционную преемственность: даже после введения поста дуки в VI в. органы городского самоуправления сохранялись и функционально интегрировались в имперскую систему, обеспечивая континуитет власти.

В период IV–VI вв. интеграция Херсонеса-Херсона в состав империи Ромеев осуществлялась параллельно с напряженными этнополитическими процессами в Таврике. [2, с. 256, 522–523]. Хотя данный фактор не был определяющим для трансформации административной вертикали города, он существенно стимулировал активизацию имперской администрации в регионе.

Напряженные отношения города с его сельским окружением, особенно обусловленные миграционными волнами эпохи Великого переселения народов, приведшими в IV в. к гибели античных центров Ольвии, Тиры и Никония, способствовали более активному вмешательству имперской администрации в дела Херсона – своего главного форпоста в Таврике. В условиях перманентной внешней угрозы на протяжении всего переходного периода в город направлялись воинские контингенты. Эти подразделения не только укрепляли обороноспособность путем модернизации фортификационных систем, но и сопровождались чиновниками, курировавшими строительные работы. [4].

Существенную роль в интеграционном процессе сыграло культурное воздействие переселенцев из Малой Азии и Ближнего Востока. Интенсификация контактов с этими регионами привела к появлению в городе в конце III в. небольшой христианской общины, включавшей представителей торгово-ремесленной элиты [5, с. 14–16]. Распространение в Херсонесе-Херсоне христианства в IV в. стало фактором сближения с империей. Источники указывают на значимое положение епископа в городской административной иерархии уже к концу IV в. [2, с. 163].

Административные преобразования шли постепенно. В IV веке византийские чиновники были интегрированы в систему городского управления, тогда как традиционные полисные институты (такие как выборная должность «отца города» – патера, который, по-видимому, возглавлял местное самоуправление) сохраняли свое влияние. Источники агнографического характера свидетельствуют о сопротивлении старой аристократии внедрению имперских административных практик на начальном этапе [6].

Со второй половины IV в. Херсон находился под юрисдикцией префектуры Восток, в ведении которой была организация оборонительного строительства. На территории города размещались подразделения регулярных имперских войск. Дальнейшее углубление интеграции к концу V в. выразилось в создании фискального ведомства (практія), осуществлявшего сбор налогов и пошлин. Поступавшие средства направлялись в имперскую казну с последующим их использованием на содержание городского гарнизона.

Кульминацией процесса стало официальное превращение Херсона во второй половине VI в. в центр византийских владений в Таврике. В городе появился имперский наместник – дука, обладавший широкими полномочиями. Образование дуката, вероятно, снизило роль городской общины и органов местного самоуправления, хотя они продолжали функционировать под контролем имперской администрации вплоть до образования фемы [7, с. 197–198].

Подводя итог, можно заключить, что интеграция Херсонеса-Херсона в состав Восточной Римской империи в IV–VI вв. представляла собой сложный и многогранный процесс. Он был обусловлен как внешними факторами (угроза вторжения кочевников), военное присутствие империи), так и внутренними (крах полисной системы, христианизация). Трансформа-

ция административной системы характеризовалась постепенным наращиванием имперского при параллельном, хотя и неуклонно сокращающемся, сохранении элементов полисного самоуправления. Ключевым рубежом стало появление в городе дуки во второй половине VI в., ознаменовавшее окончательное превращение Херсона в имперский провинциальный центр, хотя муниципальные институты сохранялись до более позднего фемного периода.

Источники и литература (References):

1. Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в.н.э. Очерки истории и культуры / Под ред. В.М. Зубаря. Харьков, «Майдан» 2004. 732 с.
2. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1-2. Харьков, 2005. С. 1255–1274.
3. Храпунов Н.И. О континуитете администрации византийского Херсона // Древности 2004. Харьков. 2004. С. 51–55.
4. Вус О.В. Оборонительные сооружения ранневизантийского Херсона: реконструкция и развитие городской фортификации в IV–VI вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья, 2017. № 9. С. 203–247.
5. Фомин М.В. Херсонская епархия в политике Византийской империи в IV–VII вв. // Современная научная мысль. 2023. №2. С. 13–20.
6. Радюк Е.П., Фомин М.В. Христианизация Херсонеса и конфликт элит в позднеантичном полисе // Современная научная мысль. М.: НИИ ИЭП, 2025. № 1. С. 5-9.
7. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина XI вв.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. 744 с.

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РУСИ НА КАСПИИ И ЧЕРНОМОРЬЕ IX–X ВЕКАХ

TRADE CONTACTS OF RUS' IN THE BALTIC, CASPIAN, BLACK SEA REGION IN THE 9TH-10TH CENTURIES

Шляховой О.П.¹
Schlyakhovoy O.PСевастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University

Аннотация. Исследование посвящено анализу торговых связей между Древнерусским государством, и племенными союзами, которые впоследствии легли в основу создания государства Русь, а также внешними акторами – Хазарским каганатом, исламскими странами Востока, народами Балтийского моря и Византийской империей в IX–X вв. Особое внимание уделено арабским источникам (Ибн Даста, Ибн Хордадбех, Ибн Фадлан), византийским хроникам и древнерусским летописным свидетельствам. Выявлены основные категории экспортируемых товаров (меха, оружие, живой товар), обоснована гипотеза о существовании двух конкурирующих племенных образований, контролировавших торговые пути. Проведено сопоставление письменных источников с археологическими данными. Сделан вывод о ключевой роли внешней торговли как фактора становления государственности на Руси.

Abstract. The study is devoted to the analysis of trade relations between the Old Russian state and tribal unions, which later formed the basis for the creation of the state of Rus, as well as external actors - the Khazar Khaganate, Islamic countries of the East, peoples of the Baltic Sea and the Byzantine Empire in the 9th-10th centuries. Particular attention is paid to Arabic sources (Ibn Dasta, Ibn Khordadbeh, Ibn Fadlan), Byzantine chronicles and Old Russian annalistic evidence. The main categories of exported goods (furs, weapons, live goods) are identified, the hypothesis about the existence of two competing tribal formations that controlled trade routes is substantiated. A comparison of written sources with archaeological data is carried out. A conclusion is made about the key role of foreign trade as a factor in the formation of statehood in Rus'.

Ключевые слова: Древняя Русь, Хазария, торговые связи, экспорт, импорт.

Keywords: Old Rus, Khazaria, trade relations, export, import.

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью темы торговых взаимоотношений между ранними формами государственности на территории Руси и зарубежными центрами, прежде всего, Хазарией, исламским Востоком и Византией. Особое значение имеет сопоставление данных письменных источников с археологическими свидетельствами, что позволяет более полно реконструировать структуру и динамику внешнеэкономических связей Руси в IX–X веках.

В условиях слабой внутренней производящей базы и отсутствия месторождений драгоценных металлов, внешняя торговля стала для древнерусских племенных образований основным механизмом их экономического существования. Об этом свидетельствует, в частности, Ибн Даста: «У Руси нет недвижимого имущества, весь их промысел – торговля» [1, с. 32]. Он также упоминает работорговлю как один из важнейших источников дохода: «Они приходят на кораблях, захватывают славян и продают их в Хазеран или болгарам» [1, с. 30].

Сообщения Ибн Хордадбега дополняют сведения об экспортируемой продукции, включая меха и оружие, и описывают маршрут: «Купцы русов, происходящие из славян, перевозят бобровые и лисьи меха, мечи, направляясь от отдаленных славянских земель к Румийскому морю, проходят через Хамлидж, город хазар, где платят десятину, далее – к морю Джурджана, а затем часть товаров переправляют на верблюдах в Багдад...» [2, с. 84].

О существовании устойчивых торговых маршрутов свидетельствует и Ибн Фадлан, указывая на наличие у русов мечей франкского происхождения: «Их мечи – плоские, бороздчатые, франкские...» [3, с. 68]. Географическое распределение оружия у северных племен

¹ Научный руководитель – Хлевов Александр Алексеевич, доцент, доктор философских наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

соотносится с археологическими находками, преимущественно сосредоточенными на севере Руси [3, с. 23]. Напротив, на юге более распространены сабли – оружие, созданное для конного боя [2, с. 64–65]. В совокупности с разграничением между славянами и русами, характерным для арабских источников [1, с. 32], [3, с. 84], это позволяет предположить наличие двух племенных конфедераций, конкурировавших за контроль над ключевыми торговыми артериями. Вероятно, каждая из них пользовалась поддержкой различных внешнеполитических акторов, обеспечивавших поставки вооружения или их прямую продажу.

Такое предположение подтверждается летописными свидетельствами. В «Повести временных лет» сообщается: «В 859 году варяги брали дань с чуди, словен, мери, кривичей; а хазары – с полян, северян и вятичей» [5, с. 17]. Эти данные указывают на двоякий характер внешнего контроля – северного (варяжского) и южного (хазарского). Восстание против варягов с последующим приглашением Рюрика может рассматриваться как результат достижения компромисса между этими силами в вопросах распределения торговых доходов.

Описание путей в Никоновской летописи [6, с. 3] и «Повести временных лет» [4, с. 12] демонстрирует знание маршрутов, соединяющих Балтику, Черное и Каспийское моря, в том числе через Волгу. Эти пути использовались как для экспорта, так и для импорта, что также указывает на широкие познания русов о речном судоходстве.

Трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» также содержит информацию о торговом обмене, указывая на важность поставок скота с юга: «Русы заботятся о мире с печенегами, поскольку покупают у них скот, чего нет в их земле» [4, с. 4]. Это свидетельствует о потребностях древнерусских территорий в импортных товарах, обеспечивавших продовольственную безопасность.

В IX–X вв. Древнерусское государство находилось в фазе активного становления, при этом торговля играла системообразующую роль для Руси как для раннеклассового государственного образования. Торговые связи не только обеспечивали ресурсную базу, но и формировали предпосылки политической консолидации. Противостояние между северной и южной конфедерациями, завершившееся военным походом князя Олега на Константинополь и заключением торгового соглашения с Византией в 907 году [4, с. 25–28], стало одним из ключевых шагов на пути укрепления международного статуса Руси.

В последующем Древнерусское государство предпринимало целенаправленные усилия по укреплению своего влияния на Волжско-Каспийско-Черноморскую и Дунайскую торговлю в период правления князя Святослава. Но потерпело неудачу вследствие переоценки собственных сил [7, с. 30]. В то же время целеустремленность Святослава в усилении контроля над уже существующими путями торговли и установление контроля над новыми указывает на то, что торговля была, вероятно, основным источником поступления средств в княжескую казну.

Источники и литература (References):

1. Абу Али Ибн Бен Омар Ибн Даста. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах, и руссах. М.: Амрита-Русь, 2024. 175 с.
2. Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3 / Под ред. А.В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 250 с.
3. Кирпичников А.Н. Мечи и сабли. М.: Книга по требованию, 2023. 143 с.
4. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 69 с.
5. Лихачев Д.С., Творогов О.В. Повесть временных лет. СПб: Вита Нова, 2012. 507 с.
6. Никоновская летопись. СПб: Археологическая комиссия, 1862. 256 с.
7. Шляховой О.П. Военное искусство Древней Руси IX-XII вв. // Сборник материалов VII Всероссийской научной конференции с международным участием "Потемкинские чтения". Севастополь: 2024. С. 28–31.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЕВСТВА С ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И ХАЛИФАТОМ ФАТИМИДОВ (1099-1291)

RELATIONS BETWEEN THE KINGDOM OF JERUSALEM AND THE BYZANTINE EMPIRE AND THE FATIMID CALIPHATE (1099-1291)

Лапицкий А.Ю.¹

Lapitsky A.Y.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University

Аннотация. Взаимоотношения Иерусалимского королевства с Византией и Фатимидским халифатом являлись важной частью исторического контекста крестовых походов. Этот анализ раскрывает политические, военные и религиозные аспекты взаимодействия между тремя великими державами. Работа основана на комплексном изучении латинских, византийских и арабских источников, а также современных исследований.

Abstract. The relations between the Kingdom of Jerusalem, the Byzantine Empire and the Fatimid Caliphate were a crucial part of the Crusades' historical context. This article analyzes the political, military and religious dimensions of their interaction, based on Latin, Byzantine and Arabic sources, as well as contemporary research.

Ключевые слова: Иерусалимское королевство, Византия, Фатимиды, Крестовые походы, XII век, дипломатия, Антиохия.

Key words: Kingdom of Jerusalem, Byzantium, Fatimids, Crusades, 12th century, diplomacy, Antioch.

История крестовых походов – это одна из ключевых тем средневековой истории, так как они привели к возникновению латинских королевств, что предопределило кардинальные изменения во всех сферах жизни Европы и Ближнего Востока. Взаимоотношения Иерусалимского королевства с Византией и Фатимидским халифатом, представляли собой сложный клубок из политических, военных, религиозных противоречий. По этой причине изучение этих взаимоотношений крайне важно для понимания средневековой дипломатии, а также роли этих взаимоотношений в изменениях геополитической ситуации на Ближнем Востоке в XII веке, зарождении и упадке государств крестоносцев.

С самого начала отношения между Византией и крестоносцами были сложными из-за разных политических целей и культурных взглядов. Византия, ослабленная нападениями сельджуков и внутренними бунтами [1, с. 133], попросила Запад о помощи в 1095 году. Император Алексей I Комнин ожидал небольшого отряда для возвращения Малой Азии, но вместо этого прибыло много вооруженных людей, которых вели религиозные чувства и желание наживы. Споры начались у стен Константинополя, где Алексей I потребовал от лидеров крестоносцев присяги на верность и обещания вернуть Византии захваченные земли [3, с. 50]. Хотя формально обещание было дано, в 1098 году Боэмунд Тарентский нарушил его, захватив Антиохию и став ее князем [1, с. 301]. Все более крестоносцы желали стать владельцами государствами на Востоке, овладевая новыми городами и их богатствами [5, с. 21]. Это ухудшило отношения между Византией и новыми государствами латинян.

В течение XII века Византия пыталась вернуть себе влияние в Сирии и Палестине, используя военную силу, браки и признание власти. Император Иоанн II Комнин претендовал на Антиохию и хотел вернуть ее под контроль Византии [2, с. 38–39]. Его наступление в Киликии и давление на Антиохию заставили князя Раймунда де Пуатье в 1137 году присягнуть на верность императору, но реальная власть осталась у латинян [6 с. 382–383].

Отношения Иерусалима с Константинополем были неоднозначными. С одной стороны, Иерусалимское королевство понимало опасность с востока и нуждалось в поддержке Визан-

¹ Научный руководитель – Хапаев Вадим Вадимович, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

тии против мусульман. С другой стороны, претензии Византии на Антиохию и вмешательство в дела крестоносцев вызывали подозрения. Особенно это проявилось при Фульке Анжуйском и Мелисенде, когда византийцы пытались заключать браки между династиями, чтобы установить контроль над латинскими семьями.

Ненадолго отношения улучшились при императоре Мануиле I Комнине. В 1158 году он женился на Марии Антиохийской, а в 1167 году крестоносцы и византийцы вместе пошли войной на Египет против Фатимидов. Хотя поход не удался, сам факт союза был важен. Однако, как писал Жан Ришар, франки боялись усиления Византии и не выполняли соглашения о разделе территорий. Эти опасения подтвердились, когда Мануил заставил князя Антиохии признать себя его вассалом [7].

В дальнейшем союз с Византией не принес крестоносцам большой помощи. После смерти Мануила в 1180 году империя начала терять свое политическое влияние. Военные силы Византии были истощены, а в 1187 году Иерусалим был захвачен Салах ад-Дином. В этот трудный момент Византия не смогла помочь, и разрозненность христианских государств сыграла плохую роль.

В итоге, несмотря на временные союзы и браки, отношения между Византией и Иерусалимским королевством были ненадежными. Оба государства хотели использовать друг друга, но не доверяли друг другу. Их сложные дипломатические отношения не позволили создать сильный христианский союз на Востоке, что привело к потере позиций и латинян, и византийцев в регионе.

После взятия Иерусалима крестоносцами в 1099 году, отношения между ними и Фатимидским халифатом стали враждебными. Фатимиды, правившие в Египте, были шиитами и конфликтовали не только с христианами, но и с суннитскими сельджуками, что давало шанс на союз с Византией и крестоносцами. Однако взятие Иерусалима Готфридом Бульонским разрушило надежды на любое сотрудничество.

В первое десятилетие Иерусалимского королевства египтяне удерживали важные прибрежные города, такие как Аскалон, Тир и Сидон. Из Аскалона Фатимиды почти каждый год совершали военные походы в Палестину. Три крупных сражения при Рамле (1101, 1102, 1105) показали военную силу Балдуина I и слабость Фатимидов [8, с. 115]. Несмотря на большее число солдат, египетская армия не смогла победить, и латиняне постепенно захватили побережье. Взятие Акры (1104), Бейрута (1110), Сидона (1111) и Тира (1124) сильно ослабило халифат.

Аскалон оставался под контролем Фатимидов до 1153 года. Его потеря ознаменовала конец активного сопротивления Фатимидов в Палестине и стала переломным моментом в истории региона. Лишившись поддержки, правительство халифата в Каире стало уязвимым для внутренних проблем. Крестоносцы невольно подготовили почву для появления нового и опасного врага.

С середины XII века Иерусалим обратил внимание на Египет. Король Амори I (1163–1174), видя слабость Фатимидов, начал военные походы, чтобы установить контроль над Каиром или захватить страну. Это было связано с союзом с Византией (поход 1169 года) и желанием контролировать Нил и его ресурсы.

Но эти действия привели к непредсказуемым последствиям. Египет, находясь под давлением крестоносцев и суннитской Сирии, обратился за помощью к Нур ад-Дину, который отправил в Каир Салах ад-Дина. Талант Салах ад-Дина, вкупе с жадностью Амори [9, р. 251], привели к провалу завоевания Египта. Египет оказался фактически во власти деятельного Саладина. После смерти Ширкуха в 1169 году, Салах ад-Дин захватил власть, а в 1171 году упразднил шиитский халифат Фатимидов, объявив Египет суннитским и подчинив его в религиозном отношении Багдаду. Получается, что давление Иерусалима на ослабевший халифат привело к созданию сильного мусульманского фронта во главе с Салах ад-Дином.

Это изменило ситуацию и стало катастрофой для латинян. Салах ад-Дин, в отличие от разрозненных шиитов и правителей Сирии, был полон решимости, имел сильную власть и мог использовать ресурсы Египта и Леванта. Его власть, основанная на силе и исламском единстве, стала угрозой для Иерусалима. К 1180-м годам стало ясно, что королевство в опасности. Попытки латинян заключить новые союзы не помогли. В 1187 году Салах ад-Дин нанес удар, разгромив армию Иерусалима при Хаттине и захватив город.

В итоге, вражда с Фатимидами имела для Иерусалимского королевства двоякий результат. С одной стороны, разгром Египта уничтожил старого врага и позволил королевству расширяться. С другой стороны, это привело к появлению врага гораздо более опасного, чем халифат. Салах ад-Дин стал символом исламского сопротивления, и его приход к власти был результатом агрессивной политики Иерусалима в Египте.

Изучение взаимоотношений Иерусалимского королевства с Византией и Фатимидами позволяет понять их влияние на историю Ближнего Востока. Отношения Иерусалима с

Византией были прагматичными из-за религиозных и культурных расхождений. Византия хотела контролировать свои старые земли, а также сохраняла верность православному христианству, а крестоносцы стремились, напротив, к расширению своих территорий и распространению латинского христианского обряда. Краткие союзы не смогли преодолеть недоверия, что сделало латинян уязвимыми.

С Фатимидами отношения были враждебными. Они не признавали прав христиан на Святую Землю. Завоевания в Египте привели к вакууму власти, который заполнил Салах ад-Дин. Действия Иерусалима привели к подъему этого лидера, который уничтожил халифат в 1171 году и объединил мусульман. Стремление укрепить позиции привело к созданию сильного врага.

Политика Иерусалима была противоречивой: с одной стороны, гибкость, с другой – недальновидность. Неспособность к прочным союзам и недооценка египетской политики предопределили падение Иерусалима в 1187 году.

Источники и литература (References):

1. Анна Комнина. Алексиада / Анна Комнина. Санкт-Петербург: «АЛЕТЕЙЯ», 1996. 703 с.
2. Васильев А.А. История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081-1185) и Ангелов (1185-1204) / А.А. Васильев. Петербург: «ACADEMIA», 1923. 120 с.
3. Виймар П. Крестовые походы / Пер. с фр. Д. А. Журавлевой. СПб.: АСТ; Евразия, 2006. 384 с.
4. Ибн ал-Асир. Полный свод всеобщей истории. Публикация 1968 г. [Электронный ресурс] // Восточная литература. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus/Athir/otryv1.phtml?id=542>. (проверено: 19.05.2025).
5. Мишо Ж.-Ф. История Крестовых походов / Перевод с французского А. Левандовский. М.: Вече, 2005. 165 с.
6. Норвич, Д. История Византии / Джон Норвич; пер. с англ. Н.М. Забилоцкого. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 542 с.
7. Ришар Жан. Латино-Иерусалимское королевство. Пер. с франц. Карачинского А.Ю.; Вступительная статья Близнюк С.В. III. Египетский вопрос и союз с Византией (1153-1185 гг.) [Электронный ресурс] // Историческая библиотека. URL: https://historylib.org/historybooks/ZHan-Rishar_Latino-Ierusalimskoe-korolevstvo/8. (проверено: 19.05.2025).
8. Фульхерий Шартрский. Иерусалимская история / Перевод с латинского, вступительная статья и примечания А. Н. Слезкина. СПб.: Евразия, 2020. 368 с.
9. Barber, Malcolm. The Crusader States / Malcolm Barber – Yale: Yale University Press, 2012. 320 p.

ОТОБРАЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI ВВ.

THE REPRESENTATION OF GERMANY ON THE EVE OF THE REFORMATION IN FICTION OF THE LATE XV – EARLY XVI CENTURIES

Николаенко Е.С.¹
Nikolaenko E.S.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University, Sevastopol

Аннотация. В статье изучены художественные произведения, написанные накануне и в период Реформации в Германии. По итогам исследования можно проследить, как менялся настрой авторов связи с изменениями в стране, а также заметить их отношение к Церкви.

Abstract. The article analyzes artistic literature produced in Germany leading up to and during the Reformation. The research reveals how authors' perspectives evolved in response to societal shifts and provides insight into their views on the church.

Ключевые слова: Германия, реформация, церковь, коррупция.

Keywords: Germany, Reformation, church, corruption.

Художественная литература всегда была средством отображения эпохи, в которой проживает автор, а также средством борьбы с негативными проявлениями, которые автор видел в своей эпохе. Период накануне во время Реформации не являются исключением, поскольку в этот период многие авторы начинают писать свои работы, посвященные данной теме, критикуя поведение людей, особенно буржуазного и католического слоя общества.

В предреформационный период появляется работа Себастьяна Бранта «Корабль глупцов» [1], в которой показана Германия в период, предшествующий Реформации, то есть в конце XV века. Стиль произведения – сатирическо-дидактическая поэма, описывающая человеческую глупость. В ней выстроена последовательность показа человеческих пороков с помощью путешествия на корабле до страны Наррагония. Но добраться до нее не получается, поскольку корабль управляется такими же дураками, которыми он наполнен.

Как было сказано ранее, в этом произведении показаны основные пороки людей и их основные черты: *«Мир погружен, // отвергнут Богом, // Кишат глупцы по всем дорогам. // Жить дураками им не стыдно, // Но узанными быть обидно»* [1]. Можно заметить, что в тот период, по мнению автора, в Германии было много дураков, и он акцентирует внимание именно на том, что жить с таким качеством считается нормальным, поскольку такими людьми Германия переполнена. Страна погружена во тьму из-за них, из-за чего она не сможет выкарабкаться из нее.

На корабле также присутствуют представители различных профессий, которые, по мнению Бранта, не выполняют свои обязанности по разным причинам: коррупция, работа на обман или просто невыполнение своих обязанностей.

Самая главная проблема, которую он показывает – продажа индульгенций на этом корабле, олицетворяющем Германию. Поскольку это – продажа мест в Раю, тем самым он демонстрирует свое презрение к буржуазии и католикам, которые из-за этого нарушают основные принципы религии и вносят разлад в общество, открывая новые пороки [1]. В книге показано следующее описание церковных служителей: *«Разгневайся Христос сегодня, // Заглохли бы дома господни. // Он, от попов очистив храм, // Добрался бы и к пономарям!»* [1] и *«Недаром Бог вовремя оно // Пить запретил сынам Аарона. // Но в наши дни, какой священник // Той заповеди не изменник?»* [1]. В этих отрывках он обращается к Богу, чтобы

¹ Научный руководитель – Хапаев Вадим Вадимович, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

тот обратил внимание на священников и их пороки, а также делая акцент на том, что Божьи законы ими также игнорируются и нарушаются.

Брант также обращает внимание на коррупцию внутри Церкви: *«Коль ты нечисто стал богат, // Ступай поджариваться в ад»* [1] и *«Да, ни в богатстве, ни во власти. // Нет без морали людям счастья»* [1]. Здесь он показывает, что жажда наживы сбивает людей с правильного пути, тем самым подталкивая их на грех, из-за чего они попадают в ад, а при жизни стираются их моральные качества.

Индальгенцию, исходя из того времени, было принято считать с двух сторон: с одной стороны, люди ее воспринимали как легкий путь искупления грехов и возможность быстрого попадания в рай, с другой – появление кружков среди гуманистов, порицающих это явление. В качестве реакции на критику в Западной Церкви была создана «Симфония», которая была призвана бороться с коррупцией и продажей индальгенций.

Основная мысль всего произведения заключена в том, чтобы показать степень бедствия в Германии, изобразив страну умирающей из-за всех сложившихся факторов. Их никто не хочет менять, поскольку само правительство страны наполнено такими же дураками, как и обычное население.

При этом сам Брант никогда не являлся реформатором или революционером. Его работа – способ показать бедствующую страну и помочь ей выйти из этого состояния, но при этом, с приходом Мартина Лютера и началом Реформации, он их не принял, назвав Лютера антихристом и изменником веры.

Следующая работа – «Похвала глупости» – принадлежит перу Эразма Роттердамского [2]. Работа относится к жанру иронического панегирика, поскольку в начале XVI века было модно ссылаться на античных авторов, а также критиковать общественный уклад жизни, сложившийся в обществе.

Он так же, как и Брант, определяет людей в качестве «дураков», поскольку они владеют такими же качествами, как и описанные в «Корабле», но уже рассматривает это через призму религии, политики и культуры. Особое внимание он уделяет католичеству, схоластической науке и богословам. *«Что до богословов, то не лучше ли обойти их молчанием, не трогать болота Камаринского, не прикасаться к этому ядовитому растению? ... во всем этом столько учености и столько трудностей, что, я полагаю, самим апостолам потребовалась бы помощь некоего отнюдь не святого духа, если б им пришлось вступить в спор с новейшими нашими богословами»* [2]. В этом отрывке Эразм Роттердамский делит священников на новую и старую школу, говоря о том, что старое поколение не сможет конкурировать с новыми богословами, поскольку у тех уже другой принцип вероисповедания и учения. Это также прослеживается в деятельности гуманиста, поскольку в дальнейшем он стал представителем оппозиционного кружка, борющегося с церковнослужителями. Поэтому более точно доверять источнику нельзя, но в сравнении с работой Бранта, видя похожие мысли, мы можем уже понимать в каком состоянии жила Германия в тот период.

В LXIV главе он показывает нам образ жизни монахов: *«Иные из них бахвалятся своим неряшеством и попрошайничеством и поднимают страшный шум у дверей, требуя милостыню ... Своей грязью, невежеством, грубостью и бесстыдством эти милые люди, по их собственному мнению, уподобляются в глазах наших апостолов»* [2].

Религиозные обряды: *«Большинство их столь высокого мнения о своих обрядах и ничтожных человеческих приданницах, что самое небо едва считают достойной наградой за такие заслуги»* [2].

Нетерпимость церковных представителей: *«пущаясь во всевозможные тонкости, доказывают, что можно, обнаживши губительный меч, пронзая железом утробу брата своего, нисколько не погрешая в то же время против высшей заповеди Христа о любви к ближнему ... Что касается обычных священников, то им, конечно, не подобает уступать в святости жизни своему церковному начальству, а потому, и они сражаются по-военному, мечами, копьями, камнями и прочим оружием, отстаивая свое право на десятину»* [2].

В этих отрывках мы видим критику церковных служителей, связи со следующими особенностями: во-первых, коррупция в то время процветала, поскольку священнослужители говорили об этом в открытую, что, принося милостыню в церковь, можно искупить все грехи. Во-вторых, презрение к Церкви и ее людям, поскольку у тех было мнение, что они при любых обстоятельствах попадут в Рай, так как служат церковной организации. В-третьих, критика Церкви за то, что она поддерживает войны и убийства людей, несмотря на Заповедь о любви к ближнему.

Таким образом, мы видим более широкий спектр рассмотрения ситуации в Германии в тот период в сравнении с работой Бранта. Это также связано с тем, что «Корабль дураков» был написан в 1494 году, а работа Эразма в 1511 г., что свидетельствует о том, что общественно-политическая ситуация в стране за двадцать лет ухудшилась.

На этом фоне появились «Письма темных людей» [3]. Авторы этой сатиры неизвестны, однако есть мнение, что ее написали Ульрих фон Гуттен и Крот Рубиан. Главные герои произведения – обскуранты, которые представлены в виде безнравственных магистров, бакалавров, теологов и монахов, которые выступают на стороне кельнского теолога Ортуина Грация, злейшего врага Рейхлина [3].

В первую очередь в письмах высмеиваются схоласты, которые боятся реформ в университетах. Несмотря на это, все письма направлены против римско-католической церкви и монашества. Особенно это видно во II части, которая была уже написана в эпоху Реформации. Представители Церкви характеризуются как пьяницы и лентяи, разлагающие немецкое общество: *«Я делаю различие между монахами, так как их можно подразделить на три разряда: во-первых, святые и приносящие пользу, но они теперь уже на небе; во-вторых, не приносящие ни вреда, ни пользы – их изображения в церквах; а в-третьих, те, которые теперь до сих пор живы, – они очень вредны, и, конечно, они не святые, так как они более горды, чем любой мирянин, и вдобавок большие охотники до денег и красивых женщин»* [3]. Здесь показано, что все приличные священнослужители давно умерли, а те, кто есть, приносят вред людям, поскольку их главная цель – заработать денег, а не принести пользу прихожанину.

Таким образом, с течением времени обличительная сатира наполнялась все более подробным и личностным описанием происходящих событий. Главная цель всех этих произведений – высмеять Церковь в Германии, чтобы сподвигнуть людей на ее реформу.

Источники и литература (References)

1. Себатьян Брант. Корабль дураков. [Электронный ресурс] // liberbook. URL: https://librebook.me/the_ship_of_fools (проверено 30.04.2024).
2. Эразм Роттердамский. Похвала глупости. [Электронный ресурс] // lib. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ERAZM/pohwala.txt> (проверено 30.04.2024).
3. Письма темных людей. [Электронный ресурс] // tsu. URL: <https://klio.tsu.ru/obscurus1.htm> (проверено 30.04.2024).

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ, СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

УДК 94(47).05

DOI: 10.5281/zenodo.17012489

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1700 ГОДА: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE PEACE TREATY OF CONSTANTINOPLE IN 1700: A DIPLOMATIC ASPECT

Шелякина Е.В.¹
Shelyakina E.V.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University, Sevastopol

Аннотация. В статье изучена дипломатическая миссия посольства Е.И. Украинцева в Османскую империю в 1699–1700 гг., завершившаяся подписанием Константинопольского мирного договора. На основе архивных источников и свидетельств современников раскрываются обстоятельства прибытия русского посольства в Константинополь, реакция турецкой и европейской общественности на появление русского военного корабля, а также ход и содержание многоэтапных переговоров между Россией и Османской империей.

Abstract. The article analyzes the diplomatic mission of the Embassy of E.I. Ukraintsev to the Ottoman Empire in 1699-1700, which ended with the signing of the Constantinople Peace Treaty. Russian Russian Embassy's arrival in Constantinople, the reaction of the Turkish and European public to the appearance of the Russian warship, as well as the course and content of the multi-stage negotiations between Russia and the Ottoman Empire are revealed on the basis of archival sources and contemporary testimonies.

Ключевые слова: Константинопольский мирный договор, Россия, Турция, Е.И. Украинцев.

Keywords: The Constantinople Peace Treaty, Russia, Turkey, E.I. Ukraintsev.

28 августа 1699 г. посольство Е.И. Украинцева вышло на корабле «Крепость» из Керченского пролива в Черное море. На протяжении трех дней корабль огибал Крым [2, с. 5]. Уже вечером 2 сентября посольство находилось возле села Новое, дожидаясь пристава. Он пришел ночью и сообщил Украинцеву, чтобы они дальше не шли, а подождали, пока султан получит известие о прибытии посольства. Вернувшись 3 сентября, пристав сообщил, что султан готов принять их только 6 сентября, поскольку не ожидал такого скорого прибытия посольства [2, с.10]. *«На другой день, 7 сентября, он, однако, вошел в город и стал на якоре против самого султанского дворца»* [2, с. 10]. Прибытие русского корабля в Константинополь вызвало большое любопытство со стороны не только турок, но и европейцев. Примечательно, что французские послы похвалили «Крепость», поскольку не ожидали, что в России существовало кораблестроение. Как уже писалось ранее, интересовались не только европейцы, но и сам султан. *«В полдень, действительно, султан приезжал осматривать корабль в таком же каюке, в каком накануне приезжал великий визирь. На самый корабль, конечно, ни визирь, ни султан не вступали»* [2, с. 18]. Примечательно, что Украинцеву задавали множество вопросов: *«много ль у царя сделано кораблей, все ли они оснащены и сколь велики»* [2, с. 20]. На это все Украинцев отвечал, что у царя построено множество кораблей, и что посольство до Керченского пролива сопровождал русский флот.

«Крепость» вызвал целый ажиотаж своим появлением. Поскольку пошел слух, что на самом корабле находится Петр, и что скоро прибудет тот самый русский флот. Этот слух стали

¹ Научный руководитель – Хапаев Вадим Вадимович, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

распространять иностранные посольства. Именно по этой причине турки с огромным вниманием рассматривали русский корабль.

Один из греков задал тот же вопрос переводчику Афанасию Ботвинкину – сколько же у Петра имеется кораблей – на что тот ответил: *«готовых ныне со сто, а еще к тому многие делаются»* [2, с. 22]. На это грек заметил: *«Здесь того зело боятся и все говорят: как де царское величество Черное море запрет, то в Цареграде будет голодно, потому что хлеб, масло, лес, дрова привозят с Черного моря из-под Дунайских городов: Браилова, Измаила, Галации, Килии, Белгородчины, Очакова»* [3, с. 515–519].

4 ноября начались мирные переговоры. В этот день состоялась первая конференция. Посланники со свитой, в составе 15 человек дворян, переводчиков и подъячих отправились к визирю. Сохранились подробные сведения о внешнем виде великого визиря в тот день: *«Кафтан на нем, везире, был соболей, покрыт светлоресничного цвета сукном, а исподней кафтан киндячной темновишневого цвету подпоясан тесьмою с плащами золотыми, а в них камень: алмазы, и яхонты, и изумруды большие»* [2, с. 67].

Русское посольство сообщало визирю о том, как рады его видеть и надеются, что удастся прийти к общему соглашению между государствами после того, как визирь ознакомится со списком и грамотой. *«Затем визирь сказал, что вручением грамоты “он зело доволен”, приезд их, посланников, сиятельной Порте угоден, грамоту он велит перевести и “выразумев” ее из перевода, доложит султанову величеству, а потом им объявят, кому будет поручено вести с ними переговоры»* [3, с. 68]. Также визирь объявил, что мир, который удастся создать между Российским государством и Османской империей будет очень полезен. Вот – смысл четырех статей, о которых говорилось ранее: 1) Петр I готов заключить с султаном договор о вечном мире или о продолжительном перемирии; 2) после того, как перемирие будет заключено, крымский хан должен прекратить всяческие набеги на территорию России; 3) размен пленных; 4) царь желает, чтобы в Иерусалиме святыне места были отданы грекам.

После того, как визирь выслушал эти статьи, он объявил, что ответ будет дан в скором времени.

18 ноября посольство получило информацию, где будет проходить следующая конференция, и о лицах, уполномоченных вести переговоры. Вторая конференция состоялась 19 ноября. Вот ключевые вопросы из числа рассмотренных: 1) заключать ли мир или продолжительное перемирие; 2) что поставить в договоре на первое место. *«По первому вопросу турки высказались прямо, что от султана дан им указ: для установления между государями дружбы, а между народами покоя и тишины заключить с посланниками договор о вечном мире»* [2, с. 85]. Однако по второму вопросу стороны разошлись. Таким образом, стали намечаться противоположные взгляды обеих сторон.

Турки считали, что самой большой трудностью при заключении договора является вопрос о границах. У посольства вопроса о границах не существовало изначально, поскольку отдавать русские земли никто не собирался. Таким образом, никакого соглашения между сторонами достигнуто на второй конференции не было.

Третья конференция состоялась 2 декабря. В этот раз обсуждалось 16 статей, которые содержали предлагаемые русской стороной условия. Вот – ключевые: 1) будет заключен вечный мир или перемирие, с условием, что за Россией останется Азов и Казыкермен; 2) Османская империя запретит какое-либо военное вмешательство со стороны крымского хана; 3) если казаки нападут на турецкие земли раньше перемирия, то пусть турки защищают свои территории; 4) условия договора распространяются не только на крымского хана, но и на все орды; 5) Россия перестает платить крымскому хану; 6) размен пленных с обеих сторон; 7) купцам обеспечивается безопасность торговли; 8) в случае какой-либо ссоры необходимо провести расследование; 9) русским паломникам можно посещать Иерусалим; 10) святыне места возвращаются грекам; 11) перемирие заключается на 30 лет.

Самым ключевым пунктом для обеих сторон стал первый. Таким образом, последующие конференции – IV, V и часть VI были посвящены основанию, на котором должно было быть заключено перемирие. На VI конференции турки готовы были отдать Азов, но просили для султана оставить Казыкермен. Спор об этом вопросе занял продолжительный период времени с VI по XIII конференцию (с 23 декабря 1699 по 16 марта 1700 года). Поняв на XIII конференции, что переговоры зашли в тупик, обе стороны решили пока отложить этот вопрос, однако он еще не раз поднимался на последующих встречах. На XIV конференции турки стали просить уступить им один из днепровских городков. Россия пошла на уступку: *«Разорение днепровских городков с возвращением их территории туркам было тяжелой для России уступкой, чем и объясняется упорная борьба русских посланников за эти городки. Приходилось отказываться от значительной доли успехов, с немалым трудом достигнутых в турецкую войну»* [2, с. 143].

На XVI конференции, которая проходила 10 апреля, обе стороны выступали со своими редакциями статьи об Азове. Турки приняли решение отдать Азов России. На последующих конференциях решались вопросы о территориях возле Азова. Конкретно речь шла про Кубань. Однако ситуация поменялась на XXII и XXIII конференции. Турки неожиданно потребовали разорить все азовские городки: Таганрог, Павловск, Миус.

Можно сделать вывод, что турецкая сторона пыталась отсрочить заключение мирного договора. Вероятно, сделано это было потому, что турки узнали: Россия вступила в войну со Швецией. Соответственно, они ждали результата войны, поскольку смогли бы выдвинуть более удачные для себя условия договора.

Однако, после всех споров и редактирования текстов, обмен трактатов произошел 3 июля 1700 года. *«Итак, дело, ради которого русское посольство проживало в Константинополе десять месяцев, было окончено. Мир или, точнее, перемирие было заключено на 30 лет»* [2, с. 259]. Царь Петр в Москве очень ждал известий о заключении перемирия. *«Украинцеву желание царя как можно скорее помириться с Турцией даже на невыгодных условиях было, конечно, известно; еще в февральском письме к нему царь писал: “Только конечно учини миръ: зело, зело нужно”, уполномочивая его идти на большие уступки туркам, только бы поскорее добиться мира»* [2, с. 259].

Таким образом, подписание мирного договора в 1700 году не означало отказа со стороны России от притязаний на выход к Черному морю. Об этом решении Петра говорит несколько фактов. Одним из них было продолжавшееся строительство в Воронеже военных кораблей [1, с. 364]. Царь желал создать современный линейный флот. Вопрос с Турцией Петр пока и отложил на второй план, но никогда не переставал следить за ситуацией в этом регионе.

Также, помимо выхода к Черному морю, Петра беспокоил Азов, который постоянно находился под угрозой. Поэтому будущий император пытался максимально обезопасить эту крепость. Помимо Азова, Петра беспокоила судьба еще одного города-крепости – Троицкого. *«Как было показано выше, в 1697 г. для охраны региона и строительства фортификационных сооружений из центральных областей России ежегодно направлялись стрелецкие, солдатские, рейтарские и копейные полки, часть которых оставалась там для несения службы в зимнее время»* [1, с. 364]. Однако этих отрядов все равно было недостаточно. Россия вступила в Северную войну, и содержать такой контингент войск на Азове страна себе позволить не могла.

Гонцы с известием о заключении мира выехали из Константинополя 7 июля, а 8 августа Петр I получил известие о заключении Константинопольского мирного договора с Османской империей.

Источники и литература (References):

1. Аваков П.А. «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII века. СПб.: Историческая иллюстрация, 2023. 800 с.: ил.
2. Богословский, М. М. Петр I. Материалы для биографии: в 5 т. М.: Центрполиграф. Т. 5: Посольство Е. И. Украинцова в Константинополь 1699–1700. 335 с.
3. Устрялов Н. Г. История царства Петра Великого. СПб., 1858-1864. Т. 1.

ЛИВАДИЙСКИЙ ДВОРЕЦ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1945 ГОДА

LIVADIA PALACE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR. YALTA CONFERENCE OF 1945

Горнушкин И.И.¹

Gornushkin I.I.

*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University*

Аннотация. В статье изучена судьба Ливадийского дворцово-паркового комплекса в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и его ключевая роль как места проведения Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании в феврале 1945 года. Анализируется ущерб, нанесенный дворцу в период нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.), экстренные восстановительные работы перед конференцией и историческое значение Ялтинской конференции для послевоенного мироустройства. Статья основана на архивных материалах, мемуарах участников событий и исследованиях отечественных историков.

Abstract. The article examines the fate of the Livadia Palace and Park Complex during the Great Patriotic War (1941–1945) and its key role as the venue for the Crimean (Yalta) Conference of the heads of Government of the USSR, the United States and Great Britain in February 1945. The article analyzes the damage caused to the palace during the Nazi occupation of Crimea (1941–1944), emergency restoration work before the conference and the historical significance of the Yalta Conference for the post-war world order. The article is based on archival materials, memoirs of participants in the events, and research by Russian historians.

Ключевые слова: Ливадийский дворец, Великая Отечественная война, Ялтинская конференция 1945, оккупация Крыма, реставрация, Сталин, Рузвельт, Черчилль, послевоенное устройство мира.

Key words: Livadia Palace, the Great Patriotic War, the Yalta Conference of 1945, the occupation of Crimea, restoration, Stalin, Roosevelt, Churchill, the post-war world order.

Ливадийский дворец, бывшая летняя резиденция российских императоров, расположенный близ Ялты, вошел в мировую историю, прежде всего, как место встречи лидеров антигитлеровской коалиции в феврале 1945 года. Однако путь дворца к этому триумфу дипломатии лежал через тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны и нацистской оккупации. Изучение этого периода важно для понимания масштаба разрушений, причиненных культурному наследию Крыма, героических усилий по его восстановлению в рекордные сроки и символического значения выбора именно Ливадии для переговоров, определивших контуры послевоенного мира [1].

С началом войны в Ливадии был развернут эвакуогоспиталь № 1394 [2]. Ценности из дворца-музея (мебель, предметы искусства, часть библиотеки) были эвакуированы вглубь страны, однако многое, включая элементы интерьеров и убранства парка, осталось на месте.

После захвата Ялты немецко-румынскими войсками в ноябре 1941 года Ливадийский дворец был занят оккупантами. Здесь разместился штаб командующего немецкими войсками в Крыму генерала Э. фон Манштейна, позже – штаб командующего румынскими горными войсками [3].

Период оккупации стал временем систематического разграбления дворца. Мебель, ковры, люстры, предметы декоративно-прикладного искусства вывозились в Германию по личному распоряжению А. Розенберга [4]. Парк пострадал от вырубki деревьев на дрова и строительство укреплений. В зданиях комплекса (дворец, Свитский корпус) были произведены перепланировки, нанешие ущерб историческим интерьерам. Перед отступлением в апреле 1944 года оккупанты подожгли Свитский корпус, пытаясь уничтожить и другие постройки. Однако активные боевые действия и быстрое наступление советских войск помешали полному осуществлению их планов [1].

Осенью 1944 года, после освобождения Крыма, руководство СССР во главе с И.В. Сталиным приняло решение о проведении встречи «Большой тройки» в Крыму. Выбор пал на

¹ Научный руководитель – Вакулова Татьяна Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры «История России и основы российской государственности» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

Ливадийский дворец, прежде всего, из-за его лучшей сохранности (по сравнению с сильно разрушенными Воронцовским и Юсуповским дворцами) и наличия обширной территории, удобной для размещения охраны и инфраструктуры [6]. Важным фактором было и желание продемонстрировать союзникам возрождение освобожденных территорий.

На восстановление дворцового комплекса, превращенного в руины, было отведено всего три месяца (ноябрь 1944 – январь 1945 гг.). Работы велись под руководством управления строительства Черноморского флота (инженер И.И. Федорчук) и Наркомата внутренних дел СССР [7]. Тысячи военных строителей, мобилизованных гражданских лиц, включая женщин и подростков, работали круглосуточно в тяжелых условиях зимы, нехватки материалов и оборудования.

Основной задачей была не научная реставрация, а создание функциональных и представительных помещений для работы и проживания делегаций. Восстанавливались стены, крыши, инженерные коммуникации. Интерьеры Белого зала, Парадной столовой, кабинетов оформлялись заново, часто с использованием привезенной мебели и предметов искусства из фондов Музея нового западного искусства в Москве [8]. Был отремонтирован и приспособлен под нужды конференции Свитский корпус. Благоустраивалась территория парка.

Ливадийский дворец стал резиденцией делегации США во главе с президентом Ф.Д. Рузвельтом. Здесь же, в Белом зале дворца, проходили все пленарные заседания [9]. Делегация СССР во главе с И.В. Сталиным размещалась в Юсуповском дворце, делегация Великобритании во главе с У. Черчиллем – в Воронцовском дворце.

В Ливадийском дворце прошло 8 пленарных заседаний. Здесь были согласованы и подписаны ключевые документы, определившие послевоенное устройство Европы и мира: разгром и условия безоговорочной капитуляции Германии, принципы оккупации Германии (зоны влияния), вопрос о репарациях со стороны Германии, судьба Польши, Декларация об освобожденной Европе, решение о созыве учредительной конференции Организации Объединенных Наций (ООН) и принципе единогласия постоянных членов Совета Безопасности (право вето) [10], вступление СССР в войну с Японией через 2–3 месяца после победы над Германией (Секретное соглашение) [11].

Ялтинская конференция стала кульминацией сотрудничества стран антигитлеровской коалиции и заложила основы послевоенного миропорядка – Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

Годы Великой Отечественной войны стали для Ливадийского дворца временем тяжелейших испытаний и разрушений, нанесенных нацистскими оккупантами. Однако его судьба ярко иллюстрирует способность возрождаться из пепла. Экстренные восстановительные работы, проведенные в невероятно сжатые сроки, позволили превратить недавние руины в достойную площадку для встречи лидеров мировых держав. Проведение Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года в стенах Ливадийского дворца стало событием всемирно-исторического значения. Решения, принятые в его Белом зале, определили контуры послевоенного мира на десятилетия вперед и закрепили за Ливадией статус не только памятника архитектуры, но и места, где вершилась история. Дворец стал материальным символом Победы, цена которой была невероятно высока, и надежды на создание более безопасного мирового порядка. Сегодня Ливадийский дворец-музей хранит память, как о трагических страницах войны, так и о триумфе дипломатии, свидетелем которого он стал в феврале 1945 года.

Источники и литература (References):

1. Петраш В. В. Ливадийский дворец-музей: Страницы истории. Симферополь: Бизнес-Информ, 2010. 200 с.
2. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Отв. Ред. А.А. Форманчук. Симферополь: АнтикВА, 1994. 352 с.
3. Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 896 с.
4. Акт Ялтинской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // Гос. Архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 1. Л. 45-67.
5. Калиновский В. В. Крымские дворцы: Война и мир. Симферополь: Сонат, 2004. 168 с.
6. Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987. 616 с.
7. Федорчук И. И. Восстановление Ливадийского дворца к Крымской конференции 1945 г. (воспоминания) // Военно-исторический журнал. 1985. № 2. С. 90–93.
8. Боханов А. Н. Ялта-45: Начертания нового мира. М.: Вече, 2010. 384 с.
9. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): Сборник документов. М.: Политиздат, 1984. 302 с.
10. Ялта-45. Начертания нового мира / Отв. Ред. Н. А. Нарочницкая. М.: Вече, 2010. 288 с.
11. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М.: Наука, 1987. 784 с.

**«ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО»: СУДЬБА ЮЖНОБЕРЕЖНОЙ УСАДЬБЫ КРЫМА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**"SWALLOW'S NEST": THE FATE OF A SOUTH COAST ESTATE IN CRIMEA DURING THE
GREAT PATRIOTIC WAR**

**Пономаренко Р.Д.¹
Ponomarenko R.D.**

*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Sevastopol State University*

Аннотация. В статье изучена судьба исторической усадьбы, известной под названием «Ласточкино гнездо», расположенной на Южном берегу Крыма, в период Великой Отечественной войны. Рассматриваются предвоенное значение объекта, особенности его использования во время боевых действий и послевоенные преобразования, направленные на сохранение культурного наследия.

Ключевые слова: Ласточкино гнездо, усадьба, Крым, Великая Отечественная война, репрофилирование, культурное наследие, реставрация.

Abstract. The article examines the fate of the historic estate known as "Swallow's Nest", located on the southern coast of Crimea, during the Great Patriotic War. The pre-war significance of the site, the specifics of its use during military operations and the post-war transformations aimed at preserving cultural heritage are considered.

Key words: Swallow's Nest, estate, Crimea, Great Patriotic War, repurposing, cultural heritage, restoration.

Южнобережная усадьба «Ласточкино гнездо» на протяжении многих лет является символом утонченной архитектуры и культурного наследия Крыма. В период Великой Отечественной войны объект ждала иная судьба – из престижного летнего убежища он превратился в стратегический оборонительный объект.

До начала военных действий усадьба «Ласточкино гнездо» была известна выразительной архитектурой, органично вписывавшейся в живописный ландшафт Южного берега Крыма. Здание, чье название метафорически подчеркивало его утонченность и некую «птичью» легкость, служило местом отдыха для представителей местной знати и туристов, ценивших не только эстетику, но и культурное содержание объекта, что позволяет судить о высоком статусе усадьбы и ее значимости для формирования культурного облика региона [3].

С началом Великой Отечественной войны многие объекты культурного наследия подверглись перепрофилированию. «Ласточкино гнездо» не стало исключением. Здание было адаптировано для нужд обороны – его использовали как штабные помещения, госпиталь, а также место для временного укрытия местного населения. Несмотря на разрушительные последствия боевых действий, устойчивость архитектурной конструкции и качество дореволюционного строительства позволили сохранить основные элементы усадьбы [2], [3].

Архивные данные свидетельствуют о том, что применение данного объекта в военных целях не только способствовало его спасению от полного уничтожения, но и стало своеобразным мостом между прошлым и настоящим, позволяя в послевоенные годы начать работы по реставрации утраченных архитектурных деталей [2].

После окончания боевых действий внимание специалистов архитектурного наследия было направлено на восстановление утраченных или поврежденных элементов усадьбы. Послевоенные реставрационные мероприятия позволили не только вернуть зданию прежний облик, но и интегрировать его в современную туристическую инфраструктуру Крыма. Сегодня «Ласточкино гнездо» выступает как памятник эпохи, свидетельствующий о сложном историческом процессе, охватившем регион в годы войны, и является ярким примером успешного восстановления культурных ценностей [1].

¹ Научный руководитель – Вакулова Татьяна Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры «История России и основы российской государственности» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

Работы по реставрации, опирающиеся на детальные исследования и сохраненные архивные материалы, способствуют формированию мер по дальнейшей защите подобных объектов, что актуально в контексте сохранения национальной идентичности и исторической памяти [1].

История усадьбы «Ласточкино гнездо» в годы Великой Отечественной войны позволяет сделать вывод о прочности культурных ценностей, способных пережить даже самые катастрофические события. Несмотря на перепрофилирование объекта для нужд обороны, его архитектурный облик оказался достаточным для последующего восстановления и интеграции в современное культурное пространство Крыма. Сохранение «Ласточкиного гнезда» становится символом преемственности поколений и важным звеном в сохранении исторической памяти, что имеет огромное значение для формирования национальной идентичности.

Источники и литература (References):

1. Соловьев В.И. История усадеб Крыма: Архитектурное наследие и его трансформация. Симферополь: Изд-во «Крымский Лев», 2010. URL: <http://example.ru/soloviev2010>.
2. Иванова А.П. «Ласточкино гнездо в условиях военного времени: Анализ репрофилирования культурного наследия» // Вестник истории и культуры. 2018, №4, с. 112–124. URL: <http://example.ru/ivanova2018>.
3. Петров Н.И. «Изменение функций исторических объектов в годы войны: Реставрация и сохранение усадеб Крыма» // Известия Крымской академии наук. 2019, №2, с. 56–67. URL: <http://example.ru/petrov2019>.

Научное издание

IX Всероссийская с международным участием
научная конференция «Потемкинские чтения» 2025 года

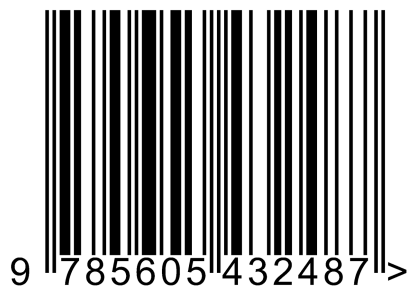
Сборник материалов научной конференции
(6–7 октября 2025 года, г. Севастополь)

Ответственный за выпуск В.В. Хапаев
Технические редакторы Э.Р. Шихаметова, Е.А. Абаев, Т.И. Дранишников

Электронное издание сборника доступно
в электронной библиотеке
eLibrary

Сдано в набор 05.09.2025. Подписано в печать 10.09.2025.
Формат 70*108 1/8. Гарнитура Bookman Old Style. Усл. печ. л. 19,75. Уч.-изд. л. 14,67.

ISBN 978-5-6054324-8-7

Севастопольский государственный университет
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
Тел. (факс): +7 (8692) 43-51-95
Электронная почта: potiomkin_chtenia@mail.ru